
LIBRARY OF CONGRESS
00020007096

THE LIBRARY OF CONGRESS

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

С. Цахно́вской.

МОСКВА.
въ типографіи бахметева.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 28-го Февраля 1859 года.

Цензоръ А. Драшусовъ.

I.

ЛУЧШЕ УМНАЯ ХУЛА, ЧѢМЪ ГЛУПАЯ ХВАЛА.

ПОСЛОВИЦА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ С. В. ЭНГЕЛЬГАРДЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

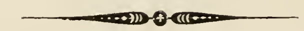
Графиня Л. молодая вдова.

Ернестина Едуардовна, ея компаніонка, пожилая дѣвица.

Князь Стреуцкій, претендентъ, (небогатый молодой человѣкъ).

Петръ Ивановичь Коринскій, 32-хъ лѣтъ, человѣкъ съ достаткомъ.

Лакей.

БУДУАРЪ ГРАФИНИ Л., БОГАТО УБРАННЫЙ,—ПОЛУСВѢТЪ ВЪ КОМНАТѢ.

СЦЕНА I.

Князь Стреуцкій, Ернестина Едуардовна.

(Князь сидитъ въ раздумьѣ, Ернестина Едуардовна въ продолженіе этой сцены стоитъ передъ нимъ, или ходитъ по комнатѣ. Она говоритъ очень живо и съ большими жестами.)

КНЯЗЬ (*медленно*).

Нѣтъ; воля ваша, Mademoiselle Ernestine, надежды немного.... состоянія у меня нѣтъ....

ЕРНЕСТИНА.

Состоянія нѣтъ! такъ чтожъ? за то у насъ есть, мы за этимъ не гонимся, слава Богу! лишь бы намъ угодили....

КНЯЗЬ.

Тутъ-то и задача.... Чѣмъ угодить?

ЕРНЕСТИНА.

Какъ чѣмъ? любезностью. . . .

КНЯЗЬ.

Да! А пока будешь тутъ изъ кожи вонъ лѣзть передъ нею, угождать, переносить ея капризы, исполнять ея малѣйшія фантазіи—подвернется какой нибудь счастливчикъ.... И глядь — ты въ дуракахъ! Тутъ-же подъ носомъ у тебя отобьютъ.... Ахъ! Еслибъ у меня были деньги!

ЕРНЕСТИНА.

Вы все про деньги.... Будутъ у васъ деньги, если меня послушаетесь.... А имя-то ваше вы ни во что не ставите? Ce nom là vaut une fortune!

КНЯЗЬ.

Помилуйте, Ернестина Едуардовна! Прошли эти времена,—теперь и купчихи не покупаютъ князей,—цѣна на насъ пала,—а она еще сама графиня....

ЕРНЕСТИНА.

Mais vous êtes beau, bien fait, et vous avez en moi un puissant auxiliaire.... Я вамъ служу какъ раба; —надѣюсь , вы этого не забудете....

КНЯЗЬ (*разсѣянно*).

Да, да, конечно, конечно....

ЕРНЕСТИНА, (*останавливаясь передъ нимъ*).

Я вижу, вы потеряли всякую бодрость; но кого-же вы боитесь? скажите. Я не знаю ни одного соперника.

КНЯЗЬ.

А Коринскій?

ЕРНЕСТИНА (*смѣясь*).

Ха, ха, ха,—вотъ нашли!... хороша фамилія.... Коринскій! И въ добавокъ чудакъ, который все критикуетъ, всѣмъ недоволенъ....

КНЯЗЬ.

Я ли не угождаю, помилуйте, а какой мнѣ отъ этого прокъ?

ЕРНЕСТИНА.

Voilà bien les hommes! Воображаютъ, что они угождаютъ, потому что раза два поднесутъ букетъ, да проводятъ до кареты, или достанутъ ложу въ театръ.... Да развѣ этимъ можно побѣдить сердце женщины? Это всякій лакей исполнитъ за васъ! Нѣтъ, сударь, не то....

КНЯЗЬ.

Что же надо дѣлать?

ЕРНЕСТИНА.

Ah le monstre, il le demande encore! Vous avez une jolie femme devant vous; eh bien! il faut le lui dire, Ostrogoth, le lui répéter mille fois! Я хоть и родомъ изъ Франціи, а люблю умъ вездѣ;—слышала я здѣсь недавно, что «кадиломъ лобъ не расшибешь.»

КНЯЗЬ.

Это все такъ; но графиня и безъ меня знаетъ, что она хороша;—ей только стоитъ стать передъ зеркаломъ.

ЕРНЕСТИНА.

Ce sont de ces choses, qu'une femme ne se lasse jamais d'entendre.... Но я слышу голосъ графини.... Она вѣроятно одѣлась и сейчасъ выйдетъ. Я васъ оставлю вдвоемъ,—не забывайте моихъ уроковъ... (*Она уходитъ*).

СЦЕНА II.

Князь одинъ.

КНЯЗЬ, (*охорашиваясь передъ зеркаломъ*).

Она умна, эта женщина! Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ немножко покадить, графиня избалована... (*охорашивается*), а все таки я эту Ернестину отстороню, когда буду здѣсь господиномъ. Она, пожалуй и другимъ вздумаетъ услуживать такимъ же образомъ.... (*слышенъ шорохъ за дверьми, князь отходитъ отъ зеркала.*)

СЦЕНА III.

Князь. Графиня.

(*На графинѣ чепчикъ съ яркооранжевыми лентами и распашной турецкій капотъ.*)

ГРАФИНЯ (*лѣниво протягивая руку князю*).

А, здравствуйте,—давно ли вы здѣсь?

(*она бросается на кушетку, и слегка зѣваетъ.*)

князь (*усаживаясь подлѣ нея.*)

Я здѣсь давно — но что значитъ ожиданіе, когда имѣешь счастіе... счастіе васъ видѣть! Я готовъ всю жизнь ждать вашей улыбки, вашего взгляда.... (*отираетъ лобъ платкомъ.*)

графиня (*насмѣшливо.*)

Довольно... вы мнѣ надоѣли, и въ наказаніе не дождетесь сегодня ни улыбки, ни взгляда. Скажите-ка лучше, какъ вы находите этотъ чепецъ? Мнѣ его принесли сейчасъ отъ M-me Annette.

князь (*складывая руки.*)

Прекрасенъ, божественъ! Онъ къ вамъ очень идетъ....

графиня, (*самодовольно.*)

Въ самомъ дѣлѣ идетъ? Это вы мнѣ не фразы говорите? Я очень рада , а то Ернестина увѣряетъ, что оранжевый цвѣтъ ко мнѣ не присталъ....

князь.

Напротивъ, я былъ пораженъ, когда вы вошли....

графиня.

А вчера въ театрѣ, вы замѣтили мой туалетъ?

князь (*растерявшись:*)

Кажется... Голубое платье... да, точно, голубое платье... голубые цвѣты на головѣ... да, да, да, помню—вы были восхитительны, и мой восторгъ....

ГРАФИНЯ, (*смѣясь*).

Ха, ха, ха, какъ увѣренно вы это говорите! у меня было пунцовое, бархатное платье и пунцовые цвѣты съ перьями на головѣ....

КНЯЗЬ.

Пунцовое!... Ахъ извините! Точно такъ.... Я хотѣлъ сказать пунцовое.... но вы знаете.... nous autres hommes, мы не умѣемъ различать цвѣта́,—мы все смотримъ на лице,—насъ поражаетъ ensemble; но о подробностяхъ не спрашивайте.

ГРАФИНЯ.

Значитъ вы не нашли моего туалета слишкомъ эксцентрическимъ? Я очень довольна, я боялась....

КНЯЗЬ (*съ жаромъ*).

Помилуйте, графиня, кому же позволить себѣ эксцентричество, если не вамъ? да вы надѣнете мѣшокъ на голову, и всѣ найдутъ, что это прекрасно!...

ГРАФИНЯ (*печально*).

Вотъ что я слышу отъ васъ, отъ всѣхъ.... Только одинъ человѣкъ говоритъ со мной иначе—отъ него одного не слыхала я ни слова лести....

КНЯЗЬ.

Прошу васъ, назовите его.

ГРАФИНЯ.

Я говорю о Коринскомъ. —

КНЯЗЬ, (*съ презрительной усмѣшкой*).

А, о Коринскомъ.... Но охота вамъ заботиться о мнѣніяхъ этого господина! Кто онъ такой? Какое его значеніе въ свѣтѣ? Способенъ ли такой ничтожный человѣкъ оцѣнить настоящее достоинство?....

ГРАФИНЯ (*строго*).

Коринскій—честный человѣкъ, который, вѣроятно, ни въ комъ не нуждается, и поэтому не прокладываетъ себѣ дороги лестью....

КНЯЗЬ (*съ горечью*).

Какъ вы заступаетесь за Коринскаго! не потому ли, что онъ ухаживаетъ за вашей кузиной, за богатой княжной П...?

ГРАФИНЯ (*съ достоинствомъ*).

Его ухаживаніе за моей кузиной не имѣетъ никакого вліянія на мое мнѣніе о немъ, какъ и то, что онъ никогда не искалъ мнѣ понравиться...

КНЯЗЬ (*съ торжествомъ*).

Такъ вы сознаетесь, по крайней мѣрѣ, что этотъ человѣкъ въ васъ не влюбленъ?...

ГРАФИНЯ.

Я никогда не приписываю себѣ чужихъ побѣдъ; — я

знаю, что даже честный человѣеъ, когда любитъ, — любитъ слѣпо, а Коринскій далеко не ослѣпленъ на мой счетъ.

КНЯЗЬ (*съ жаромъ*).

Вы правы, графиня; истинная любовь не видитъ недостатковъ, не сознаетъ ихъ въ любимомъ предметѣ.... И послѣ этого, когда любящій васъ человѣкъ говоритъ вамъ о своей любви, въ восторженныхъ выраженіяхъ, не уже ли вы еще скажете, что это лесть?... Графиня! скажите мнѣ хоть разъ, что вы вѣрите въ мою любовь!...

ГРАФИНЯ (*холодно*).

Я вѣрю вамъ.

КНЯЗЬ.

И больше ничего?... неужели вы не прибавите ни одного утѣшительнаго слова? —

ГРАФИНЯ (*задумчиво*).

Пріѣзжайте завтра, — я подумаю...

КНЯЗЬ (*вставая съ мѣста и цѣлуя у ней руку.*)

Я уѣзжаю, но съ надеждой; не правда ли, графиня?

ГРАФИНЯ (*съ нетерпѣніемъ*).

Пріѣзжайте завтра!

(*Князь уходитъ.*)

СЦЕНА IV.

Графиня одна.

Неужели въ самомъ дѣлѣ Коринскій влюбленъ въ Лидію? — вчера онъ почти весь вечеръ просидѣлъ подлѣ нея въ ложѣ... (*задумывается*).

СЦЕНА V.

Графиня, потомъ Ернестина.

(Голосъ Ернестины за сценой.)

Графиня, вы однѣ?

ГРАФИНЯ.

Войдите, M-lle Ernestine.

ЕРНЕСТИНА. *(оглядываясь на всѣ стороны).*

Уже уѣхалъ! Какъ скоро! Vous l'avez renvoyé?

ГРАФИНЯ

Онъ будетъ завтра...

ЕРНЕСТИНА.

Вы его пригласили?

ГРАФИНЯ.

Да, я ему сказала пріѣхать.

ЕРНЕСТИНА.

Онъ прекрасный молодой человѣкъ и очень къ вамъ привязанъ.

ГРАФИНЯ *(равнодушно играя вѣеромъ).*

Да, если вѣрить его словамъ.

ЕРНЕСТИНА.

Скажите мнѣ откровенно, графиня, чѣмъ онъ вамъ не угодилъ? Вы постоянно отзываетесь о немъ съ какимъ-то пренебреженіемъ...

ГРАФИНЯ.

Я? напротивъ... я даже думала сегодня, что можетъ быть и рѣшусь принять его предложеніе...

ЕРНЕСТИНА *(радостно).*

Ну — и прекрасно! пора его утѣшить... pauvre garçon sera-t-il-heureux! — tant de constance!...“

ГРАФИНЯ, *(задумчиво).*

Одно меня останавливаетъ: — я его не люблю.

ЕРНЕСТИНА *(съ безпокойствомъ).*

Значитъ вы любите другаго?

ГРАФИНЯ *(вздрагивая).*

Другаго!... нѣтъ, мнѣ некого любить...

ЕРНЕСТИНА.

Попробуйте заняться князем — вы его полюбите.... il est très bien ce garçon là!...

СЦЕНА VI.

Тѣже и лакей.

ЛАКЕЙ (*докладывая*).

Петръ Ивановичь Коринскій.

ГРАФИНЯ (*живо*).

Проси! (*Она привстаетъ, спускаетъ ноги съ кушетки и садится опять*).

ЕРНЕСТИНА (*смотря на графиню*). (*въ сторону*).

Ужъ не угадалъ ли въ самомъ дѣлѣ нашъ женихъ?.... надо посмотрѣть (*садится у окна*).

СЦЕНА VII

Тѣ же, кромѣ лакея, и Коринскій.

ГРАФИНЯ (*любезно*).

Здравствуйте, Петръ Ивановичь, благодарю, что вспомнили меня!

коринскій (*кланяясь*).

Какъ ваше здоровье, Наталья Николаевна? впрочемъ и спрашивать нечего.... вы уже готовы, разряжены, принимаете...

графиня (*обиженнымъ тономъ*).

Разряжены! Какія у васъ всегда выраженія, Петръ Ивановичь!

коринскій.

Вы хотите, чтобы я вамъ сказалъ, что вы одѣты очаровательно? что этотъ оранжевый чепецъ, какъ нельзя лучше, присталъ къ вашимъ каштановымъ волосамъ, что вашъ вчерашній пунцовый туалетъ...

графиня (*нетерпѣливо*),

Я у васъ совѣта не спрашиваю, Mr. Коринскій...

ернестина, (*вставая и укладывая свою работу въ ящикъ*) (*въ сторону*).

Не опасно, можно уйдти.... (*Уходитъ.*)

СЦЕНА VIII.

Графиня, Коринскій.

коринскій (*послѣ непродолжительнаго молчанія, серьезно*).

Ваша компаніонка ушла; я буду говорить съ вами откровенно, графиня, если позволите.

ГРАФИНЯ.

Вы, кажется, и безъ позволенія моего не стѣсняетесь....

КОРИНСКІЙ.

До сихъ поръ я шутилъ, но теперь я буду говорить серьезно, — мнѣ досадно видѣть, что умная женщина такъ дурачитъ себя и другихъ...

ГРАФИНЯ (*съ волненіемъ*).

Вы забываетесь, Петръ Ивановичъ.... какое право имѣете вы такъ говорить со мною?...

КОРИНСКІЙ.

Объ этомъ мы поговоримъ послѣ.... можетъ быть.... но теперь я хочу высказать вамъ всю правду, — я даже считаю это обязанностію; — въ вашей волѣ будетъ выгнать меня вонъ, если вы найдете мои слова оскорбительными.

ГРАФИНЯ (*сухо*).

Говорите, я васъ слушаю.

КОРИНСКІЙ.

Графиня! вы окружены льстецами, людьми, которые добиваются, — иные вашего состоянія, другіе вашей любви.... Эти люди знаютъ, что всякая женщина чувствительна къ похваламъ и лести, и поэтому они не щадятъ съ вами ни похвалъ, ни лести.... Это нѣсколько вскружило вамъ голову, и вы вообразили себѣ, что вамъ все простятъ....

нѣтъ эксцентричества, котораго вы себѣ бы не позволили.... Отложивъ въ сторону прекрасный вкусъ, которымъ отличался прежде вашъ туалетъ, вы стали показываться всюду въ самыхъ яркихъ и несообразныхъ цвѣтахъ. Vous vous donnez des airs de lionne.... курите на балахъ, ѣздите по городу, въ одиночку, безъ лакея.... покровительствуете танцовщицамъ и принимаете ихъ у себя....

ГРАФИНЯ.

Но вы одни осуждаете меня за эти поступки....

КОРИНСКІЙ.

Я одинъ рѣшаюсь высказать вамъ свое осужденіе....

ГРАФИНЯ (*горячо*).

Вы хотите сказать, что другіе осуждаютъ меня за глаза?... Но я вамъ скажу, Петръ Ивановичъ, что есть и такіе, которымъ все нравится во мнѣ.... которые любятъ меня, не смотря на мои уродливые, по вашему мнѣнію, недостатки.

КОРИНСКІЙ (*спокойно*).

Я это понимаю; въ васъ много прекрасныхъ качествъ, достойныхъ любви....

ГРАФИНЯ (*съ поспѣшностію*).

Нѣтъ, не потому, а потому, что любовь слѣпа.

КОРИНСКІЙ.

Я не такого мнѣнія.

ГРАФИНЯ.

Я вамъ сейчасъ докажу, что я права. Вы, которые такъ энергически осуждаете меня за мои недостатки, вы вчера, въ театрѣ, просидѣли цѣлый вечеръ возлѣ той, которую любите, и не замѣтили.... *(спохватившись)* но что же я дѣлаю?... Говорятъ, это дѣло почти рѣшенное...

КОРИНСКІЙ *(улыбаясь)*.

Да, это дѣло почти рѣшено; я получилъ согласіе отъ княжны Лидіи и поспѣшилъ написать объ этомъ сегодня моему другу, счастливому П., который, вслѣдствіе недоразумѣнія, съ отчаянія уѣхалъ въ деревню....

ГРАФИНЯ *(съ невольной радостію)*.

Такъ вы хлопотали не для себя?.... А я думала....

КОРИНСКІЙ.

Это нѣсколько разрушаетъ вашу теорію о слѣпой любви, основанную на моемъ долгомъ разговорѣ съ княжной...

ГРАФИНЯ.

Но я все-таки остаюсь при своемъ мнѣніи: любящему человѣку все нравится въ любимой женщинѣ.

КОРИНСКІЙ.

Нѣтъ, вы скажите лучше, что робкіе любовники боятся потерять расположеніе своего предмета, если выразятъ ему откровенно свое мнѣніе, — женщины самолюбивы....

ГРАФИНЯ (*живо*).

Менѣе мужчинъ! И если вы такъ говорите и такъ думаете, то это изъ чистаго самолюбія; у многихъ мужчинъ есть претензія перевоспитывать жену на свой ладъ.

КОРИНСКІЙ.

Пустая мечта—это невозможно.... Но когда женщина измѣняетъ самой себѣ, своему характеру, когда милая, умная, скромная женщина разыгрываетъ удалую львицу, тогда ее исправить не трудно; стоитъ только доказать ей, какъ много она теряетъ, принимая на себя чужую роль...

ГРАФИНЯ (*задумчиво*).

Вы, можетъ быть правы.... но знаете-ль, отъ чего это происходитъ? Знаете-ль, отъ чего многія женщины надѣваютъ маску, выражаютъ, выказываютъ поддѣльныя чувства, поддѣльныя мысли, поддѣльныя наклонности? — Отъ того, что вы, господа, не умѣете цѣнить откровенности; отъ того, что вы смѣетесь надъ женщинами, которыя высказываются, называете ихъ, съ улыбкой презрѣнія, непонятыми женщинами....

КОРИНСКІЙ.

Благородный человѣкъ никогда не посмѣется надъ откровенностію неподдѣльною; но много ли такихъ женщинъ? И какъ часто встрѣчаемъ мы такихъ, которыя употребляютъ эту мнимую откровенность орудіемъ кокетства... Всѣ средства имъ хороши: одна кокетничаетъ своею остроумною веселостью; другая—грустію, несчастіями; третья—

материнскою любовью, дѣтьми; четвертая — притворными болѣзнями, нервами....

ГРАФИНЯ (*иронически*).

Вы прекрасно исчисляете всѣ смѣшныя стороны, всѣ ridicules нашего пола, но забываете одно: забываете, что мужчины сами виноваты; — вамъ нравятся такія женщины; еслибъ это разнообразное кокетство не имѣло успѣха, мы его бы не употребляли; но естественность не оцѣняется, вы насъ выучили кривляться; jouissez de votre ouvrage, Messieurs...

КОРИНСКІЙ.

Нѣтъ, не мы васъ выучили, а вашъ женскій инстинктъ; я скажу болѣе: вы и въ насъ не терпите естественнаго обращенія съ вами. Отъ чего многіе изъ насъ не охотно ѣздятъ въ свѣтъ? Отъ того, что вы насъ стѣсняете своими требованіями,—вы хотите стать на подножіе, вы хотите, чтобы мы вамъ кадили какъ богинямъ;... а для насъ это напряженное состояніе тяжело. Мы желаемъ провести вечеръ съ прекрасными, умными женщинами, а вы насъ заставляете поклоняться кумирамъ....

ГРАФИНЯ.

И это вы, вы, мужчина, такъ говорите! Посмотрите-ка вокругъ себя, посмотрите на наше общество; гдѣ видите вы богинь и поклонниковъ?... Рыцарскія времена прошли, теперь на женщинъ смотрятъ свысока и цѣнятъ тѣхъ, которыя обращеніемъ своимъ, болѣе подходятъ къ камеліямъ.... Ваши свѣтскіе франты позволяютъ себѣ съ нами, порядоч-

ными женщинами, безцеремонное обращеніе, laissez aller въ манерахъ, которыхъ бы конечно не допустила у себя въ гостиной Ninon de Lenclos...

КОРИНСКІЙ.

Я не спорю, встрѣчаются и такіе франты.... но ихъ обращеніе вамъ нравится, женщины любятъ крайности...

ГРАФИНЯ (*смѣясь*).

Я вижу, васъ разубѣдить нельзя;—вы никогда не сознàетесь, что въ женщинахъ есть достоинства стоющія....

КОРИНСКІЙ (*прерывая ее*).

Нѣтъ, вы ошибаетесь; я сознаюсь теперь передъ вами, что есть женщины прекрасныя и благородныя, которыя не сердятся за правду, сказанную имъ изъ участія. Я никогда не забуду, графиня, что вы могли бы меня выгнать отсюда, но выслушали снисходительно. А между тѣмъ вы болѣе избалованы, чѣмъ другія, лестью и поклоненіями....

ГРАФИНЯ (*съ чувствомъ*).

Нѣтъ, я не сержусь на васъ, Петръ Ивановичъ, я даже благодарю васъ за участіе ко мнѣ (*протягиваетъ ему руку*), и сознаюсь, что вы были правы во всемъ, что касается до меня....

КОРИНСКІЙ (*цѣлуя ея руку*).

Спасибо вамъ, графиня, вы сняли у меня камень съ груди....

ГРАФИНЯ.

Я васъ не понимаю.

КОРИНСКІЙ.

Я также принадлежу къ числу робкихъ любовниковъ, которые боятся откровенностію потерять расположеніе своего предмета. Послѣ этого признанія, графиня, вы должны оцѣнить мой героизмъ: я многимъ рисковалъ сегодня для васъ; говоря вамъ правду, я рисковалъ всѣмъ счастіемъ своей жизни.

ГРАФИНЯ (*улыбаясь*).

Но какъ же это, Петръ Ивановичъ? вѣдь любовь слѣпа...

КОРИНСКІЙ.

Это вы говорили, графиня, но я....

ГРАФИНЯ (*прерывая его*).

Нечего дѣлать, васъ не исправишь, остается мнѣ полюбить зрячаго....

КОРИНСКІЙ (*беря ея руку*).

Nathalie, пощадите меня, я чувствую, что я совсѣмъ ослѣпну!

ГРАФИНЯ.

Этого не нужно; я хочу сдѣлаться достойною любви моего будущаго мужа....

СЦЕНА IX.

Тѣ же и Ернестина Едуардовна.

Ернестина Едуардовна (*останавливаясь въ дверяхъ*).

(*въ сторону*).

Ея мужа!

ГРАФИНЯ.

M-lle Ernestine, поздравьте насъ, мы женимся....

ЕРНЕСТИНА ЕДУАРДОВНА.

Поздравляю васъ; но признаюсь, я этого не ожидала; вы выходите за этого неумолимаго критика? Бѣдный Стреуцкій! что съ нимъ будетъ?

ГРАФИНЯ (*весело*).

Ничего, утѣшится; напишите своему protégé, чтобъ онъ не трудился пріѣзжать завтра, и скажите ему: что лучше умная хула, чѣмъ глупая хвала.

II.

ТРИ ЖЕНЩИНЫ.

РОМАНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ,

посвящается Е. Н. Кротковой.

Отъ Маріи С. къ Адели П.

Село Горскино 5-го Мая.

Любезный другъ Адель!

Я нахожусь въ самомъ затруднительномъ положеніи, въ отношеніи къ тебѣ, давъ тебѣ обѣщаніе, котораго теперь не могу сдержать; помнишь нашу вечеринку, наканунѣ моей свадьбы, тамъ въ темненькой гостиной въ уголку, за плющемъ? Женихъ уже уѣхалъ, а мы съ тобой остались еще вмѣстѣ на полчасикъ поболтать... Чего, чего мы тутъ не переговорили! Сколько нѣжныхъ прощаній, сколько горячихъ увѣреній въвѣчной дружбѣ, вь вѣчной искрен ности!... Тутъ я тебѣ дала обѣщаніе написать все тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ деревню, *все*, то есть, всѣ мои впечатлѣнія, все, что я перечувствую и передумаю въ это путешествіе. Давно ли я тебѣ это говорила?—не прошло недѣли, а мысли мои уже успѣли совершенно перемѣниться; то, что казалось мнѣ и легко и пріятно, то — кажется теперь не возможнымъ .. Я сама не знала тогда, что̀ тебѣ обѣщала. Нѣтъ, милый другъ, мы воображали пустое; есть вещи, которыя не передаются; чтобы понять состояніе души и сердца въ первыхъ порахъ супружества, тебѣ надобно самой испытать его; когда выйдешь замужъ, то поймешь мои слова. Не думай, впрочемъ, что я совсѣмъ отказываюсь къ тебѣ

писать и давать о себѣ извѣстія; напротивъ, наша переписка должна состояться; но только она, можетъ быть, не будетъ совсѣмъ такова, какъ мы съ тобой мечтали. Ты предупреждена, и такъ если ты не найдешь въ моемъ письмѣ полнаго удовлетворенія твоимъ требованіямъ, ты меня простишь ради моего искренняго признанія. Изо всего этого ты можешь заключить, что я вполнѣ счастлива; говорятъ, въ несчастіи человѣкъ чувствуетъ потребность высказаться... И въ самомъ дѣлѣ, милый другъ, Владиміръ самый внимательный, самый нѣжный супругъ! Когда, распростившись съ вами, мы сѣли въ карету, мнѣ сначала было какъ-то грустно, сердце сжималось при мысли, что я разстаюсь со всѣми вами, и что въ замѣнъ всѣхъ этихъ любящихъ, давно испытанныхъ сердецъ, мнѣ дано одно только сердце, еще мною не испытанное; что̀ если я ошиблась въ немъ? Нѣтъ, я не ошиблась, моя добрая Адель, прости меня, но я теперь уже не горюю о васъ, я не вздыхаю, когда думаю о добромъ, почтенномъ батюшкѣ, о тебѣ, милый другъ моего дѣтства, о моей безподобной миссъ Сарѣ, которая съ такими горячими слезами меня провожала. Я понимаю, что я эгоистка, что я не стою вашей любви; но чтожъ дѣлать — я счастлива!

Что за милое живописное мѣсто село Горскино! Какъ заманчиво представился мнѣ бѣлый, прелестный домикъ съ своей зеленой крышею, веселыми террассами и яркимъ цвѣтникомъ. Онъ стоитъ на угорѣ, окруженный столѣтними липами и почтенными дубами; внизу течетъ рѣка; а за рѣкой свѣжая березовая роща.—Первые дни нашего прибытія сюда мы посвятили осмотрѣнію села Горскина; мужъ съ полнымъ удовольствіемъ водилъ меня по садамъ и оранжереямъ,

показывалъ всѣ прекрасные виды, а я всё любовалась, радовалась и не уставала бродить по цѣлымъ днямъ. Теперь я знаю село Горскино и его окрестности, какъ будто вѣкъ въ немъ жила. Я не воображала, что можетъ быть такъ весело въ деревнѣ. Прежде въ моей головѣ слово: веселіе, было неразлучно съ шумомъ, съ блескомъ баловъ или собраній, теперь мнѣ весело вдвоемъ... но Владиміръ такъ любезенъ, такъ милъ, такъ умѣетъ предъупреждать всѣ мои желанія!.. Повѣришь ли? Онъ даже не сердится на мои капризы... Прощай, мой добрый другъ, съ нетерпѣніемъ я буду ожидать извѣстія о тебѣ.

Твоя Марія Сергинская.

Отъ Адели П. къ Маріи С.

Москва 20 мая.

Я получила твое письмо, мой милый другъ, но не дѣлаю тебѣ упрековъ; спасибо тебѣ и за то, что въ счастіи не забыла меня. А безъ тебя скучаю я страшно; и скучно мнѣ, и грустно, еще пустѣе кажется мнѣ свѣтъ, еще безцвѣтнѣе балы, еще глупѣе кавалеры! танцовальныя вечеринки и лѣтніе пикники въ Сокольникахъ и въ Петровскомъ паркѣ, по моему мнѣнію, гораздо скучнѣе зимнихъ баловъ; они какъ-то неумѣстны. То ли дѣло, какъ ты, жить въ деревнѣ, любоваться природой, проводить время въ мирныхъ занятіяхъ, быть любимой!... Прости меня, Марія, я тебѣ не завидую; нѣтъ, будь счастлива, но пожалѣй и обо мнѣ. Ты знаешь мои наклонности, я никогда не любила шумныхъ, свѣтскихъ удовольствій; ты, моя милая полькерка, часто смѣялась надъ моей меланхоліей и моими сельскими мечтами; а теперь судьба въ насмѣшку *тебѣ* назначила тихую, деревенскую жизнь, а меня оставляетъ въ этомъ ненавистномъ мнѣ городѣ, и далеко отъ тебя, — пожалѣй же обо мнѣ.

Здѣсь ничего нѣтъ новаго; по прежнему злословятъ и наряжаются, по прежнему веселятся безъ увлеченія, и волочатся изъ корысти. Глупенькая, но богатая графиня

А.... по прежнему окружена поклонниками и танцорами; а прелестная Лидія В.... по прежнему сидитъ въ углу. Не стану тебѣ разсказывать всѣ пошлости и вздоръ, которые я слышала и говорила въ прошествіе этихъ двухъ недѣль, не хочу возмущать твоей спокойной прекрасной жизни. Желаю отъ души, чтобы деревня тебѣ не надоѣла; ты такъ привыкла къ разсѣянности и разнообразію. Помнишь бывало, день безъ бала въ твоей жизни не считается.... Прости меня за совѣтъ; отъ души тебѣ его даю; постарайся создать себѣ занятія, заведи чтеніе вдвоемъ, займись музыкой, даже хозяйствомъ. Переходъ отъ свѣта и удовольствій къ уединенію слишкомъ рѣзко для тебя совершился; деревня не то, что городъ, лѣнивый образъ жизни въ ней невозможенъ. Еще разъ прости за совѣтъ; все забываю, что ты теперь замужемъ, а я неопытная дѣвушка, и не могу оставить этотъ докторальный тонъ, за который ты меня всегда упрекала. Прощай, мой добрый другъ, пиши мнѣ чаще и не забывай

преданной тебѣ

Адели Пельской.

Отъ Маріи С. къ Адели П.

Село Горскино 10 іюня.

Ты мнѣ совѣтуешь, милая Адель, занятія, чтеніе вдвоемъ; ты боишься, что мнѣ здѣсь будетъ скучно. Но не суди о нашей жизни по первому моему письму, мы не совсѣмъ живемъ въ пустынѣ; я уже успѣла сдѣлать два знакомства. Въ прошлое Воскресенье пріѣхалъ къ намъ рекомендоваться самый близкій нашъ сосѣдъ, Иванъ Егоровичь Ларцевъ. Я не скажу, чтобъ онъ былъ особенно любезный, или умный молодой человѣкъ, но для деревни, право, очень сносно; онъ играетъ въ вистъ-преферансъ, чего же больше? А я къ этой игрѣ теперь ужасно пристрастилась.... Другое знакомство еще пріятнѣе: на прошлой недѣлѣ возвратилось изъ-за границы семейство Гордуновыхъ; это старые знакомые моего мужа, и мы къ нимъ третьяго дня ѣздили съ визитомъ. Они живутъ въ 10-ти верстахъ отсюда. Семейство это состоитъ изъ старика Гордунова, человѣка лѣтъ 60-ти, его жены, тоже немолодой и болѣзненной женщины, и двухъ ихъ дѣтей, дочери и сына. Послѣдній еще ребенокъ, но дочь, дѣвица лѣтъ уже 20-ти, и мнѣ очень понравилась; она чрезвычайно мила и съ перваго взгляда мнѣ полюбилась. Знаешь ли ты,—она мнѣ напомнила Сашу В...., тотъ же легкій станъ, та же граціозная

фигура, тѣ же синіе глаза и свѣтло-каштановые волосы. Она у насъ будетъ гостить, я ее звала къ себѣ на двѣ или на три недѣли; ей дома скучно, а у насъ мѣста много....

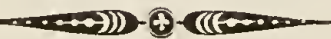
Jean Ларцевъ ѣздитъ къ намъ всякій день, такъ что мы теперь рѣдко одни, и не успѣваемъ скучать.... Я отгадываю твой отвѣтъ; ты не этого хотѣла, не развлеченья, не общества, но серьозныя занятія, назидательное чтеніе.... Что-жъ дѣлать, мой милый другъ; замужство меня не измѣнило: помнишь это несчастное путешествіе капитана Кока? Сколько разъ и ты, и Миссъ Сара,—вы хотѣли меня заставить его слушать, и всякій разъ вамъ эта попытка не удавалась: либо я засну на самомъ интересномъ, по вашему мнѣнію, мѣстѣ, либо мнѣ именно въ эту минуту придетъ фантазія танцовать! Схвачу бывало бѣдную миссъ Сару за талію и пойду съ нею кружиться по комнатѣ, а она полу-сердито, полу-шутя старается освободиться изъ моихъ рукъ, и сѣдые аккуратные локончики ея развѣваются и падаютъ ей въ глаза....

Когда я пріѣхала сюда, мужъ мой, между прочими предметами, показалъ мнѣ свою библіотеку, прибавляя, что тутъ чтенія много, и чтобъ я выбрала что нибудь читать вмѣстѣ. Вообрази—первая попавшаяся мнѣ книга была опять-таки путешествіе Кока вокругъ свѣта! Я ее бросила съ досадой, и съ тѣхъ поръ уже не заглядывала въ библіотеку. Да теперь и невозможно читать: погода стоитъ удивительная, воздухъ такъ чистъ, такъ тихо-прохладенъ, такъ и клонитъ васъ къ Far niente.... Цѣлый день сижу на балконѣ, въ обществѣ цвѣтовъ, или брожу съ Владиміромъ, по аллеямъ сада.

Прощай, мой милый другъ, желаю отъ души, чтобы твой

сплинъ и ожесточеніе противъ свѣта скорѣе бы прошли. Не слишкомъ ругай этотъ бѣдный свѣтъ, вспомни, что въ немъ заключается тотъ, который долженъ осуществить твои мечты. Я имѣю предчувствіе, что это скоро сбудется; твои же мечты такъ скромны: деревня, спокойная жизнь, занятія,—о Боже! и что-же ты будешь требовать отъ мужа? Чтобъ онъ далъ себя лелѣятъ, нянчить, ты ему будешь всячески угождать, а онъ, счастливецъ, позволь только себя обожать!....

Твоя Марія Сергинская.

От Любиньки Гордуновой къ Анютѣ Тамбровской.

Село Горскино, 5 іюня.

Милая сестра Анна!

Говорятъ, что «дымъ отечества и сладокъ, и пріятенъ»— не всегда, мой добрый другъ. Подъѣзжая на пароходѣ къ англійской набережной, мнѣ какъ-то стало грустно.... Тамъ, за границей, мнѣ было пріятно, привольно жить, легко дышать; разнообразіе въ природѣ, разнообразіе въ людяхъ,—все это нравилось моему воображенію, а здѣсь, въ Россіи, что меня ожидало? Я вспомнила нашъ узкій, сѣрый деревянный домъ, который такъ уныло, такъ сиротливо стоитъ на плоской, голой лужайкѣ, и этотъ безконечный рядъ оконъ, изъ которыхъ не на что глядѣть, и этотъ садъ безъ цвѣтовъ, и этотъ прудъ безъ воды, и папенька опять съ подагрой и тяжкими вздохами, и маменька съ обвязанной щекой и вѣчнымъ чулкомъ въ рукахъ. Странную мы ведемъ жизнь, живемъ три, четыре года въ деревнѣ, а тамъ соберемся съ деньгами, и поѣдемъ на годъ, или на два въ чужіе края: папенька лечитъ свою подагру, маменька лечитъ свои ревматизмы, я дышу во всѣ легкія.... наберемся здоровья, изведемся деньгами, и поѣдемъ опять скучать и копить деньги въ деревню. — И теперь пугала

меня печальная картина Тарасьевки и нашей отшельнической въ ней жизни. Нынѣшній же разъ это можетъ продолжиться года четыре или пять, ибо мы страшно прокутились. Но судьба готовила мнѣ утѣшеніе: Владиміръ Петровичь Сергинскій, нашъ сосѣдъ, котораго, помнится, мы раза два видали съ тобою въ дѣтствѣ, женился и съ молодой женой пріѣхалъ къ себѣ въ деревню; они были у насъ, и позвали меня къ себѣ. Ты понимаешь, что я тотчасъ же приняла ихъ приглашеніе, и къ великому моему удивленію и удовольствію родители отпустили меня недѣли на три.

Я теперь въ селѣ Горскинѣ; — какъ здѣсь хорошо! Въ маленькомъ видѣ моя милая Швейцарія!... Я пріѣхала сюду часовъ въ семь вечера; мнѣ сказали, что всѣ на балконѣ; я пошла туда, и застала Владиміра Петровича и жену его за картами; съ ними игралъ молодой сосѣдъ ихъ Иванъ Егоровичь Ларцевъ, о которомъ ты вѣрно слышала; онъ слыветъ здѣсь въ околодкѣ за самую богатую партію. — Ты вѣрно захочешь короче узнать лица, съ которыми мнѣ теперь придется пожить; и такъ я постараюсь тебѣ ихъ описать какъ можно вѣрнѣе. Марья Сергинская собою не дурна, маленькая, смугленькая, съ черными живыми глазами, и черными кудрявыми волосами; она наружностью своею напоминаетъ креолку. Она говоритъ скоро, много, и безпрестанно смѣется. Владиміръ Петровичь составляетъ совершенную противуположность своей жены; ты его, можетъ быть, помнишь: онъ высокъ, строенъ, немного блѣденъ; его темнорусые волосы зачесаны назадъ, и открываютъ прекрасный лобъ; задумчивый карій глазъ его какъ будто заглядываетъ вамъ въ душу. Онъ не болтливъ; но

когда говоритъ, сейчасъ виденъ человѣкъ съ умомъ и сердцемъ. Онъ еще очень занятъ женою, безпрестанно слѣдитъ за нею глазами, и любуется ею; но его улыбка, когда онъ обращается къ ней, какъ будто говоритъ: «я тебя очень люблю, ты премилое дитя»;— я думаю, что онъ ошибается. Марія не наивный ребенокъ, которому скоро суждено развиться, а просто суетная, пустая женщина, какихъ родятся милліоны; она рождена для баловъ, для свѣта, для нарядовъ и кокетства. Кокетство въ ея природѣ; она сама того не замѣчая, мѣняетъ и тонъ, и взглядъ, и позу, когда говоритъ съ мущиной. Мнѣ кажется, что она даже обращаетъ болѣе вниманія, чѣмъ слѣдуетъ, на Ларцева. Онъ не можетъ ей нравиться, онъ такъ много ниже ея мужа.... Но привычка кокетства въ ней слишкомъ развита, и есть что-то неопредѣленное въ ея обращеніи съ нимъ, чего я и объяснить не могу, но чему бы не слѣдовало быть. Владиміръ Петровичь съ своимъ умомъ этого не замѣчаетъ; не мудрено, что и Ларцеву не въ догадъ.—Но можетъ быть и я ошибаюсь, принимая за кокетство излишнюю развязность или сообщительность характера. Ты знаешь, что я вообще не очень сообщительна, и что со мной не сейчасъ сойдешься; а не смотря на это, мы съ Марьей уже задушевные друзья, по крайней мѣрѣ она такъ говоритъ. Она мнѣ даже немножко надоѣдаетъ своей дружбой; вообрази себѣ, что она цѣлый день ничего не дѣлаетъ, и хочетъ, чтобы и другіе раздѣляли ея праздность. Она мужа совсѣмъ замучила прогулками; то ступай съ нею за грибами, то ей вздумається кататься на лодкѣ, а онъ греби веслами; то она побѣжитъ въ оранжерею собирать фрукты, то бродитъ по цѣлымъ часамъ по саду, безъ всякой цѣли. Вче-

ра поутру Владиміръ Петровичь съ улыбкой попросилъ меня заступить его мѣсто на прогулкѣ.

Мы до самаго обѣда все гуляли и болтали. Марья счастлива, она любитъ своего мужа, а странно: ея лице какъ-то особенно оживляется, когда она вспоминаетъ о городской жизни, о балахъ, о свѣтскихъ своихъ успѣхахъ. Къ обѣду пріѣхалъ Ларцевъ; за столомъ мы сидѣли рядомъ, и мнѣ показалось, что онъ особенно внимателенъ ко мнѣ; это продолжалось и послѣ обѣда. Мы съ нимъ болѣе часу сидѣли и разговаривали па балконѣ; мнѣ даже показалось, что Марьѣ стало немножко досадно, что онъ исключительно занимался мною.—Она вдругъ схватила меня за руку, и сказала довольно нетерпѣливымъ голосомъ: «ну, полно вамъ философствовать, пойдемте-ка лучше погуляемте по саду.» Но я тебѣ еще не говорила, какого рода этотъ человѣкъ—Ларцевъ. Такъ какъ онъ за мною ухаживаетъ,—ты вѣрно захочешь знать что онъ такое, но определить его трудно: это одинъ изъ тѣхъ тысячныхъ людей, про которыхъ сказать нечего. Самая наружность его безцвѣтна: онъ ростомъ не высокъ, и не малъ, онъ не толстъ, но сложенія плотнаго; его маленькіе глаза не то сѣраго, не то зеленаго цвѣта, а выраженія ихъ разглядѣть нельзя, потому что онъ ихъ страшно щуритъ, когда говоритъ. Рыжеватые усы почти скрываютъ его губастый ротъ, а свѣтлые волосы всегда тщательно напомажены и приглажены, по воскресеньямъ же онъ ихъ завиваетъ. Разговоръ его не замѣчателенъ, но спасибо и за то, что онъ не остритъ и не пускается въ чувствительность, а говоритъ просто; словомъ, мой милый другъ, въ моемъ положеніи, съ моимъ маленькимъ состояніемъ, такому жениху мнѣ от-

казать бы не слѣдовало, если бы онъ посватался. Правда, самолюбіе въ сторону, я не могу не сознаться, что я выше его воспитаніемъ и, можетъ быть, даже умомъ; во многомъ онъ меня не пойметъ; но гдѣ же мнѣ, бѣдной дѣвушкѣ, живущей въ глуши и уединеніи, мечтать и надѣяться на лучшую судьбу? И за эту надобно быть благодарной, если Богъ мнѣ ее пошлетъ. Все это я себѣ толкую со вчерашняго вечера, а на сердцѣ тяжело... Зачѣмъ попала я сюда? за чѣмъ должна я имѣть передъ глазами мужа этой Маріи? за чѣмъ приходится мнѣ безпрестанно дѣлать невольное сравненіе между этимъ благороднымъ, высокимъ существомъ и Ларцевымъ? Какимъ ничтожнымъ, какимъ пустымъ мнѣ тогда кажется послѣдній....

6-го іюня. Сегодня поутру, когда я вышла въ гостинную, Маріи еще не было; Владиміръ Петровичь сидѣлъ одинъ въ большихъ креслахъ, и читалъ какую-то книгу; при моемъ появленіи, онъ всталъ и пожалъ мнѣ руку.

— Что вы читаете?» спросила я его.

— Я перелистываю Лермонтова, отвѣчалъ онъ мнѣ; это мой любимый писатель; вы вѣрно его читали;—и онъ поглядѣлъ на меня вопросительно.

—Къ великому моему стыду я мало знакома съ нашей литературой.

—То есть вы ею пренебрегаете,—отвѣчалъ онъ насмѣшливо, и не давъ мнѣ возразить, продолжалъ съ нѣкоторою колкостію:—вы вѣчно, какъ всѣ наши Русскія женщины, восхищаетесь мечтательными стишками Ламартина: c'est le poète des dames! Онъ такъ умѣетъ воспѣвать и прелести уединенія, и природу, и тихую любовь, гдѣ нибудь въ забытомъ уголкѣ земли!... А у самого въ головѣ честолюби-

выя мысли, и снятся ему почести и власть, когда онъ съ каѳедры своей, подъ видомъ миролюбца, возмущаетъ народъ своими рѣчами. Послѣ того сколько искренности въ этомъ сельскомъ поэтѣ! и какъ онъ долженъ трогать наше сердце!....»

Мнѣ стало досадно, что онъ обо мнѣ такъ судитъ, я покраснѣла, и съ жаромъ отвѣчала:—«Вы ошибаетесь, Владиміръ Петровичь, если думаете, что я пренебрегаю нашей литературой, и люблю Ламартина; онъ никогда не былъ моимъ любимымъ поэтомъ, а если я мало знаю отечественныхъ писателей, то это отъ того, что, живя постоянно въ деревнѣ, или за границей, я не могла ихъ достать. Въ батюшкиной библіотекѣ я нашла нѣсколько Русскихъ книгъ, два разрозненные тома Пушкина, Жуковскаго и Мертвыя души Гоголя, и тѣ я почти знаю наизусть.

—Если такъ, сказалъ онъ улыбнувшись, то извините меня за поспѣшное сужденіе, и позвольте предложить вамъ свою библіотеку.

Я благодарила.

—Она вся къ вашимъ услугамъ, прибавилъ онъ, съ легкимъ вздохомъ; жена не любитъ читать, а я буду въ восхищеніи подѣлиться съ вами удовольствіемъ.—Тутъ онъ задумался, перелистывая свою книгу, потомъ вдругъ остановился на одномъ мѣстѣ, и сталъ мнѣ вслухъ читать слѣдующіе стихи:

«Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвой.
«Не за свою молю душу пустынную», и проч..

Онъ читалъ полнымъ, гармоническимъ голосомъ; благородныя черты его оживились огнемъ... Не могу тебѣ объяснить, что со мною въ эту минуту сдѣлалось, но этотъ голосъ, это

лице, эти прекрасныя слова, мнѣ до сихъ поръ не знакомыя, сильно поразили меня... Я почувствовала себя глубоко тронутой, и слезы невольно брызнули изъ глазъ моихъ.... Не знаю, замѣтилъ ли ихъ Владиміръ Петровичь, но я не успѣла опомниться, какъ вдругъ вбѣжала въ комнату Марія, вырвала у него книгу изъ рукъ, поспѣшно поцѣловала его въ лобъ, и потащила насъ съ собою чай пить въ столовую. Во время чая она все время болтала всякій вздоръ; Владиміръ Петровичь ее слушалъ, но былъ молчаливѣе обыкновеннаго, а мнѣ было какъ-то тяжело на сердцѣ, мнѣ было досадно на себя за неумѣстное волненье, меня давила смутная мысль о томъ, что я здѣсь лишняя; они были счастливы безъ меня.... Я имъ ненужна.... Моей симпатіей и моей дружбой никто не дорожитъ; Владиміръ Петровичь такъ влюбленъ въ свою жену — я имъ только мѣшаю... Нѣтъ, рѣшительно, милая Анна, если Ларцевъ посватается, я пойду за него, а не то уѣду отсюда.... уѣду скорѣе въ Тарасьевку, а здѣсь не останусь.... Прощай, мой добрый другъ, пиши ко мнѣ почаще; надѣюсь на твои совѣты.

Твоя любящая сестра

Любовь Гордунова.

От Ивана Ларцева къ Петру Дорожинскому.

Село Демьяновка 14 іюня.

Любезный другъ Петръ!

Ты меня зовешь служить съ собою въ губернскій городъ, берешься доставить мнѣ хорошенькое мѣстечко, и увѣряешь, что мнѣ тамъ будетъ весело; «удовольствія своимъ чередомъ, а чины, дескать, своимъ порядкомъ пойдутъ.» Что ты—помилуй? или ты меня не знаешь? Кажется, до службы никогда не былъ охотникомъ; послужилъ года два, и то, по приказанію батюшки (царство ему небесное, крутъ былъ старикъ)! а какъ его лишился, тотчасъ-же вышелъ въ отставку. Если же тебѣ скучно безъ меня, то брось лучше самъ службу, и пріѣзжай ко мнѣ жить въ деревню.—А въ удовольствіяхъ мы здѣсь теперь не нуждаемся, дамское-то общество у насъ почище вашего будетъ; есть ли у васъ хоть одна порядочная женщина? судейша, городничиха, да три дѣвицы Палашевы, да и все тутъ. И что за глупыя дѣвки эти Палашевы, и какъ противно бренчатъ на фортоньянахъ? а скажешь имъ малѣйшій комплиментъ: «какъ вы мило играете, или какіе у васъ хорошенькіе волосы,» она принимаетъ ваши слова за

объясненіе въ любви, да и давай присѣдать, и краснѣть, и жеманиться. А я здѣсь теперь всякій день бываю у С.; онъ въ Москвѣ женился на княжнѣ Галахиной, и привезъ ее въ деревню къ себѣ.—Вотъ милая женщина, весела какъ птичка, и какъ умна, и какъ любезна! Не смотря однакожъ на всѣ эти достоинства, я бы въ нее не влюбился; въ умъ бы не пришло за чужой женой волочиться, но слушай, что случилось. У Сергинскихъ гоститъ ихъ сосѣдка, Любовь Александровна Гордунова; она здѣшняя, но ѣздила нѣсколько разъ за границу, премиленькая, прехорошенькая дѣвушка; она мнѣ съ перваго раза приглянулась, и признаюсь тебѣ, я даже крѣпко далъ ей это замѣтить. Она также, кажется, осталась не совсѣмъ равнодушна ко мнѣ; до сихъ поръ все въ порядкѣ, но кто же могъ знать, что случилось потомъ? Около недѣли мы всякій день видѣлись и все болѣе и болѣе сближались, какъ вдругъ.... Но мнѣ надобно тебѣ разсказать подробно, какъ все это было; дѣло, братецъ, затруднительное, я нахожусь „entre deux feux"...

Пріѣзжаю намедни въ Горскино часу въ 7 послѣ обѣда, вхожу въ гостиную—никого; заглядываю въ кабинетъ Марьи Николаевны, на балконъ, и тамъ никого нѣтъ; рѣшаюсь сойти въ садъ, повернулъ въ аллею;—глядь въ бесѣдкѣ сидитъ Марья Николаевна одна, но Боже! какая серьозная, не узнаешь ее!... Сидитъ, опершись на локоть, головку опустила на руку, брови сдвинуты.... Я подошелъ къ ней, поклонился, и хотѣлъ спросить, о чемъ она такъ пристально изволитъ размышлять, но она такъ холодно, такъ сухо мнѣ поклонилась, что слова замерли у меня на устахъ. Я молча сѣлъ на скамейку подлѣ нея.

—Мужа моего дома нѣтъ, сказала она отрывисто;—а Лю-

бинька въ своей комнатѣ, кому-то пишетъ; прикажите ей доложить, что вы здѣсь.

—Если вамъ мое присутствіе непріятно, отвѣчаль я вставая,—то вы лучше прямо скажите, я уѣду.

—Я хотѣла вамъ услужить, сказала она, срывая листочекъ съ наклоненной вѣтки... вы всегда находите такое удовольствіе въ обществѣ дѣвицы Гордуновой, и какъ хозяйка дома я обязана предупреждать желанія своихъ гостей.

—Если такъ, то позвольте мнѣ теперь съ вами остаться.

—О, нѣтъ! воскликнула она, вскакивая съ мѣста, и поспѣшно выходя изъ бесѣдки; я не принимаю этой жертвы.

Я бросился за нею.

—Марья Николаевна! сказалъ я, какъ можете вы это говорить? Я былъ бы такъ счастливъ, если бы вы мнѣ позволили остаться съ вами!...

Отчего я это сказалъ, была ли это правда? Мнѣ кажется, что я въ эту минуту такъ думалъ, находясь подъ ея магическимъ вліяніемъ.

Она остановилась при этихъ словахъ, сказанныхъ мною съ жаромъ, и такъ мило погрозила мнѣ пальчикомъ, и взоръ ея такъ привѣтливо блисталъ, что я тотчасъ же убѣдился въ своей искренности. Марья Николаевна пошла прямо по аллеи, а я рядомъ съ нею. Мы около двухъ минутъ шли молча....

—Чтожъ вы мнѣ не предложите руки? сказала она неожиданно, съ живостію обернувшись ко мнѣ.

Я поспѣшно повиновался, и мы продолжали прогулку объ руку. Марья Николаевна опять замолчала; я глядѣлъ на ея маленькую ручку, которая лежала на моей, и мнѣ показа-

лось, что эта ручка какъ-то нѣжно опирается на меня.... и тутъ въ первый разъ мелькнула въ моей головѣ мысль, что она меня любитъ, и что она ревнуетъ меня къ Любинкѣ! Какъ ни поразило меня это открытіе, но мой выборъ скоро былъ сдѣланъ. Я быстро сравнилъ этихъ двухъ женщинъ, и подумалъ: если Любинька умна и любезна, то и Марья ей въ этомъ не уступаетъ; но въ послѣдней, въ добавокъ, сейчасъ же видна женщина большаго свѣта: и въ туалетѣ, и въ манерахъ, словомъ, во всемъ особенный отпечатокъ. Такой побѣдой шутить не приходится, и многіе мнѣ позавидуютъ. Я сдѣлалъ эти размышленія гораздо скорѣе, чѣмъ тебѣ ихъ передаю, и мнѣ одной минуты достаточно было, чтобы рѣшиться; я рѣшился пожертвовать Любинькой. Мнѣ тотчасъ же стало легче на сердцѣ, умъ освободился отъ сомнѣній, и я тутъ-же приступилъ къ дѣлу.

Всякая женщина, будь она графиня, или мѣщанка, умна или глупа, равно любитъ похвалу и комплименты, я это испыталъ сто разъ; поэтому я и принялся расхваливать ея ручку, какъ первый предметъ, попавшійся мнѣ для панегирика.

— Никогда не видалъ я такой миніатюрной ручки, сказалъ я, этими словами прерывая молчаніе;—вы вѣрно принуждены нарочно заказывать себѣ перчатки, или брать дѣтскія.

— А что скажете вы про ножку? отвѣчала она, лукаво улыбнувшись, и выставила изъ подъ легкаго платья крошечную ножку, кокетливо обутую въ нарядную туфельку.

Я сталъ на колѣни, и поцѣловалъ кончикъ носка. Марья Николаевна звонко захохотала, но легкая краска выступила у нея на лицѣ; она отдернула ножку.

— Вотъ такъ люблю на васъ смотрѣть, сказалъ я, любуюсь ея розовымъ, оживленнымъ личикомъ; а давича вы были такія серьозныя, не приступныя.

— Мнѣ было скучно.

— Какъ я счастливъ, что мнѣ удалось васъ развеселить!

— Продолжайте, продолжайте, сказала она смѣясь.

Мы болѣе часу гуляли вмѣстѣ; время прошло такъ быстро, что я и не замѣтилъ, какъ солнце скрылось за горизонтомъ. Но Марьѣ Николаевнѣ вдругъ стало холодно: свѣжо, сказала она, пора домой.

— Какъ жалко! . . мнѣ такъ хорошо, вы никогда не были такъ любезны со мной, какъ въ эту прогулку.

— Я не могу быть любезна, когда зябну.

— Но если теперь вы вдругъ ко мнѣ перемѣнитесь, вашъ мужъ . . .

— Мой мужъ влюбленъ въ меня по уши, а ревновать меня я ему не позволю, это ужъ слишкомъ скучно; я вышла замужъ не для того, чтобы нажить себѣ ментора.

— Вы восхитительная женщина, сказалъ я, поцѣловавъ ея руку.

Мы вошли въ гостиную. Любинька сидѣла у окошка съ работой въ рукахъ, но не работала; она о чемъ-то задумалась.—Вотъ наступила рѣшительная минута, подумалъ я, надобно сейчасъ же уничтожить надежды, которыя имѣлъ я неосторожность возбудить въ ней, а то она мнѣ будетъ мѣшать.—Мы раскланялись, Любинька посмотрѣла на насъ съ удивленіемъ.

— Вы вмѣстѣ гуляли? спросила она.

— Болѣе часа, отвѣчала Марья Николаевна съ торжествующимъ видомъ.

Любинька наклонилась и сказала ей что-то на ухо. Марья Николаевна вспыхнула, а потомъ отвѣчала громко, съ насмѣшливой улыбкой: Il parait, que les raisins sont trop verts, ma chère.» Я догадался, что Любинька сказала колкость на мой счетъ; это понятно, ея сердце оскорблено. Слова Марьи Николаевны какъ будто бы непріятно на нее подѣйствовали.

— Это шутка, надѣюсь, сказала она серьозно.

— Я всегда шучу, вѣдь вы это знаете, но какъ вы вдругъ стали мнительны!—Любинька промолчала, мы усѣлись. Я размышлялъ о томъ, какъ бы ловчѣе направить разговоръ на желаемый предметъ, „pour frapper le grand coup,“ но Марья Николаевна выручила меня изъ бѣды слѣдующей неожиданной выходкой:

—Иванъ Егоровичь, знаете-ль, о чемъ я думала? . . . Если вы женитесь, возмете ли вы меня въ посаженныя матери?

— Вы слишкомъ молоды, и слишкомъ хороши собою для посаженной матери; я эту почтенную особу не иначе могу себѣ вообразить, какъ въ высокомъ чепцѣ и съ морщинистымъ лицемъ.

— Морщины не трудно себѣ нарисовать, а на счетъ чепца я могу взять фасонъ у любой сосѣдки!

— Я сожалѣю, что не могу доставить вамъ удовольствія такъ принарядиться; но я, вѣроятно, никогда не женюсь, я не рожденъ для супружеской жизни!

Любинька подняла голову съ работы, и поглядѣла на меня съ страннымъ выраженіемъ.

— Полноте, Mr. Ларцевъ, отвѣчала Марья. Всѣ молодые люди такъ говорятъ, а тамъ глядь,—они и женаты.

— Но я имѣю привычку говорить всегда то, что думаю, и повторяю вамъ, что я никогда не женюсь; сердцемъ сво-

имъ я не способенъ владѣть, и если я полюблю женщину, на которой мнѣ жениться нельзя, то я лучше вѣкъ останусь холостякомъ.»

Въ эту минуту послышался стукъ экипажа. Это былъ Владимiръ Петровичь, онъ прiѣхалъ въ самую пору; — я свое сказалъ! . . . . Прощай, любезный другъ; если тебя забавляетъ мой романъ, то пожалуй я стану его передавать въ подробностяхъ; а на счетъ службы ты лучше и не пиши.

Твой Ив. Ларцевъ.

Отъ Маріи Сергинской къ Адели Пельской.

Село Горскино 26-е Іюня.

Ты меня брани, не брани, милый другъ Адель, но я себѣ выдумала занятіе, которое, если не совсѣмъ будетъ по твоему вкусу, зато меня ужасно забавляетъ. Ты помнишь этого молодаго сосѣда, Ивана Егоровича Ларцева, про котораго я тебѣ говорила въ послѣднемъ моемъ письмѣ? Я говорила тебѣ, что онъ хотя не особенно милъ и любезенъ, но для деревни сносенъ; онъ игралъ съ нами въ карты, услуживалъ мнѣ, вазсказывалъ уѣздныя силетни, все это меня развлекало.,.. Но вдругъ произошла въ немъ перемѣна, слова отъ него не добьешься, ходитъ какимъ-то мрачнымъ, въ карты отказывается играть.... Причина этой внезапной перемѣны, была эта Любинька Гордунова, о которой я тебѣ писала недавно, и которая теперь у насъ гоститъ; но я о ней тогда ошибочно судила; она мнѣ показалась миленькой, простодушной барышней, а она просто хитрая кокетка. Совсѣмъ было околдовала бѣднаго Ларцева; цѣлый день съ нимъ въ углу шепчется, сентиментальничаетъ! А я, хозяйка дома, прошу покорно, какую роль разыгрываю! Нельзя же мнѣ въ другомъ углу сидѣть съ мужемъ и также сентиментальничать; это было бы ужъ слишкомъ глупо... Мнѣ кажет-

ся, что и Владиміръ находитъ эти «a parte» неприличными; онъ мнѣ ничего не говорилъ, но я видѣла, какъ его брови слегка нахмуривались, когда онъ ихъ заставалъ въ такомъ интимномъ разговорѣ. Наконецъ, признаюсь, мнѣ это надоѣло! И что, въ самомъ дѣлѣ, такое особенное въ этой Любинькѣ, чтобы предпочесть ее мнѣ? такая она кажется вялая, скучная!... Бывало и не въ деревнѣ, а въ Москвѣ, въ самомъ высшемъ обществѣ, и не уѣздные франты, а люди остроумные и любезные, находили удовольствіе въ моемъ разговорѣ. А тутъ какая-то провинціалка, которая думаетъ, что она маленькое чудо, отъ того, что раза два была за границей, и можетъ съ восторгомъ разсказывать про Швейцарскія горы и Италіянское небо,— имѣетъ перевѣсъ надо мною; ею восхищаются, дивятся ей, а я въ сторонѣ! Non, c'est par trop fort, M. Ларцевъ, подумала я, я васъ проучу, сведу васъ съ ума, вскружу вамъ голову, а потомъ брошу, будетъ же вамъ урокъ!

Вотъ занятіе, которое я себѣ выдумала, мой строгій другъ; мой планъ совершенно удался; я въ тотъ же день привела его въ исполненіе. Мужа дома не было, случай свелъ меня въ саду, въ уединенной бесѣдкѣ, съ этимъ интереснымъ Ловеласомъ, и я отлично разыграла сцену ревности. Достаточно было впрочемъ нѣсколькихъ словъ и двухъ, трехъ выразительныхъ взлядовъ, чтобы побѣдить это чувствительное сердце. Это было чрезвычайно забавно; жалко, что ты не могла присутствовать при этой маленькой комедіи, тутъ былъ высшій комизмъ; Ларцевъ даже стоялъ на колѣняхъ, и цѣловалъ кончикъ моего носка... онъ не опасенъ.... Мы гуляли вмѣстѣ около часа, и говорили о красотахъ природы и о любви. По возвращеніи нашемъ, насъ встрѣтила Любинька;

она бросила на Ларцева взглядъ укоризны, а мнѣ сказала на ухо съ нѣкоторой досадой: «неужели вы имѣли терпѣніе цѣлый часъ бесѣдовать съ нимъ? Это хорошо намъ, бѣднымъ невѣстамъ, а вамъ просто грѣшно.....»

Какъ тебѣ нравится эта дѣвчонка? она же мнѣ читаетъ мораль! Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько дней, и я все продолжаю разыгрывать роль отчаянной кокетки; Ларцевъ ухаживаетъ за мною очень усердно, и не спускаетъ съ меня глазъ, когда нѣтъ въ комнатѣ мужа, котораго онъ считаетъ за страшнаго Отелло. Мы всякій день съ моимъ обожателемъ гуляемъ на берегу рѣки вдвоемъ; онъ или безмолвно меня созерцаетъ, или раскрываетъ предо мною въ цвѣтущихъ выраженіяхъ *мрачную глубину своего сердца, и страсти его волнующія;* я передаю его собственныя слова. Не брани меня, любезный другъ Адель, за эту невинную игру. Я говорю невинную, потому что отъ нея никто не терпитъ, кромѣ этого дурака Ларцева. Дай же мнѣ потѣшиться; ты меня слишкомъ хорошо знаешь, чтобы считать его для меня опаснымъ, я и не такими играла . . . Владиміръ никогда и не подумаетъ меня ревновать, онъ слишкомъ уменъ для этого; а еслибъ и сказалъ что нибудь, мнѣ не трудно его успокоить будетъ; я такъ осмѣю Ларцева, что и его разсмѣшу! . . . А Любинька, скажешь ты, чтожъ? Если Ларцевъ ее такъ легко оставилъ, значитъ онъ ее не искренно любилъ, и ей нечего сожалѣть о немъ . . . . .

Прощай, добрая Адель; что ты дѣлаешь? ты какъ-то давно ко мнѣ не пишешь.

Твоя Марія Сергинская.

Отъ Адели Пельской къ Маріи Сергинской.

Москва 4-го Іюля.

Ты отгадала, милый другъ; не по сердцу моему пришлось занятіе, тобою выбранное; ради Бога брось эту жестокую игру, не искушай Провидѣнія, неблагодарная; ты другимъ можетъ быть не сдѣлаешь зла, но испортишь свое собственное счастіе. Неужели ты имъ такъ мало дорожишь, что можешь себя обманывать ложными разсужденіями? Повѣрь мнѣ, мой добрый другъ, самолюбіе дурной совѣтчикъ, и какъ разъ тебя выдастъ. Не изъ самолюбія ли ты ревнуешь къ другой—человѣка посторонняго и пустаго? осуждаешь эту другую за самые невинные съ ея стороны поступки, называя кокетствомъ, можетъ быть, одно желаніе пристроиться? Не изъ самолюбія ли ты у нея отнимаешь выгоднаго жениха, и слишкомъ надѣешься на любовь и довѣренность мужа? . . . Что изо всего этого выйдетъ? не знаю; дай Богъ, чтобы ты остановилась на краю пропасти. И если добросовѣстный совѣтъ подруги дѣтства будетъ услышенъ тобою, то я вѣчно буду благодарить Бога за его милость.

Я исполнила свою обязанность, я сказала тебѣ свое искреннее мнѣніе, я теперь спокойна и могу передать тебѣ и свои тайны и волненія. Не смотря на мою брань, какъ ты ее

называешь, я все-таки же тебя очень люблю, и считаю тебя своимъ добрымъ, единственнымъ другомъ, и тебѣ одной рѣшаюсь передать свои сокровеннѣйшія чувства.

Я все это время была въ сильномъ волненіи, и теперь еще далеко не успокоилась, потому что еще не совсѣмъ рѣшилась. Во мнѣ борятся два чувства, которыхъ я не умѣю опредѣлить: сильная симпатія, а можетъ быть и любовь къ человѣку достойному, и тайная боязнь предаться этой любви; не знаю какъ назвать эту боязнь, голосомъ ли разума, предчувствіемъ ли, или просто пустыми бреднями? Но такимъ образомъ ты ничего не узнаешь; надобно тебѣ разсказать по обстоятельнѣе, какъ все это было. Я тебѣ уже писала, какъ мнѣ безъ тебя въ свѣтѣ и скучно, и грустно; это расположеніе всякій день усиливалось, на меня просто напало уныніе и какая-то безнадежность; будущность представлялась мнѣ такою темною . . . . . что ожидало меня? Не продолженіе ли моей настоящей пустой жизни — свѣтъ, наряды, балы? Это тяжелое чувство въ особенности овладѣло мною въ прошедшую субботу; въ этотъ день всегда танцуютъ въ Петровскомъ паркѣ у К... Опекунъ заѣхалъ къ намъ поутру, и сказалъ мнѣ: «надѣюсь, что вы не полѣнитесь и поѣдете сегодня на вечеръ къ К:, они васъ третій разъ зовутъ.»

— «Я не имѣла этого намѣренія, отвѣчала я ему, мы съ тетушкой согласились дома просидѣть.»

—«Я уговорю вашу тетушку ѣхать съ вами. Сегодня будетъ тамъ весело, много пріѣзжихъ,—кавалеровъ въ волю будетъ.—Я также званъ,—я васъ познакомлю.»

Съ этими словами онъ пошелъ къ тетушкѣ. Я поняла, что у него что-то на умѣ, и отъ этой мысли мое дурное расположеніе духа увеличилось: опять, подумала я, какой

нибудь Петербургскій адьютантъ, или помѣщикъ изъ провинціи, съ которымъ меня хотятъ сблизить въ надеждѣ доставить мнѣ выгоднаго жениха. Ты знаешь, до какой степени эта мысль для меня непріятна; какъ надѣяться встрѣтить избранное сердце, суженаго, въ людяхъ, осужденныхъ на пошлую роль выгодной партіи? Я ненавижу эти представленія, эти пошлые комплименты и этотъ вѣчный разговоръ о жарѣ, о тѣснотѣ, который на балахъ замѣняетъ разговоръ о погодѣ. Немного романтическая привязанность, о которой я мечтаю, не должна имѣть такое прозаическое начало. Тотъ человѣкъ, которому я скажу: «я тебя люблю,» не долженъ говорить мнѣ: charmé de faire votre connaissance, или: «какъ здѣсь жарко,» или: «какой хорошенькій балъ!»—

Я не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ. Тетушка мнѣ вскорѣ объявила, что надобно ѣхать къ К. Они могутъ разобидѣться, сказала она, что мы у нихъ только разъ были. Горничной моей велѣли приготовить самое нарядное платье, послали въ оранжерею за камеліями.

Первое лице, которое я увидѣла у К., былъ мой опекунъ; онъ разговаривалъ въ первой комнатѣ съ толстымъ полковникомъ. Только что мы поравнялись съ нимъ, онъ представилъ мнѣ своего собесѣдника, который тотчасъ позвалъ меня на первую кадриль.

Такъ вотъ, подумала я, для кого меня нарядили. Но на этотъ разъ, вмѣсто обычнаго, въ этихъ случаяхъ, грустнаго чувства, мнѣ стало какъ-то смѣшно. «Неужели, повторяла я себѣ, глядя на широкое калмыцкое лицо, на эти исполинскіе бакенбарды и выпученные глаза,—неужели эти камеліи, это газовое платье, и любезность опекуна, и цвѣтистыя фразы тетушки—для него?» При этой мысли улыбка невольно высту-

пила на моихъ губахъ,—я съ ней вошла въ залу танцовальную; играли вальсъ, и я безсознательно пустилась въ вихрь танцевъ...... Не помню, сколько минутъ и съ кѣмъ я кружилась, я танцовала машинально, мысль моя блуждала гдѣ-то; но помню, что вдругъ у меня голова ужасно закружилась, кавалеръ мой остановился, я покачнулась, протянула руку, ища опоры, и чья-то рука поддержала меня.... Мнѣ подставили стулъ, я обернулась, подлѣ меня стоялъ высокій мужчина, мнѣ незнакомый, и пристально на меня глядѣлъ. Я немного смѣшалась, и поклонившись прошептала:

— «Я, кажется, *вамъ* обязана этимъ стуломъ?

— «Да, я имѣлъ честь васъ поддержать, вы очень затанцовались, и у васъ, должно быть, закружилась голова».

При этихъ послѣднихъ словахъ на его губахъ показалась что-то въ родѣ легкой ироніи; — Вы вѣрно *очень* любите танцовать? продолжалъ онъ нѣсколько насмѣшливо.

— «Я!» Это восклицаніе невольно вырвалось у меня изъ груди; мнѣ въ первый разъ дѣлали этотъ вопросъ такимъ страннымъ тономъ, мнѣ которую всегда упрекали въ недостаткѣ увлеченія и веселости на балахъ. Должно быть въ моемъ голосѣ сильно выразилось мое удивленіе, потому что незнакомецъ быстро взглянулъ на меня пронзительнымъ взглядомъ, и потомъ недовѣрчиво продолжалъ, обращаясь ко мнѣ съ новымъ вопросомъ:

— «Отъ чего же на вашемъ лицѣ выражалось такое удовольствіе, когда вы танцовали? Вы улыбались, мнѣ показалось, что вы отъ души веселитесь» . . . . и онъ опять взглянулъ на меня вопросительно. Эта настойчивость меня удивила и озадачила; я не знала съ кѣмъ я говорю, и

мнѣ показалось неловко продолжать разговоръ; поэтому я отвѣчала довольно сухо:

— «Нѣтъ, вы ошибаетесь, я неохотница до танцевъ,» и потомъ встала и пересѣла на другое мѣсто къ знакомой мнѣ дѣвицѣ.

Скоро заиграли и завѣтную кадриль, которую я должна была танцовать съ толстымъ полковникомъ; онъ, побрякивая и постукивая шпорами, повелъ меня на мѣсто, поставилъ мнѣ стулъ и граціозно на него оперся. Стараясь придать своему нѣсколько суровому лицу медовое выраженіе, онъ предложилъ мнѣ, густымъ басомъ, неминуемый вопросъ: неправда ли какъ жарко здѣсь?»

Не помню, что я отвѣчала ему, но этотъ вопросъ произвелъ во мнѣ неожиданный переворотъ: тяжелое чувство овладѣло мною; мнѣ стало жалко и досадно на себя, что я такъ рѣзко прервала разговоръ съ незнакомцемъ! Не я ли сама, подумала я, такъ часто пеняла на свѣтскія приличія, на эти казенныя представленія и разговоры, не я ли говорила, что знакомство мое съ тѣмъ человѣкомъ, котораго я полюблю, не должно сопровождаться обычными пошлыми началами. . . . и вотъ въ первый разъ незнакомый человѣкъ заговорилъ со мною, не бывши представленнымъ, и не совсѣмъ общими мѣстами, а я разобидѣлась, встала, почти-что ему не отвѣчала, а этого дурака слушаю, танцую съ нимъ! Можетъ быть такой случай ужъ никогда болѣе не представится, а если и представится, то свѣтская природа опять возметъ верхъ, и опять невольно сдѣлаешь то же самое . . .

И мнѣ стало грустно, и опять скучно, невыносимо скучно; я чувствовала на себѣ тяжелыя цѣпи приличій, онѣ меня

давили еще болѣе обыкновеннаго. Я задумчиво поникла головою и встрепенулась только, когда грубый голосъ моего кавалера напомнилъ мнѣ, что моя очередь дѣлать фигуру. Мнѣ кажется, что нѣчто близкое къ отчаянію выразилось на моемъ лицѣ, я подняла голову, и пустилась танцовать . . . Но тутъ мой взглядъ встрѣтилъ опять пронзительный, какъ бы испытующій, взглядъ незнакомца, и я опять смутилась. Онъ стоялъ, скрестивши руки, противъ меня, за моимъ vis-à-vis, и его высокая фигура возвышалась надъ всѣми другими. Только тогда я его разсмотрѣла, онъ казался еще молодъ, лѣтъ тридцати, но на его открытомъ лбу, какъ будто читались слѣды печали; между черными, негустыми волосами его кое гдѣ проглядывала легкая просѣдь; взглядъ его небольшихъ, но темныхъ глазъ необыкновенно поражалъ своимъ глубокимъ, пронзительнымъ выраженіемъ. Но теперь на его лицѣ я уже не замѣтила прежняго выраженія ироніи; мнѣ даже показалось, что онъ глядитъ на меня съ участіемъ, и мнѣ стало легче на сердцѣ. По окончаніи кадрили, онъ изчезъ, и повѣришь ли ты? я въ эту минуту почувствовала, какъ будто я теряю друга, и сердце мое болѣзненно сжалось. . . . такъ много значитъ взглядъ симпатіи посреди этой равнодушной толпы!.

Но не прошло пяти минутъ, какъ ко мнѣ подошелъ твой cousin Serge B., за нимъ шелъ мой незнакомецъ . . . . M-lle Adèle, сказалъ онъ мнѣ, честь имѣю представить вамъ моего пріятеля, Графа Лавацкаго.» — Я поклонилась молча, я не хотѣла, чтобы могли замѣтить непонятное волненіе, овладѣвшее мною въ эту минуту.—Графъ подсѣлъ ко мнѣ, и съ улыбкою сказалъ:

— «Теперь кажется, все въ порядкѣ; я вамъ формально

представленъ, вы знаете мою фамилію, — могу ли надѣяться, что вы ужъ не откажете мнѣ въ чести побесѣдовать съ вами?» И опять таже иронія проглянула на его губахъ.

— «Повѣрьте графъ, воскликнула я невольно, что я сама досадовала потомъ на свою неучтивость къ вамъ, но вашъ странный вопросъ» . . . .

— «Позвольте мнѣ его вамъ повторить, прервалъ онъ меня; вы удивляетесь моей настойчивости? — извините меня пожалуйста, — но признаюсь вамъ, меня поразила ваша улыбка, когда вы пролетѣли мимо меня, вальсируя. . . неужели это была поддѣльная веселость? Грустное выраженіе вашего лица, во время этой кадрили, заставляетъ меня думать, что вы не можете долго притворяться . . . . .»

— «Нѣтъ, это было не притворство, сказала я; улыбка, которую вы замѣтили на моемъ лицѣ, происходила отъ посторонних причинъ: мнѣ только что представили въ той комнатѣ этого толстаго полковника, съ которымъ я сейчасъ танцовала, и мнѣ стало смѣшно» . . .

— «Значитъ вы насмѣшливаго характера? Я немного физіономистъ, — но никогда бы этого не подумалъ о васъ . . . .»

— «Насмѣшка иногда не что иное, какъ философія; лучше брать вещи съ забавной стороны, чѣмъ съ грустной . . . .»

— «Да вы говорите какъ Гераклитъ, сказалъ онъ, засмѣявшись; неужели хотѣли васъ заставить брать вещи съ грустной для васъ стороны, въ отношеніи къ этому храброму воину? Но вы не дадите себя взять приступомъ,—не правда ли? продолжалъ онъ глядя на меня своими глубокими глазами.

— «О нѣтъ! отвѣчала я, съ веселымъ смѣхомъ, я также очень храбра . . . .»

— «Не отвѣчайте такъ увѣренно за себя, сказалъ онъ серьозно; твердость вещь рѣдкая въ женщинахъ; мы видѣли и болѣе уродливыя сочетанія: — старости дряхлой съ красотой и молодостію, — чувствъ возвышенныхъ, воспитанія нѣжнаго съ грубой природой, которая ихъ оцѣнить не можетъ! . . »

Мы еще долго разговаривали, я отказалась отъ вторичнаго приглашенія полковника, не смотря на сердитые взгляды опекуна. На другой день графъ Лавацкій пріѣхалъ къ намъ съ визитомъ; тетушка приняла его очень любезно. Неужели, подумала я, и это выгодная партія? но я не сдѣлала никакихъ вопросовъ, по крайней мѣрѣ я останусь въ неизвѣстности на этотъ счетъ. Съ тѣхъ поръ графъ бываетъ у насъ всякій день, то утромъ, то вечеромъ. Еслибъ ты знала, какъ онъ пріятно разговариваетъ! Но я осталась при своемъ первомъ мнѣніи: этотъ человѣкъ былъ несчастливъ. Онъ вдовецъ, и лишился своей жены послѣ двухъ лѣтъ супружества; она ему оставила дочь; можетъ быть онъ ее нѣжно любилъ! . . . . Онъ никогда объ ней не говоритъ, но сегодня . . . . сегодня у насъ былъ долгій, откровенный разговоръ. Графъ меня засталъ одну, онъ тотчасъ же подсѣлъ ко мнѣ; его спокойное лицо въ первый разъ выражало волненіе, онъ съ необыкновенною живостію началъ разговаривать.

— «Я радъ, что васъ засталъ одну, Аделаида Ѳедоровна, сказалъ онъ, я давно хотѣлъ съ вами поговорить откровенно; могу ли я и отъ васъ ожидать того же?

— «Говорите, отвѣчала я отрывисто; тревожное предчувствіе овладѣло мною; я и желала, и боялась этой минуты».

— «Вы вѣрно уже знаете, началъ онъ твердымъ голосомъ, что я васъ люблю; я хочу просить вашей руки у вашей

тетушки, но напередъ желалъ бы услышать отъ васъ, можете ль и вы любить меня? . . . Ради Бога, отвѣчайте!»

Но я не могла отвѣчать; при словахъ: «я васъ люблю,» слезы такъ и полились изъ глазъ моихъ.

— «Что съ вами, Адель? что съ вами, воскликнулъ Графъ, испуганный этой неожиданной выходкой, и вскочилъ съ мѣста. —

Я все молча продолжала плакать. Лицо графа приняло недовольное выраженіе, онъ схватилъ шляпу и рѣзкимъ, но спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— «Я не полагалъ, что въ моихъ словахъ могло заключиться что нибудь обидное для васъ; если такъ, то извините меня — я васъ не понялъ, мнѣ показалось, что вы были ко мнѣ расположены, я ошибся; это съ моей стороны непростительно . . . прощайте,—впередъ я васъ тревожить не буду; и онъ сухо мнѣ поклонился.

Эти слова заставили меня очнуться, я почувствовала все глупое безразсудство своего поступка, и вскочивъ съ мѣста, я бросилась за нимъ, и воскликнула почти умоляющимъ голосомъ:

—Простите меня, Александръ Павловичь, ради Бога простите, и не покидайте меня,—я васъ люблю!...

Сказавъ это, я безъ силъ упала въ кресла.... графъ былъ уже у ногъ моихъ.

— Адель, моя милая Адель! говорилъ онъ мнѣ, цѣлуя мои руки, и глядя мнѣ въ глаза, за чѣмъ же вы меня обманывали этими слезами? Какъ я счастливъ теперь! Вы меня любите, прибавилъ онъ съ нѣжностію, вы будете мои!... Но если такъ, о чемъ же моя Адель такъ горько плакала?

Quelque enfantillage sans doute? И тихая улыбка озарила его лице.

— Вы меня просили говорить съ вами откровенно, отвѣчала я собравшись съ силами; и такъ слушайте.

Онъ взялъ стулъ, и придвинулъ его къ моему. Я опустила глаза, чтобы не встрѣтить его взгляда, и продолжала дрожащимъ голосомъ:

—Признаюсь вамъ, графъ, что я уже знала ваши чувства ко мнѣ, но когда вы мнѣ сказали: я васъ люблю, — эти слова, которыя за минуту назадъ я такъ желала отъ васъ слышать, вдругъ болѣзненно отозвались въ моемъ сердцѣ;... Мнѣ показалось.... я подумала, что вы ихъ говорите не въ первый разъ.... и что другая—другая женщина была вами нѣжно любима, можетъ быть нѣжнѣе меня!... Тутъ голосъ мнѣ измѣнилъ, и я опять зарыдала.

— Аделаида Өедоровна, отвѣчала графъ, я васъ не хочу обманывать, я былъ счастливъ два года, и любилъ свою жену; я ее долго оплакивалъ, и волосы мои посѣдѣли отъ горя, но клянусь вамъ—эта любовь теперь не можетъ возбудить вашей ревности... И любовь, и отчаяніе, все это было слишкомъ сильно, чтобъ быть продолжительнымъ.... я могъ умереть, но я вышелъ побѣдителемъ изъ этого кризиса, и теперь я чувствую себя опять способнымъ быть счастливымъ—любить... если уже не такъ восторженно, не такъ пылко, то также нѣжно, и можетъ быть болѣе глубоко...

Лице графа было страшно блѣдно, съ послѣдними словами онъ всталъ, его рѣчь обдала меня холодомъ, — я молчала.....

— Прощайте, Аделаида Өедоровна, прибавилъ онъ, остановясь предо мною, я съ вами говорилъ какъ честный человѣкъ, подумайте, посовѣтуйтесь съ своимъ сердцемъ, и если, не смотря на мое признаніе, оно рѣшитъ въ мою пользу, не оставляйте меня долго въ тяжеломъ сомнѣніи,—я буду дожидаться вашихъ приказаній...

Онъ вышелъ и я осталась одна, въ раздумьи, въ сомнѣніи... я его люблю,—но эта женщина, можетъ быть она была хороша.... но нѣтъ, вѣрно нѣтъ! Онъ ее только уважалъ, цѣнилъ, а меня только любитъ! Однако онъ говорилъ, что не можетъ уже любить такъ восторженно, такъ пылко!... О, это ужасно, ужасно, голова моя горитъ.... зачѣмъ я его такъ люблю!... А если я за него не выйду, что̀ ожидаетъ меня? Опять свѣтъ, опять пустота въ сердцѣ и въ головѣ,... и чѣмъ все это кончится? Я вѣдь другаго любить не могу! Завтра надобно рѣшиться.

Прощай, мой добрый другъ, помолись и ты обо мнѣ!— Сама же пользуйся своимъ счастіемъ, не играй имъ понапрасну, повѣрь; опасная игрушка!...

Твоя Adèle Пельская.

От Любиньки Гордуновой к Анюте Тамбровской.

Село Горскино 25-го Іюля.

Любезная сестра Анна!

Много, много произошло перемѣнъ съ тѣхъ поръ, какъ я тебѣ писала; двухъ недѣль нѣтъ, какъ я у тебя просила совѣта на счетъ рѣшенія своей судьбѣ; ты мнѣ отвѣчаешь: «обѣими руками тебя благословляю, выходи замужъ за Ларцева,» но теперь это ужъ не отъ меня зависитъ!... Марія, эта счастливая жена благороднаго, умнаго Сергинскаго, Марія не довольствовалась своимъ счастіемъ и любовью мужа; ей стало завидно, что не ей одной всѣ поклоняются, что не всѣ ее боготворятъ, ей стало досадно на эту провинціальную дѣвочку, кокорая дерзнула понравиться человѣку, ей знакомому, и она поспѣшила сей часъ же опять завладѣть *своимъ добромъ;* конечно она успѣла... Этотъ пустой, ничтожный человѣкъ, разумѣется, ей тотчасъ же поддался; очарованный ея кокетствомъ, онъ если не изъ любви, то изъ самолюбія, сдѣлался ея самымъ ревностнымъ обожателемъ! Она ему представляется царицей моды, львицей высшаго свѣта, и весь этотъ мнимый блескъ вскружилъ ему голову, ослѣпилъ его бѣдное умишко... Посмотрѣла бы

ты на него, какъ онъ возгордился своей побѣдой, ходитъ съ вздернутымъ къ верху носомъ, а со мной обращается свысока, какъ-то презрительно... Все это бы еще ничего, и я бы легко утѣшилась въ этой потерѣ; но мое положеніе становится здѣсь щекотливымъ, мнѣ слѣдовало бы уѣхать домой, но признаюсь я не имѣю довольно твердости, чтобы на это рѣшиться, и я чувствую, что пока не принудятъ меня къ этому обстоятельства,—я останусь здѣсь.

И ужели же меня будутъ осуждать за мою невинную дружбу къ Владиміру Петровичу? Неужели эта легкомысленная женщина, такъ мало дорожившая привязанностію мужа, будетъ въ правѣ меня упрекать?

Задавъ себѣ этотъ вопросъ, я не могу не сознаться, что я не совсѣмъ права передъ своей совѣстію, хотя обстоятельства меня извиняютъ. Не я отвлекла Сергинскаго отъ жены; напротивъ, чувствуя къ нему сильную симпатію, я хотѣла выйти замужъ за другаго, и уѣхать отсюда, но сама Марія помѣшала мнѣ въ исполненіи этого намѣренія. Странно, Владиміръ Петровичь ее не ревнуетъ къ Ларцеву, онъ не видитъ ея кокетства; сначала онъ, кажется, удивлялся, что она можетъ находить удовольствіе въ обществѣ такаго пустаго человѣка, и какъ будто бы ее послѣ этого сталъ меньше уважать; потомъ мужъ и жена мало помалу стали удаляться другъ отъ друга; это обстоятельство меня и сблизило съ Сергинскимъ. Марія и Ларцевъ часто гуляютъ вмѣстѣ въ саду, а мы съ нимъ сидимъ на балконѣ и разговариваемъ, или чаще всего онъ мнѣ читаетъ вслухъ. Ознакомить меня съ нашей литературой, которую онъ самъ глубоко изучилъ, дать мнѣ замѣтить красоты Пушкина и Лермонтова, разсуждать со мною объ этихъ писателяхъ,—

казалось для него пріятнымъ занятіемъ. Такимъ образомъ мы вмѣстѣ прочли Героя нашего времени, Полтаву, Цыганъ, Евгенія Онѣгина; отъ литературныхъ споровъ мы часто переходили, по поводу мыслей, выраженныхъ въ этихъ сочиненіяхъ, къ болѣе близкимъ и интереснымъ разговорамъ. Такъ напримѣръ: Евгеній Онѣгинъ навелъ Владиміра Петровича на разныя печальныя мысли, которыя отгадать было не трудно, хотя онъ ихъ совершенно ясно выразить не хотѣлъ. Онѣгинъ, отвергнувшій пылкую любовь скромный Тани, встрѣчаетъ ее потомъ въ свѣтѣ и женою богатаго генерала... онъ узнаетъ свою ошибку, но слишкомъ поздно,—онъ влюбляется въ нее, но безъ надежды уже на взаимность... Владиміръ Петровичь задумался на этомъ мѣстѣ.

«Да, сказалъ онъ съ грустной улыбкой, почти всегда узнаютъ свою ошибку слишкомъ поздно, и когда ее уже поправить нельзя... Онѣгинъ не умѣлъ воспользоваться своимъ счастіемъ, когда оно шло къ нему на встрѣчу, а другой ищетъ его тамъ, гдѣ его нѣтъ, и нашедши это мнимое счастіе, жадно ухватится за него, и теряетъ свое заблужденіе, когда уже все совершилось... И какъ все обманчиво въ свѣтѣ! Всѣ дѣвушки кажутся ангелами, совершенствами,—дѣвушка въ обществѣ не имѣетъ своей собственной личности,—въ ней проявляются самыя разнообразныя, или, лучше сказать, несообразныя черты, самый неосновательный взглядъ на свѣтъ и на людей, заимствованный изъ наставленій родителей, изъ болтовни подруги, изъ словъ старой дѣвки гувернантки. Все держится на лицемѣріи, все клонится къ одному—подцѣпить жениха.... Легкомысленная, свѣтская дѣвушка притворяется солидною, жаждетъ семейной

жизни, которой значенія она даже не понимаетъ! Умная, хитрая, притворяется наивною, ребячится, кокетничаетъ своею невинностію, — и ослѣпленный, увлеченный нѣжными, робкими взглядами, стыдливымъ румянцемъ, простодушными рѣчами, несчастный женихъ принимаетъ пустоту душевную за невинность, легкомысліе за дѣтскую простоту... Владиміръ Петровичь замолчалъ и опять задумался, я также не говорила. Вдругъ онъ меня отрывисто спросилъ:

— Любовь Александровна, извините меня за нескромный вопросъ, но неужели вамъ нравился Ларцевъ, въ началѣ вашего знакомства съ нимъ?

Неожиданность этаго вопроса меня смутила, я покраснѣла, однакожъ отвѣчала твердымъ голосомъ, ибо я говорила правду: «никогда!»

Лице Владиміра Петровича прояснилось:

— Я очень радъ, я такъ и думалъ, не смотря на замѣчаніе жены, которая увѣряла, что вы съ нимъ кокетничаете! И онъ засмѣялся. Не напоминаетъ ли вамъ Ларцевъ: „un jeune premier de comedie?“ Локти назадъ, волосы такіе гладкіе, такіе лоснящіеся... и эта вѣчная сдадкая улыбка, и эта вѣчная брилліантовая булавка на галстукѣ! Мнѣ кажется, что онъ и объясненіе въ любви долженъ сдѣлать по всѣмъ правиламъ драмматическаго искусства, ставъ на одно колѣно, и положивъ руку на сердце. Однакоже, прибавилъ Владиміръ Петровичь, не смотря на ваше равнодушіе къ нему, вы съ нимъ имѣли довольно продолжительные разговоры, удивляюсь, что вы находили съ нимъ разговаривать?

— Мнѣ не предстояло выбора общества, отвѣчала я, и

когда вы или ваша жена не занимались имъ, я по неволѣ дѣлалась его собесѣдницею.»

(Да проститъ мнѣ Богъ эту легкую неправду, милая Анна!... Но какъ мнѣ было признаться ему въ моихъ настоящихъ мысляхъ? Какъ сказать ему: еслибъ этотъ человѣкъ тогда посватался за меня, я бы пошла за него! Какъ бы я унизилась въ его мнѣніи.. . нѣтъ, я не могу отказаться отъ его уваженія, болѣе я ничего не хочу!...) Въ этотъ день Марія простудилась, или у нея нервы разстроились, не знаю навѣрное;—она не захотѣла обѣдать, и осталась въ своей комнатѣ. Иванъ Егоровичь уѣхалъ раньше обыкновеннаго. Послѣ обѣда мы съ Владиміромъ Петровичемъ отправились сидѣть въ комнату его жены, Марія была въ самомъ дурномъ расположеніи духа, она скучала, злилась, разговоръ не клеился; у ней ужасно болѣла голова, — я ей предложила примочить уксусомъ лобъ, хотѣла ей поправить подушку, но она нетерпѣливо мнѣ отвѣчала, «что когда она больна, то любитъ, чтобы ее оставляли въ покоѣ.» Я ничего не сказала, но чрезъ нѣсколько минутъ вышла изъ комнаты, считая себя лишнею, и пошла на балконъ. Къ моему не малому удивленію и Владиміръ Петровичь скоро туда же пришелъ.

—«Она кажется, собирается спать, сказалъ онъ, сѣвши на диванъ около меня, лучше дать ей выспаться, скорѣе все пройдетъ. Ce sont des vapeurs, прибавилъ онъ съ легкимъ пренебреженіемъ; къ этимъ нервнымъ женщинамъ не знаешь какъ и подступиться;—она, кажется, и васъ не слишкомъ вѣжливо отблагодарила за вашу милую внимательность.»

—О, я нимало не сержусь,—больному все прощается....»

—Этимъ нервамъ дай только волю, такъ съ ними не сладишь; вотъ хоть теперь:—оставилъ ее въ слезахъ, говоритъ, что ей всѣ надоѣли и повернулась къ стѣнѣ, я и вышелъ....

Я не хотѣла, чтобъ онъ подумалъ, что эти жалобы на жену для меня пріятны; извинять ее тоже было бы смѣшно, я перемѣнила разговоръ.

Владиміръ Петровичь, кажется, подмѣтилъ мое намѣреніе, онъ окинулъ меня быстрымъ взглядомъ, и вмѣсто того, чтобы отвѣчать на мой вопросъ, поникнулъ головой, и задумался. Я встала, взяла книгу, и сѣла читать немного подальше; сначала онъ этого не замѣтилъ, потомъ вдругъ живо поднялъ голову, и спросилъ меня съ нѣкоторой досадой:

— Вы кажется, рѣшительно не хотите со мной говорить сего дня, Любовь Александровна?

Я положила книгу, и смѣясь ему отвѣчала:

—Вы, кажется, въ этомъ болѣе виноваты, чѣмъ я, вы даже не отвѣчали на мой вопросъ.«

Онъ немного сконфузился.

— Извините, чтожъ вы у меня спрашивали, Любовь Александровна?

Тутъ пришла моя очередь конфузиться, я не могла вспомнить своего вопроса, я его дѣлала почти безсознательно, для того только, чтобы перемѣнить разговоръ. Владиміръ Петровичь всталъ и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ:

— Ну, не краснѣйте, мы оба виноваты другъ передъ другомъ, помиримтесь.

Я протянула ему руку, онъ ее взялъ и, удержавъ въ своей, продолжалъ голосомъ участія:

— А знаете, объ чемъ я теперь думалъ? объ васъ...

Я слегка вздрогнула, мнѣ стало неловко, я хотѣла отдернуть свою руку, но онъ ее слегка сжалъ, и подсѣвъ ко мнѣ, сказалъ съ упрекомъ:

— Что вы боитесь, Любинька, вы будто мнѣ не довѣряете, вы будто сомнѣваетесь въ моей чистой дружбѣ къ вамъ, въ моемъ уваженіи.... Да, я васъ уважаю, Любинька, и люблю какъ братъ; тутъ голосъ его слегка задрожалъ, я теперь думалъ объ васъ, объ ожидающей васъ судьбѣ, и мнѣ стало страшно за васъ; гдѣ вамъ найдти здѣсь человѣка достойнаго, и который бы умѣлъ васъ оцѣнить, оцѣнить вашъ умъ гибкій и глубокій, ваше благородство, ваше сердце... Не за Ивана же Ларцева вамъ выходить, нѣтъ, онъ вамъ не чета...

—Вы меня слишкомъ высоко ставите, Владиміръ Петровичь, во мнѣ нѣтъ всѣхъ этихъ качествъ; въ одномъ вы не ошиблись: сердце мое въ самомъ дѣлѣ способно на любовь, на дружбу, на благодарность... но это все... Теперь только въ вашемъ обществѣ, изъ вашихъ разговоровъ и чтеній, могу почти сказать уроковъ, я, можетъ быть, нѣсколько научилась; понятія мои расширились, умъ мой какъ будто бы прояснился, но я скоро уѣду домой... вступлю въ прежній порядокъ жизни... все пойдетъ по старому... за чѣмъ же мнѣ мечтать о лучшей судьбѣ, я рождена не на то, надо покориться, идти по проложенной мнѣ дорогѣ...

Владиміръ Петровичь выпустилъ мою руку, выраженіе его лица внезапно перемѣнилось, брови слегка сдвинулись.

—Я понимаю, Любовь Александровна, вы не чувствуете въ себѣ довольно энергіи, чтобы поставить себя выше обстоятельствъ, и поэтому вы хотите подавить въ себѣ божест-

венную искру, съ закрытыми глазами опять пуститься въ матеріальный омутъ деревенской жизни, не той деревенской жизни, въ которой, можетъ быть, столько поэзіи и любви; нѣтъ, вы хотите жить безъ мысли, безъ воли, посреди мелкой домашней дрязги, сплетней, мелочныхъ интересовъ.... и потомъ настанетъ день, когда вамъ прикажутъ быть женою, или скорѣе ключницей, экономкой какого нибудь Ларцева и вы молча повинуетесь, потому что эта ваша судьба...» Онъ горько засмѣялся.

— Владиміръ Петровичь, вы меня не поняли; я не властна своей судьбою, то есть не могу по произволу устроить себѣ блестящую будущность, но я властна не отдавать своего сердца, своей руки, человѣку, мнѣ не симпатичному.. Когда я говорю, что пойду по проложенной мнѣ дорогѣ,— это значитъ только, что я помирюсь со своимъ теперешнимъ положеніемъ, не буду роптать, буду жить съ своими мечтами, не надѣясь на ихъ исполненіе...

— А вы мечтаете, Любинька? Какую же вы себѣ жизнь бы устроили, если это отъ васъ бы зависѣло? Небось, прибавилъ онъ съ улыбкой, не смотря на ваше благоразуміе, и вамъ снились: свѣтъ, блестящее положеніе, успѣхи, толпа обожателей.... признайтесь, вѣдь все это такъ заманчиво издали!...

— Нѣтъ, Владиміръ Петровичь, эти мысли рѣдко заходили мнѣ въ голову, и мало прельщали меня, можетъ быть отъ того, что выросши въ одиночествѣ и простотѣ, я не видѣла въ себѣ блестящихъ качествъ, которыя могли бы доставить мнѣ успѣхъ въ свѣтѣ, не чувствовала въ себѣ способности къ кокетству ума, къ игривому остроумію; а можетъ быть и отъ того, что во мнѣ таились болѣе экзальтированныя

честолюбивыя мечты. Я бы не удовольствовалась бѣглыми поклоненіями свѣтскихъ львовъ, которыми они надѣляютъ такъ много женщинъ, блестящая пустота лести не могла бы, кажется, наполнить мое сердце. Оно жаждеть другаго!...» Тутъ я почувствовала, что моя голова горитъ, я закрыла глаза руками, я забыла съ кѣмъ я говорю... мнѣ представился волшебный рядъ заманчивыхъ призраковъ, нѣкогда созданныхъ моимъ воображеніемъ, я продолжала съ увлеченіемъ:—«Оно жаждетъ пламенной, глубокой, безкорыстной любви, неподверженной капризамъ людей, не основанной на кокетствѣ и самолюбіи, любви одного достойнаго человѣка, котораго мнѣніе было бы для меня дороже всего свѣта!... И какъбы я его любила, и какъ бы тихо, и какъ счастливо протекла бы для насъ жизнь! И какъ оживилось бы мое уединеніе!... Я шла бы съ нимъ легкою стопою, рука объ руку, душа въ душу, и онъ бы зналъ всѣ сокровеннѣйшія мысли мои... отъ всякаго чувства, заставляющаго биться мое сердце, забилось бы и его... О, онъ бы понялъ меня, онъ бы не сталъ обвинять меня въ безчувственности, въ мелочности, какъ вы сейчасъ!...»

Я уже не знала, что говорила; всѣ мысли и чувства мои, мечты и дѣйствительность перепутались въ моей головѣ: къ счастію сильное волненіе, овладѣвшее мною, прервало меня, что-то душило мнѣ горло, слезы тщетно вырывались наружу, кровь сильно билась въ вискахъ... я замолчала и руки мои судорожно искали близкой опоры, я боялась упасть со стула... Владиміръ Петровичь при послѣднихъ моихъ словахъ, вскочилъ съ мѣста и бросился ко мнѣ; я сначала ничего не видала, я чувствовала только, что меня крѣпко схватили за руки; мои руки охолодѣли, ихъ какъ

будто согрѣвали.... неясные, прерывистые звуки долетали до меня, я чувствовала чье-то теплое дыханіе... Но я вскорѣ опомнилась, и что же я увидѣла? Владиміра у ногъ моихъ!... Онъ держалъ мои руки въ своихъ, взглядъ его вперился въ мои глаза.... онъ выражалъ сильное безпокойство, участіе... нѣтъ, онъ выражалъ страстную любовь, любовь, о которой я мечтала,—*мою любовь!*...

— Любинька, говорилъ онъ тихимъ голосомъ, прости меня, что я тебя не понималъ, что я могъ ошибиться, хотя мгновенно, въ тебѣ; теперь я вижу—ты самое высшее, самое благородное существо въ мірѣ, прости меня, не плачь, не волнуйся....

Въ первомъ упоеніи восторга, признаюсь тебѣ, я молча его слушала, его взглядъ приковалъ мой взглядъ, я не отнимала своихъ рукъ, но это продолжалось одно мгновеніе, я вдругъ поняла всю неприличность этой сцены, и поспѣшно отдернувъ свои руки, встала и сказала довольно спокойнымъ голосомъ, стараясь говорить равнодушно и холодно:

— Вы ошибаетесь, Владиміръ Петровичь, мнѣ не дурно, вы хотѣли мнѣ помочь—благодарю васъ.... но у меня только закружилась голова, это со мной бываетъ,—но это ничего, это прошло.... Меня взволновали мысли, воспоминанія о прежнихъ мечтахъ, которыя давно не возвращались... Вы меня передъ этимъ увѣряли въ своей дружбѣ, въ своихъ братскихъ чувствахъ ко мнѣ,—я ихъ вполнѣ оцѣняю, и прошу васъ мнѣ *ихъ* сохранить... Ваша жена вѣрно проснулась, пойдемте къ ней.

—Повѣрьте, Любовь Александровна, что мои чувства къ вамъ никогда не измѣнятся, отвѣчалъ онъ мнѣ печаль-

нымъ, но твердымъ голосомъ, я васъ уважаю и люблю, какъ другъ и братъ.

Съ этими словами онъ подалъ мнѣ руку, и мы пошли къ Маріѣ... Надѣяться ли на его слова? Надѣяться ли на себя? Ибо я одна виновата въ этой сценѣ. За чѣмъ было раскрывать передъ нимъ, передъ чужимъ человѣкомъ, мои чувства, мое сердце? Онъ это принялъ за качество, онъ хотѣлъ воспользоваться моей деревенской глупостью. О, неужели я теперь уѣду и оставлю по себѣ такое мнѣніе?... Нѣтъ, я останусь, и онъ увидитъ, что я не глупая, сентиментальная дѣвочка, а женщина съ характеромъ и твердостью, которая могла увлечься на минуту, но вскорѣ вспомнила свои обязанности, и съумѣетъ и другихъ заставить воздатъ ей должное уваженіе! О, я увѣряю тебя, милая Анна, это для меня не опасно, вѣдь я его не люблю.... Я имѣю.... я должна имѣть къ нему лишь одну чистую дружбу—Богъ мнѣ поможетъ.... Мнѣ здѣсь хорошо, мнѣ здѣсь весело.... неужели мнѣ ѣхать назадъ въ Тарасьевку? скажи...

Твоя Л. Г.

От Адели Пельской къ Маріи Сергинской.

Москва 15-го Іюля.

Милый, дорогой другъ мой Марія!

Поздравь меня, я рѣшилась, я невѣста, я счастлива! Сомнѣнія мои недолго продолжались; я взвѣсила свою любовь и свою ревность, и любовь перевѣсила. Не прошло двухъ часовъ въ тотъ день, послѣ отъѣзда Лавацкаго, какъ вся моя грусть разсѣялась передъ желаніемъ его опять увидѣть. Тутъ я поняла, что всѣ размышленія будутъ лишнія, потому что этотъ человѣкъ сдѣлался для меня необходимымъ, потому что безъ него жизнь моя уже безцвѣтна. Я сѣла къ письменному столу и написала только эти два слова: «Александръ! Мнѣ безъ васъ тяжело и грустно, пріѣзжайте скорѣе.»

И къ чему было медлить? Ты знаешь, я не кокетка, я не хотѣла томить его долгимъ сомнѣніемъ . . . . Не прошло получаса, какъ на дворѣ послышался стукъ дрожекъ, Графъ влетѣлъ въ комнату. Я его почти что не узнала, такъ счастіе измѣнило выраженіе его лица; онъ какъ будто помолодѣлъ, глаза его блистали радостію, ироническая улыбка совершенно исчезла, ее замѣнила другая, свѣтлая улыбка . . . . На другой день насъ благословили. Опекунъ и тетушка очень довольны; они всѣмъ разсказываютъ, что я дѣлаю прекра-

сную, богатую партію; быть можетъ такъ; я знаю только, что я счастлива, выхожу за любимаго человѣка.

Прощай, мой добрый другъ, черезъ двѣ недѣли свадьба, а тебя не будетъ! За чѣмъ не отвѣчала ты мнѣ на послѣднее письмо, или съ тобой что нибудь случилось? Пиши ко мнѣ, что̀ бы тутъ ни было, вспомни, что если я тебя подъ часъ и браню, то умѣю и утѣшить.

Твоя, въ послѣдній разъ,

Адель Пельская.

Отъ Маріи Сергинской къ Адели Пельской.

Село Горскино. 26-го Іюля.

Поздравляю тебя, моя добрая Адель, отъ души поздравляю съ блестящею партіею; твоя романтическая душа видитъ одну любовь, но я вижу и выгоду, которою, повѣрь, на этомъ свѣтѣ пренебрегать не слѣдуетъ. Графъ Лавацкій дѣйствительно богатый женихъ, не считая даже имѣнія первой жены; къ тому же онъ принадлежитъ къ знатной старинной фамиліи. Поздравляю тебя, и желаю, чтобы твое счастіе, котораго заря только что показалась, было бы продолжительнѣе моего . . . .

Да, страшно сказать, но мое счастіе уже закатилось, не долго мнѣ улыбалось супружество . . . трехъ мѣсяцевъ нѣтъ, какъ я жена Владиміра, и я уже успѣла узнать все: и ревность, и униженіе и горе . . . . Однакожъ я его любила, любила столько, сколько мой характеръ мнѣ позволялъ. Правда, я слишкомъ весела и вѣтрена, чтобъ долго питать романтическою страсть: эти долгіе разговоры на одномъ мѣстѣ, эти поэтическія чтенія, отъ которыхъ въ глазахъ зелено, и въ ушахъ звенитъ, не по моей части. Я люблю поболтать кое объ чемъ, посмѣяться, люблю бѣгло перелистывать модный журналъ, сыграть вальсъ или оперную тему, потомъ бросить фортепьяно, схватить зонтикъ и побѣжать въ садъ, въ рощу, нарвать цвѣтовъ, набрать грибовъ, потомъ усталая отдыхать на балконѣ, послѣ обѣда поиграть въ карточки,

вечеромъ кататься въ лодкѣ, при лунномъ свѣтѣ. Но видно, я не по нраву пришлась Владиміру Петровичу; ему слѣдовало имѣть жену мечтательную, сентиментальную, съ меланхоліей и поэзіей, которая бы восхищалась и ахала, когда онъ читаетъ ей Ундину Жуковскаго; съ такими же, какъ у этой глупой ундины, бѣлокурыми длинными, развитыми волосами, съ голубыми, томными глазами, словомъ, съ типомъ совершенно противоположнымъ моему. Онъ нашелъ эту волшебную женщину, и кто бы это могъ быть, если не Любинька Гордунова? Признаюсь тебѣ, я сначала не замѣчала этой милой дружбы (ибо за дружбу оно слыветъ). Возвращаясь изъ саду съ Ларцевымъ, я ихъ, правда, заставала часто на балконѣ, съ книгой въ рукахъ, но не обращала на это особеннаго вниманія. Владиміръ меня обыкновенно весело встрѣчалъ и бросалъ книгу безъ сожалѣнія, но недавно случилось иначе. Вотъ какъ это было: я по обыкновенію пошла гулять съ Ларцевымъ, мы сошли къ берегу рѣки. Ларцевъ говорилъ мнѣ свои обычныя пошлости, но я его не слушала: эта вѣчная, глупая пѣснь начинала мнѣ надоѣдать, мнѣ было скучно, я ходила молча, безпощадно разрывая на клочки букетъ полевыхъ цвѣтовъ, который держала въ рукахъ. Вдругъ громкое восклицаніе Ларцева вывело меня изъ раздумья и заставило встрепенуться.

— Вы молчите, Марія Николаевна; итакъ я отгадалъ, вы поняли, вы оцѣнили мою страстную любовь, вы уже не отказываетесь отъ отвѣта . . . . я могу надѣяться! . . . И онъ схватилъ мои обѣ руки и, кажется хотѣлъ прижать меня къ своему сердцу, на которомъ красовалась массивная золотая цѣпочка. Но я не дала ему исполнить своего намѣренія, я въ мигъ поняла его ошибку . . . во всякое другое

время это заблужденіе дурака (который принялъ à la lettre пословицу: «молчаніе есть знакъ согласія,» и счелъ мое молчаніе за благопріятный отвѣтъ на объясненіе, которое онъ безъ сомнѣнія дѣлалъ мнѣ въ эту минуту) возбудило бы у меня самый искренній смѣхъ, но въ этотъ день мнѣ было не по себѣ; я скучала, мнѣ было немного досадно на мужа, который какъ-то разсѣянно слушалъ меня за чаемъ; мнѣ даже показалось, что пока Любинька не вошла въ комнату утромъ, онъ безпрестанно оглядывался на дверь, какъ будто поджидая кого нибудь. Итакъ у меня нервы были разстроены и расположили меня принять это обстоятельство съ слишкомъ трагической стороны. Я вырвалась изъ рукъ Ларцева и отвѣчала дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:

— Вы забываетесь, Иванъ Егоровичъ; я вамъ не дала права со мной такъ поступить.—Сконфуженный, испуганный Ларцевъ покраснѣлъ до ушей и, отступивъ назадъ шаговъ по крайней мѣрѣ на десять, пробормоталъ, заикаясь, какія-то несвязныя слова. Мнѣ стало его жалко, я хотѣла загладить свою слишкомъ строгую выходку, и сказала ему болѣе мягкимъ и по возможности не насмѣшливымъ голосомъ:

— M-r Ларцевъ, вы очень умны, но у васъ еще не достаетъ нѣкотораго свѣтскаго навыка; узнайте же, что порядочную женщину никогда не обнимаютъ такъ неожиданно, а дожидаются, чтобы она первая вамъ объ этомъ намекнула!

Ларцевъ низко поклонился, это ему помѣшало увидѣть мою невольную улыбку, при послѣднихъ словахъ.

— Я себя дурно чувствую сегодня, продолжала я, я простудилась, у меня голова болитъ, дайте мнѣ руку, и проводите меня домой, я хочу лечь . . . .

Ларцевъ молча повиновался; мы пошли домой; у крыльца онъ со мной простился и уѣхалъ къ себѣ, должно быть съ тайной надеждой на мой скорый намекъ на счетъ объятій.

Я тихо взошла на балконъ. Владиміръ бесѣдовалъ съ Любинькой, и не услыхалъ моихъ шаговъ; книга лежала у него на колѣняхъ, они не читали. Такъ это былъ только предлогъ, подумала я, они не читаютъ, они заняты интереснымъ разговоромъ, *такимъ* интереснымъ, что и меня не замѣчаютъ. Я остановилась на крыльцѣ, съ намѣреніемъ ихъ подслушать, но тутъ меня Любинька замѣтила и съ лицемѣрной улыбкой ко мнѣ подошла. Я сухо объявила, что себя дурно чувствую, и ушла къ себѣ въ комнату. Мнѣ хотѣлось сдѣлать сцену Любинькѣ, но не имѣя еще довольно явныхъ доказательствъ на ея кокетство съ Владиміромъ, я удержалась, чтобы не остаться въ дурахъ.

Послѣ обѣда Владиміръ пришелъ въ мою комнату, съ нимъ вкралась и эта змія, Любинька. Я сначала не обратила на нее вниманія, но когда она стала приставать ко мнѣ съ разными предложеніями услуги, я не выдержала и что-то ей нагрубила. Я надѣялась, что она разсердится и скажетъ, что не хочетъ болѣе оставаться у насъ, но она промолчала и только минутъ черезъ пять вышла изъ комнаты. Тутъ я обратилась къ Владиміру и съ сердцемъ ему сказала, чтобы испытать его чувства къ Любинькѣ:

— Эта дѣвчонка мнѣ до смерти надоѣла, такая навязчивая! какъ бы ее сбыть скорѣе изъ дому? . . .

Но къ моему большому удивленію онъ не разсердился, а отвѣчалъ спокойно:

— Ты просто нездорова сегодня, Маша, у тебя нервы разстроены, постарайся заснуть, все пройдетъ.

И онъ всталъ и хотѣлъ поцѣловать мою руку. Это спокойствіе меня еще болѣе взорвало; я отдернула руку и громко воскликнула:

— Я васъ понимаю, вы хотите, чтобъ я заснула, для того, чтобы удобнѣе идильничать тамъ на балконѣ съ своей Дульцинеею. D'ailleurs elle a pris les devans; она васъ дожидается, и вы горите нетерпѣніемъ ее увидѣть . . . . Подите же, я васъ не удерживаю, подите . . . .

— Если Любовь Александровна вышла теперь изъ комнаты, отвѣчалъ Владиміръ строгимъ голосомъ,—то не она виновата, а вы!. . . Вы ее выгнали своимъ грубымъ обращеніемъ...

— Только этого не доставало, чтобы за нее заступались, чтобы позволили свою жену дурачить, чтобы въ моихъ глазахъ . . . тутъ я громко зарыдала и не могла продолжать. Но мои слезы не тронули Владиміра.

—Сцены, слезы, сказалъ онъ съ досадой,—да это просто адъ . . . . и онъ вышелъ изъ комнаты.

Я долго, долго плакала, голова моя отяжелѣла, со мной сдѣлался жаръ. Вечеромъ Любинька и Владиміръ опять пришли ко мнѣ, но я ихъ не пустила, я всю ночь не спала и все искала средства изженить эту Любиньку, съ появленіемъ которой миръ и счастіе оставили нашъ домъ. Но мои мысли путались, мнѣ представлялись одни грёзы, и я встала поутру, ничего не нашедши и рѣшившись только дождаться перваго случая и воспользоваться имъ. Но какъ будто бы нарочно Владиміръ и Любинька во все утро почти ничего не говорили между собою; *она* съ особеннымъ вниманіемъ вышивала свою оборку, *онъ* молча курилъ сигарку. Въ часъ пріѣхалъ Ларцевъ, въ дорожномъ платьѣ, на тройкѣ; онъ объявилъ намъ, что у него сдѣлался по-

жаръ въ одной дальней деревнѣ, и что онъ ѣдетъ туда недѣли на двѣ. Его дорога лежала мимо Горскина, и онъ заѣхалъ проститься.

— Застану ли я васъ еще здѣсь по возвращеніи? сказалъ онъ, и бросилъ на меня печальный взглядъ. Это мнѣ дало мысль; я вздумала возбудить ревность Владиміра и этимъ пробудить его любовь ко мнѣ, и отвѣчала, протягивая руку Ларцеву: «Мы уѣдемъ отсюда только съ первымъ зимнимъ путемъ, возвращайтесь скорѣе, намъ безъ васъ будетъ скучно.»

Говоря эти слова съ особеннымъ удареніемъ, я украдкой взглянула на Владиміра; его лице измѣнилось, онъ зажигалъ новую сигару, но Иванъ Егоровичь такъ и расцвѣлъ:

— До свиданія, воскликнулъ онъ, цѣлуя мою руку,—я надѣюсь *очень* скоро вернуться;—и онъ бросилъ на меня значительный взглядъ. Но въ эту минуту свѣтлая мысль блеснула въ моей головѣ; я удивилась, что прежде объ этомъ не догадалась: надобно женить Ларцева на Любинькѣ, подумала я; вотъ единственное средство отдалить ее отъ Владиміра; но для этого прежде всего надо оттолкнуть его отъ себя. Я могла отъ нечего дѣлать и для разнообразія составить себѣ забаву изъ этой провинціальной страсти, но теперь дѣло идетъ о серьозныхъ интересахъ; я рискую потерять сердце мужа, для этого можно пожертвовать Ларцевымъ; къ тому же онъ успѣлъ мнѣ надоѣсть. Но Ларцевъ уѣзжаетъ; придется это намѣреніе отложить до его возвращенія, а пока все таки надо найти средство отправить Любиньку домой. Я не думаю, что Владиміръ очень о ней станетъ сожалѣть; эта хитрая дѣвчонка какъ-то умѣетъ вкрадываться въ довѣріе каждаго, подъ ея деревенской просто-

той кроется ловкое кокетство; но не будь она у него въ глазахъ, онъ скоро позабудетъ о ней. Итакъ я рѣшилась намекнуть Любинькѣ, что ей пора домой. Но судьба иначе устроила обстоятельства, и вмѣсто тихой развязки, которую бы приготовилъ мой намекъ, предстояли мнѣ еще самыя непріятныя сцены.

Послѣ отъѣзда Ларцева я вышла одна въ садъ, и стала бродить по аллеямъ, обдумывая свой планъ. Такъ прошло около получаса; возвратившись на балконъ, я уже не нашла ни Владиміра, ни Любиньки, и полагая, что они пошли меня искать въ садъ, я направила шаги свои въ противоположную сторону сада, въ которой еще не была, надѣясь ихъ тамъ встрѣтить. Для этого надобно было обогнуть домъ, я повернула на лѣво, но проходя мимо гостинной, я вдругъ черезъ открытое окно услышала голоса; я узнала *ихъ* голоса, и притаивъ дыханіе, подкралась къ окну, и стала слушать. Я, даже незамѣченная, могла видѣть; я увидѣла въ углубленіи комнаты Владиміра и Любиньку; она сидѣла на маленькомъ диванчикѣ, онъ стоялъ передъ нею.

— Неужели вы мнѣ не вѣрите, Любовь Александровна? съ жаромъ говорилъ Владиміръ.

— Я вамъ вѣрю, отвѣчала она, поднявъ на него взглядъ, который кольнулъ меня въ самое сердце.

— Отъ чего же вы ушли сюда, когда жена оставила балконъ? Вы меня явно избѣгаете, вы боитесь оставаться наединѣ со мной, — вы меня считаете безчестнымъ человѣкомъ.... Неужели же я измѣню слову своему: я вамъ обѣщался быть вашимъ другомъ, вашимъ братомъ, я сдержу слово!...

— Но я васъ не избѣгаю, Владиміръ Петровичь, я ушла

сюда, потому что.... потому что мнѣ на балконѣ было жарко; (кокетка, подумала я, она ушла оттуда, чтобы его привлечь сюда) потому что, продолжала она съ притворнымъ замѣшательствомъ, мнѣ сегодня грустно и тяжело, мнѣ хотѣлось быть одной....

— Вы плакали, Любинька, сказалъ Владиміръ тронутымъ голосомъ, и взялъ ее за руку. Скажите, что съ вами? Не было ли вамъ непріятности отъ жены? Я этого не потерплю, прибавилъ онъ, и брови его судорожно нахмурились. Отвѣчайте мнѣ откровенно, что такое? (Змія, подумала я, вѣрно она часто на меня жаловалась). Но на этотъ разъ она хотѣла, должно быть, выказать великодушіе.

— Нѣтъ, отвѣчала она, нехотя отдергивая руку, ваша жена не причастна моей грусти; собственныя мои мысли опечалили меня. Сегодня не знаю отъ чего меня особенно гнететъ чувство моего одиночества, вчера я мечтала о невозможномъ, сегодня предо мною опять голая дѣйствительность, и мнѣ грустно, очень грустно....

— Вамъ грустно! воскликнула я, не будучи болѣе въ силахъ удержать свой справедливый гнѣвъ; нѣтъ, вамъ не грустно.... но вы подъ предлогомъ дружескаго утѣшенія хотите кокетствомъ своимъ отвлечь мужа отъ жены... но этого не будетъ, я этого не допущу.... я сорву вашу маску!

Голосъ мой звучалъ, я это сама чувствовала, злобной ироніей; Любинька встала испуганная и блѣдная, Владиміръ весь вспыхнулъ и круто повернулся къ окну. Но я уже мигомъ бросилась къ крыльцу, и въ одно мгновеніе очутилаль въ гостинной. Съ секунду мы всѣ трое стояли молча, наблюдая другъ друга; я дрожала всѣмъ тѣломъ,

Любинька судорожно схватилась за замокъ, Владимiръ первый оправился.

— Марія, сказалъ онъ строго, благородная женщина не подслушиваетъ у окошка; еслибъ вы не поступили какъ опрометчивая школьница, вы не подвергли бы меня и Любовь Александровну этой непріятной и глупой сценѣ, дѣлая ложныя заключенія по поводу нѣсколькихъ словъ, пойманныхъ на лету и криво понятыхъ вами.

— Но я слышала *весь* вашъ разговоръ, воскликнула я, тутъ нѣтъ никакаго недоразумѣнія, я говорю что....

— Извините, прервала Любинька, смѣло глядя мнѣ въ лице; тутъ есть недоразумѣніе, прибавила она, обращаясь къ мужу, вы меня не поняли, Владимiръ Петровичь, я говорила вамъ, что мнѣ сегодня тяжело и грустно, я соскучилась по своимъ, мнѣ пора домой, я не успѣла вамъ досказать, что я ѣду сегодня вечеромъ....

Невольная радость проглянула на моемъ лицѣ, я не ожидала такой счастливой, скорой развязки этой сценѣ, мнѣ въ эту минуту вдругъ захотѣлось обнять Любиньку, и сказать ей: «какія вы любезныя, что рѣшились ѣхать,» но я удержалась и проговорила только серьозно и учтиво:

— Мы очень сожалѣемъ, Любинька, что вы насъ такъ скоро оставляете; но если вы сами такъ желаете уѣхать, то мы не смѣемъ васъ удерживать, и я протянула ей руку. Любинька отвѣчала мнѣ горькой улыбкой.

Тутъ я взглянула на Владиміра; онъ будто бы оцѣпенѣлъ отъ послѣднихъ словъ Любиньки; лице его выражало печальное удивленіе, онъ молчалъ. Любинька пошла дѣлать свои приготовленія къ отъѣзду, я ушла въ свою комнату и стала писать къ тебѣ. Все еще можетъ поправиться, не

правда ли, мой милый другъ? Владиміръ, можетъ быть, нѣсколько дней будетъ дуться на меня, а тамъ онъ меня проститъ, — не изъ любви ли къ нему я заварила всю эту кашу?... А что касается до Любиньки, sans contredit, je lui dois un dédommagement. Когда Ларцевъ пріѣдетъ, я возвращу его къ ея ногамъ, чего же ей больше? Для нея это прекрасная партія. Прощай, мой добрый другъ, будь счастлива и не забывай меня.

Твоя Марія Сергинская.

Отъ Адели Лавацкой къ Маріи Сергинской.

Москва 10-Августа.

Ахъ, Марія, Марія! все ты такая же, замужство тебя не измѣнило! этотъ важный шагъ въ жизни, который всякую женщину наводитъ на серьозныя размышленія, не заставилъ тебя даже и призадуматься. Ты подошла къ священному алтарю, какъ входила въ бальную залу, съ веселымъ любопытствомъ, оглядываясь на всѣ стороны; ты подъ вѣнцемъ стояла съ той же беззаботной улыбкой, какъ подъ гирляндой цвѣтовъ... Не прошло мѣсяпа послѣ твоей свадьбы, какъ ты стала играть своимъ счастіемъ и любовію мужа, какъ нѣкогда играла пустымъ волокитствомъ своихъ свѣтскихъ поклонниковъ!... И теперь, когда твое легкомысліе принесло свои плоды, когда твоя будущность угрожаетъ навсегда омрачиться, ты все-таки не рѣшаешься взглянуть на жизнь съ серьозной стороны; письмо твое, начатое печально, кончается почти весело. Не смѣйся, ради Бога не смѣйся; да послужитъ тебѣ это обстоятельство, черезъ которое ты рисковала потерять навсегда любовь мужа, да послужитъ оно тебѣ урокомъ. Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я предлагала тебѣ мои утѣшенія, а теперъ приходится тебя постращать. Мнѣ кажется, что ты ошибаешься въ своемъ мнѣ-

ніи о Любинькѣ. Ты ее считаешь пустой кокеткой, но, прочитавъ со вниманіемъ переданный тобою ея разговоръ съ твоимъ мужемъ, я увидѣла другое... Любинька любитъ Владиміра, она любитъ его глубоко и страстно, потому что въ ней должна быть душа страстная, сердце горячее... Но она борется съ своимъ чувствомъ, это видно, и можетъ быть для твоего счастія Владиміръ не успѣлъ разгадать его вполнѣ. Бѣдная Марія! ты судишь о другихъ по себѣ, ты видѣла въ этомъ поступкѣ Любиньки, которая ушла въ гостиную, чтобы не остаться на единѣ съ твоимъ мужемъ, хитрый разсчетъ кокетки; а то было бѣгство любящей женщины, которая сознаетъ свою слабость, боится ее и старается спастись отъ собственнаго сердца. Счастливо для тебя, повторяю я, если Владиміръ не разгадалъ ея тайну, счастливо отъ того, что онъ въ ней нашелъ бы, можетъ быть, ту глубокою, ту исключительную къ себѣ привязанность, которую тщетно искалъ въ тебѣ.... Если-бъ, когда онъ только думалъ и мечталъ о тебъ, ты не развлеклась этимъ глупымъ кокетствомъ съ Ларцевымъ, всего этого бы не случилось: Любинька не имѣла бы случая сблизиться съ твоимъ мужемъ; она можетъ быть, вышла бы за Ивана Егоровича, который не дерзнулъ бы выдти изъ предѣловъ уваженія къ тебѣ, долго бы еще не разочаровался Владиміръ, ослѣпленный любовію къ тебѣ.... Такъ прошли бы годы, ваше счастіе бы упрочилось, и тогда ты, можетъ быть, сама бы стала солиднѣе, разсудительнѣе, и съумѣла бы сохранить привязанность мужа. Ты теперь хочешь возвратить Ларцева Любинкѣ, и думаешь этимъ все дѣло поправить,— не поздно ли это будетъ? То, чего она прежде желала, не покажется ли ей теперь и тяжело, и невозможно, а если

она по принужденію и выйдетъ за Ларцева, возвратитъ ли тебѣ это обстоятельство сердце мужа?... Его оскорбленныя самолюбіе и сердце прибѣгнутъ ли къ тебѣ за утѣшеніемъ?... Сторожи свое счастіе, Марія, молись, и Богъ тебѣ поможетъ...

Благодарю тебя, мой другъ, за твои поздравленія и желанія. Вотъ десять дней, какъ я замужемъ и счастлива; я была бы еще счастливѣе, еслибъ мой мнительный нравъ не отравлялъ мнѣ всегда самыя лучшія минуты въ жизни. Ты отгадываешь, что не смотря на полную, на горячую любовь Александра, я не могу совершенно подавить искру ревности, которая запала въ мою душу. «Ревность къ покойницѣ, скажешь ты, но это безразсудство, это сумасшествіе, ты мечтала объ исключительной привязанности, но она есть, тебя одну любятъ, другой нѣтъ, ее забыли»... Но ее *любили*, Марія, и я безпрестанно вижу ея тѣнь между мною и имъ... Все, въ новомъ супружествѣ, тысячи мелочей должны напоминать ее, и тогда я съ безпокойствомъ смотрю на Александра, мнѣ хотѣлось бы прочесть, чтò происходитъ въ его душѣ.... Когда передъ свадьбой тетушка хлопотала съ приданымъ, безпрестанно совѣтуясь со мной, всѣ эти приготовленія были для меня настоящей пыткой... Сердце мое сжималось, глядя на нихъ; мнѣ все казалось, что у первой его жены все было также; никакіе наряды, никакіе подарки меня не радовали. Наканунѣ свадьбы Александръ подарилъ мнѣ прекрасный брилліянтовый браслетъ; онъ думалъ мнѣ этимъ сдѣлать удовольствіе, но вмѣсто горячей благодарности я насилу сдержала невольный вздохъ, и съ безпокойствомъ посмотрѣла ему въ лице. «Что онъ подарилъ своей первой женѣ, когда былъ женихомъ?» дума-

ла я въ эту минуту, и мнѣ представилось, какъ онъ надѣваетъ на ея руку богатый браслетъ, а она нѣжно на него глядитъ... я вся затрепетала, рука моя охолодѣла въ его рукѣ.

—Развѣ тебѣ этотъ браслетъ не нравится? печально спросилъ Александръ, видя мое молчаніе.

—Нѣтъ, онъ прекрасенъ, воскликнула я, прости меня за равнодушіе,—и я рыдая бросилась къ нему на грудь.

—Ты вѣрно нездорова, заботливо сказалъ онъ, прикладывая руку къ моей горячей головѣ; не занемоги, ради Бога,—и онъ крѣпко прижалъ меня къ сердцу; его ласка меня успокоила, но ненадолго.

На другой день была свадьба, но несчастная ревность преслѣдовала меня и въ эту торжественную минуту; я вспомнила, что мужъ мой съ другой женщиной уже стоялъ передъ алтаремъ, что онъ уже другой клялся въ любви и вѣрности, и сердце мое вдругъ какъ будто перестало биться, я поблѣднѣла, мнѣ чутъ не сдѣлалось дурно; но Александръ посмотрѣлъ на меня въ эту минуту съ такой нѣжностію, взглядъ его выражалъ такъ много любви и безпокойства, что я оправилась... Мы живемъ въ городѣ; не стоило на одинъ мѣсяцъ нанимать дачу; къ тому же погода дурна. Мы сдѣлали мало визитовъ, городъ пустъ, я просила опекуна избавить насъ отъ свадебныхъ обѣдовъ, и мы провели эти дни почти наединѣ другъ съ другомъ, читая, разговаривая и строя разные воздушные замки. Я просила Александра выписать къ себѣ свою маленькую дочь, которая живетъ у его родственницы, княгини Бѣлоуцкой. Сначала онъ не соглашался, говоря, что дѣвочка избалована, и мнѣ доставитъ много хлопотъ, но я его убѣдила, и черезъ нѣсколь-

ко дней ребенокъ будетъ здѣсь. Зачѣмъ онъ не хотѣлъ его видѣть? Не наводитъ ли этотъ ребенокъ его на печальныя воспоминанія? Не растравливаетъ ли его присутствіе худо зажившую рану?... Вотъ мучительныя мысли, которыя приходятъ мнѣ въ голову; однакожъ я должна воспитывать эту дѣвочку, это моя обязанность,—я ее исполню.

Вчера поутру случилось еще обстоятельство, которое меня сильно взволновало и разстроило. Въ 12 часовъ послѣ чаю Александръ поѣхалъ куда-то на полчаса по дѣлу; я не знала, что изъ себя дѣлать безъ него, никакое занятіе не клеилось... Я пошла къ нему въ кабинетъ и задумчиво сѣла на оттоманку, думая о немъ; мы въ этой комнатѣ много сидимъ, и мнѣ было въ ней пріятнѣе, мнѣ казалось, что она еще полна его присутствіемъ... я сидѣла задумчиво, глаза мои блуждали съ предмета на предметъ, вдругъ они остановились на полураскрытомъ ящикѣ письменнаго стола... Я знала, что въ этомъ столѣ лежатъ его деньги, и встала, чтобы запереть его, и взять къ себѣ забытый имъ ключь. Но наклонившись къ ящику, мой взоръ неожиданно упалъ на лежащій въ немъ медальонъ съ женскимъ портретомъ... Это она, подумала я, и трепетной рукой схватила медальонъ.

Я подошла къ окну, чтобы его разглядѣть; сердце мое сильно билось, я сначала закрыла глаза, я чувствовала, что тутъ можетъ рушиться мое послѣднее заблужденіе. Я безсознательно лелѣяла до сихъ поръ тайную надежду, что эта женщина была дурна собою; я ее смутно воображала, или слишкомъ смуглою, или нескладною, или съ невыразительнымъ лицомъ, и инстинктивно боялась обманутой надежды. Наконецъ, собравшись съ силами, я открыла глаза и смѣло взглянула на портретъ. О Марія, я обомлѣла!

передо мною было идеальное лице, чудно красивое лице: свѣтлоголубые глаза, исполненные нѣги и кротости, глядящіе изъ подъ длинныхъ рѣсницъ, золотистые, прозрачные, какъ дымъ, волосы, вьющіеся воздушными кудрями вокругъ лица, маленькій носикъ, форма котораго напоминаетъ эти миленкія Грёзевскія головки, прелестная улыбка, бѣлая, гибкая шея, что-то дѣтское въ граціозной позѣ всей фигуры. Одной рукой она играла своими шелковистыми волосами, на этой рукѣ былъ брилліянтовый браслетъ... *его* подарокъ, подумала я, и глубоко вздохнула. Долго, долго я глядѣла на это изображеніе, и не могла найдти въ немъ ни малѣйшаго недостатка. Потомъ я пошла къ зеркалу, и грустно взглянула на себя; я не могла выдержать сравненія съ ней. Горькая улыбка досады и почти ненависти къ *ней* еще болѣе обезобразила мое лице. Я посмотрѣла на себя, и какъ будто находила злобное наслажденіе терзать самую себя; разбирая черту за чертою свое лице, я сравнивала идеальное выраженіе ея голубыхъ глазъ съ моими карими, небольшими глазами, ея волнистые бѣлокурые локоны — съ моими темно-каштановыми, гладко зачесанными bandeaux. Правда, мой профиль правильнѣе, но какую милую игривость придаетъ ея лицу этотъ немного вздернутый къ верху носикъ; я блѣдна, а ея щека такъ и пышетъ нѣжнымъ румянцемъ....

Звонокъ прервалъ мои печальныя размышленія, я поспѣшно положила медальонъ на мѣсто, и стараясь скрыть свое волненіе, пошла на встрѣчу мужу. Онъ ничего не замѣтилъ, но искра ревности еще глубже закралась въ мою душу, и постоянно отравляетъ мое счастіе....

Прощай, мой милый другъ, пожалѣй и ты обо мнѣ....

тебя браню за безразсудство, а сама не умѣю совладѣть съ собою.

Adèle Лавацкая.

P. S. Я раскрываю письмо, чтобы тебѣ сказать, что ребенокъ мужа сейчасъ прiѣхалъ; пятилѣтняя, бѣлокурая дѣвочка, очень похожая на мать.... Но бѣдную простудили дорогой, она больна и плачетъ, я ее уложила въ приготовленную мною для нея кроватку и послала за докторомъ...

Отъ Ивана Ларцева къ Петру Дорожинскому.

Сельце Демьяновка 19-го Августа.

Другъ мой Петръ Андреевичь!

Ты спрашиваешь меня, какъ идутъ мои дѣлишки, бранишь за излишнюю скромность и просишь потѣшить разсказомъ о своихъ побѣдахъ. Какія тутъ побѣды, братецъ! ничего нѣтъ хорошаго. Эта Сергинская просто капризная женщина, влюбилась было въ меня, обнадежила, а теперь вдругъ отъ мужа не отходитъ, опять въ него что-ли врѣзалась? Эта перемѣна произошла въ мое отсутствіе, я ѣздилъ на короткое время въ Гагино; у меня тамъ восемь дворовъ сгорѣло, надо было самому дѣло разобрать и кой кому помочь. Прощаніе съ Марьей Николаевной было почти трогательно, она меня просила скорѣе возвратиться, «скучно, говоритъ, безъ васъ,» мы пожали другъ другу руку и выразительно переглянулись. Какъ видишь, все въ порядкѣ; впрочемъ, послѣ уединенныхъ прогулокъ, вздоховъ и не слишкомъ отвлеченныхъ разговоровъ о любви, (понимаешь) быть иначе не могло.

Не прошло двухъ недѣль, какъ я, обдѣлавъ дѣла свои,

вернулся домой; тотчасъ уже лечу, скачу къ Сергинскимъ, вхожу въ гостинную, о счастіе! Марья Николаевна одна, — думаю, вотъ мнѣ обрадуется! Не тутъ-то было; она лѣниво отложила книжку, и сказала холодно: «это вы, давно-ли?» И не дождавшись отвѣта, зѣвнула и, протянувъ руку къ колокольчику, позвонила. Я стоялъ въ изумленіи, держа шляпу въ рукахъ, и не думалъ даже садиться.

Человѣкъ вошелъ. — Скажите Владиміру Петровичу, что Г. Ларцевъ здѣсь, и попросите его сюда.

Мнѣ стало досадно. — Марія Николаевна, воскликнулъ я съ сердцемъ, я этого не ожидалъ отъ васъ! послѣ двухъ недѣль разлуки меня такъ холодно принять!...

— А будто мы съ вами двѣ недѣли не видались, разсѣянно прервала она; какъ скоро проходитъ время! и не увидишь!... Да что-жъ это Владиміръ нейдетъ?» и она встала и пошла къ дверямъ.

Въ эту минуту вошелъ Сергинскій, она схватила его за руку и поцѣловала ее, но онъ не отвѣчалъ на ея ласку, и подошелъ ко мнѣ, молча протягивая мнѣ руку. Мнѣ показалось, что онъ немного измѣнился, лице его стало блѣднѣе, движенія не такъ живы, какъ будто бы энергія пропала. — Что здѣсь случилось? подумалъ я. Quelle mouche les a donc tous piqués!... Разговоръ тянулся вяло между мною и Сергинскимъ, но его присутствіе какъ будто оживило жену; не удостоивая меня ни малѣйшаго вниманія, она безпрестанно обращалась къ мужу съ различными вопросами, острила, вертѣлась передъ нимъ, словомъ, просто съ нимъ кокетничала. Но онъ обращался съ нею разсѣянно, почти сухо, и она не добилась отъ него даже улыбки. «Что-бъ это значило? спросилъ я себя вторично, какая у

нея цѣль? ужъ не дразнитъ ли она меня! Тутъ новая мысль вдругъ мелькнула передо мной: «Manège de coquette que tout cela», подумалъ я; эта вся комедія разыгрывается для меня; она хочетъ испытать мое чувство, увѣриться въ своей власти надо мною, она думаетъ подстрекнуть меня своей холодностью ко мнѣ, своими ласками къ мужу, онъ догадывается и ревнуетъ ее.» Въ ожиданіи счастливой для меня развязки, я остался у нихъ до самаго вечера, но Марія не измѣняла своего холоднаго обращенія со мной и все продолжала нѣжничать съ мужемъ. Я уѣхалъ раздосадованный домой. На другой день я опять попыталъ счастіе, но Марія приняла меня еще холоднѣе чѣмъ наканунѣ; я даже замѣтилъ на ея лицѣ тѣнь неудовольствія, когда вошелъ, какъ будто я ей помѣшалъ; она сидѣла съ мужемъ и, кажется, ему читала что-то вслухъ. Тутъ я убѣдился въ легкомысліи, могу почти сказать, въ коварности этой женщины. Я понялъ, что она меня уже не любитъ.... Я даже сталъ сомнѣваться, любила ли она меня когда нибудь....

Я въ этотъ день рано уѣхалъ домой; я не хотѣлъ показать ей своей досады. «Если я ей служилъ игрушкой, думалъ я, если она только хотѣла вскружить мнѣ голову, чтобы послѣ забавляться надо мною, то она вѣрно надѣется, что я теперь впаду въ мрачное отчаяніе, застрѣлюсь, утоплюсь, или пойду въ монастырь. Но я ей не далъ насладиться своимъ торжествомъ, ей меня не включить въ число своихъ жертвъ, я ей докажу, что и для меня эта интрижка была лишь забавой; знай нашихъ, я женюсь!»

Тутъ я вспомнилъ объ Любинькѣ, ея уже нѣтъ у Сергинскихъ, она уѣхала домой. Бѣдная Любинька! подумалъ я, за чѣмъ я тебя оставилъ для этой кокетки? За чѣмъ пре-

небрегъ этимъ чистымъ сердцемъ, которое такъ готово было меня полюбить?... Но все это еще можетъ поправиться, я поѣду къ Гордуновымъ, скажу, что давно люблю ихъ дочь, и женюсь на ней. Если же она мнѣ намекнетъ о моемъ волокитствѣ за Марьей, я ее увѣрю, что это былъ предлогъ, выдуманный мною, чтобы свободнѣе наблюдать за нею, что я ее одну любилъ, но хотѣлъ короче узнать. —

Что, братъ, умно придумано, не правда ли? Послѣ завтра же поѣду туда; сегодня поздно, завтра пятница, дурной день, и такъ въ субботу. Ты будешь у меня шаферомъ. Уфъ, какъ вытянется лице у Марьи Николаевны, когда она узнаетъ, что я такъ скоро утѣшился!

Твой другъ

Иванъ Ларцевъ.

Отъ Любиньки Гордуновой къ Анютѣ Тамбровской.

Сельцо Тарасьевка. 27 Августа.

Милый другъ и сестра!

Вчера получила твое письмо отъ 10-го, въ которомъ ты умоляешь меня скорѣе уѣхать отъ Сергинскихъ и возвратиться въ Тарасьевку; успокойся, добрая Анна, я давно уже дома, я оставила ихъ на другой же день, послѣ этого разговора на балконѣ съ Владиміромъ Петровичемъ, о которомъ я тебѣ въ тотъ же вечеръ написала. На слѣдующее утро Марія мнѣ сдѣлала очень не кстати преглупую сцену ревности; я воспользовалась этимъ случаемъ и уѣхала. Когда я объявила о своемъ намѣреніи, она вдругъ перемѣнилась ко мнѣ и стала необыкновенно любезна. Владиміръ Петровичь меня не удерживалъ... но когда я уѣзжала, онъ меня проводилъ до коляски и самъ посадилъ въ нее; въ эту минуту я почувствовала, что рука его дрожитъ; я быстро обернулась къ нему и, протянувъ руку, сказала: «прощайте, Владиміръ Петровичь, благодарю васъ за *все*, я никогда не забуду, какъ добры вы были ко мнѣ...» я съ трудомъ удерживалась отъ слезъ.

— Прощайте, Любинька, отвѣчалъ онъ печально: видно не суждено намъ быть друзьями... будьте счастливы, и

онъ крѣпко пожалъ мою руку.—Слезы брызнули изъ глазъ моихъ, я поспѣшно опустила вуаль, дверцы захлопнулись—я уѣхала....

Не скажу тебѣ, какія чувства волновали меня дорогой. Ты понимаешь, какъ мнѣ было тяжело; мнѣ казалось, что я разстаюсь съ жизнію, разставаясь съ нимъ .. Тутъ я только поняла, какъ опасно было бы для меня оставаться тамъ...

Но вотъ показалась вдали наша грустная Тарасьевка.... также уныло, также сиротливо стоялъ нашъ старый, безобразный домъ, на той же голой лужайкѣ.... но еще унылѣе, еще безобразнѣе показался онъ мнѣ, послѣ живописнаго, цвѣтущаго Горскина.

Съ наступленіемъ осени, отецъ сталъ еще хилѣе, мать постоянно страдаетъ своими ревматизмами, братца посадили за ученіе; наняли, давать ему уроки по три раза въ недѣлю, домашняго учителя, который живетъ у Овсянниковыхъ. Я вызвалась служить ему репетитриссою , и бѣдный мальчикъ очень радъ, что ему помогаютъ, и что онъ ужъ не одинъ трудится. Такъ провожу я утро; послѣ обѣда беру книгу, которую мнѣ далъ Владиміръ, и отправляюсь въ садъ, или, чтобъ выразиться точнѣе, въ единственную аллею изъ акацій, которая тянется вокругъ зеленаго пруда... Вотъ моя поэзія, вотъ гдѣ я теперь мечтаю, но что я говорю? я ужъ не мечтаю, я не хочу мечтать. .. И будущее и прошедшее видятся мнѣ какъ сквозь сонъ, мысль моя ни на чемъ не останавливается, вспоминать прошедшее мнѣ тяжело и грѣшно.... а безъ *него* въ будущемъ ничего нѣтъ милаго для меня: если вдругъ воображеніе рисуетъ мнѣ привлекательную картину въ будущемъ,—тутъ онъ, все онъ, и я со вздохомъ отдаляю отрадную мечту.

Вечеромъ мы собираемся въ столовой, мы собираемся, но для чего?.., Молчаніе царствуетъ въ комнатѣ, отецъ охаетъ, куря коротенькую трубочку, мать дремлетъ надъ чулкомъ, братецъ, напившись чаю, идетъ спать, а я? Я не нахожу ни одного слова, чтобы разсѣять стариковъ.

Итакъ проходятъ дни мои, такъ проходитъ моя жизнь, все та же грустная и безцвѣтная, безъ мысли, безъ чувства, безъ свѣтлыхъ надеждъ...

Но нѣсколько дней назадъ случилось происшествіе, которое могло бы имѣть вліяніе на мою судьбу. Да, милая Анна, отъ меня теперь зависитъ измѣнить эту жизнь, по крайней мѣрѣ съ существенной стороны, изъ бѣдной сдѣлаться богатой, промѣнять Тарасьевку на болѣе пріятное и красивое мѣстопребываніе, пассивную, ничтожную жизнь на дѣятельную, на полезную, сдѣлаться хозяйкой, женой, можетъ быть, матерью... Ты отгадываешь, что Иванъ Егоровичь Ларцевъ опять на сценѣ. Да, мой милый другъ, эта блудная овца воротилась; разгадалъ ли онъ наконецъ кокетство легкомысленной Маріи, или она сама его отправила, пренебрегая побѣдой безъ боя, или наконецъ другая какая нибудь причина ихъ разлучила? я объясненій не спрашивала, и какое мнѣ дѣло до этого?... Гдѣ не было любви, тутъ нѣтъ и ревности... Я знала, что Ларцевъ изъ самолюбія волочился за Маріей, и прежде замѣтилъ меня; рано или поздно это должно было кончиться. Итакъ я совсѣмъ не удивилась, когда въ одно ненастное утро его коляска подкатилась къ нашему крыльцу.

Онъ вошелъ какъ побѣдитель; на лицѣ его было написано: «мнѣ стоитъ только пожелать, всякая съ радостію пойдетъ за меня.» Во мнѣ тотчасъ же родилось сильное

желаніе унизить эту глупую гордость, дать урокъ этому самонадѣянному человѣку. Отецъ и мать приняли его съ такими любезностями (ты знаешь, что онъ прежде къ намъ не ѣздилъ), что мнѣ стало совѣстно, и я еще болѣе утвердилась въ своемъ намѣреніи. Къ тому же смутная мысль говорила мнѣ, что Владиміръ Петровичь узнаетъ, можетъ быть, о моемъ отказѣ и одобритъ мой поступокъ... Итакъ я оставила Ларцева бесѣдовать съ родителями и не обращала на него никакого вниманія, продолжая работать у окна. Такъ прошло съ четверть часа, разговоръ ихъ ужъ не клеился; Ларцевъ сталъ разсѣянъ, въ голосѣ его замѣтно было маленькое волненіе. Онъ всталъ и подошелъ ко мнѣ.... я взглянула на него, увѣренность его пропала, онъ стоялъ передо мною молча, не зная съ чего начать разговоръ... «Неужели, подумала я, я ошиблась на его счетъ? неужели онъ только храбрился, и самонадѣянность его была притворная?...» Мои мстительныя мысли исчезли, и сжалившись надъ нимъ, я его спросила самымъ натуральнымъ голосомъ:

— Давно были вы у Сергинскихъ, Иванъ Егоровичь? Этотъ вопросъ чрезвычайно смутилъ его...

— Любовь Александровна, сказалъ онъ, покраснѣвъ до ушей и садясь противъ меня; я вижу, что вы на меня сердитесь, вы хотите подтрунить надо мною, но право вы ошибаетесь.... вы ошибочно изволите судить объ этомъ дѣлѣ....

Я съ удивленіемъ поглядѣла на него. — »Я васъ не понимаю, сказала я (je n'y étais plus du tout.).

— Вы не хотите меня понять, отвѣчалъ онъ вполголоса, потому что вы думаете... но я вамъ дамъ удовлетворитель-

ныя объясненія, и вы увидите, что вы ошиблись, что я предъ вами не виноватъ, что мои чувства къ вамъ не измѣнялись.... если же вамъ показалось, что я ухаживалъ за Маріей Николаевной, то....

— Довольно, воскликнула я съ негодованіемъ, вскочивъ съ мѣста; *теперь* я васъ понимаю, Иванъ Егоровичь, тутъ всѣ объясненія—лишнія, я васъ вполнѣ понимаю....

Я вышла изъ комнаты и убѣжала къ себѣ. Тамъ я въ изнеможеніи упала на кресло... эта послѣдняя обида меня сразила своей неожиданностію, — я даже имѣла силы доказать этому человѣку его грубую ошибку...

«Такъ вотъ, подумала я, до какого униженія я дожила: этотъ пустой, ничтожный человѣкъ вообразилъ, что я въ него влюблена. Пріѣзжая сюда, должно быть, съ намѣреніемъ свататься, онъ не отказа боится; онъ ни минуты не сомнѣвается въ впечатлѣніи, сдѣланномъ имъ на меня; нѣтъ, его единственная забота въ томъ, чтобы успокоить мою ревность...» Мою ревность,—это слово меня душило, и слезы досады, но досады безсильной, выступили на моихъ глазахъ.

Такъ застала меня мать; она съ радостнымъ лицемъ и немного торжественной поступью вошла ко мнѣ въ комнату. «Любинька, сказала она мнѣ тронутымъ голосомъ, Любинька, поздравляю тебя съ богатымъ женихомъ: Иванъ Егоровичь Ларцевъ сватается за тебя, кто бы это подумалъ? Благодари Бога за неожиданное счастіе, дочь моя, а мы съ отцомъ тебя благословляемъ.»

Я смотрѣла на мать испуганными глазами, губы мои дрожали, я долго не могла выговорить ни слова. Наконецъ видя, что мое молчаніе поддерживаетъ мать въ ея заблуж-

деніи, и что она беретъ меня за руку и хочетъ вести въ залу, я отчаянно воскликнула:

— Но я не хочу идти за него замужъ, маменька, я презираю этого человѣка, презираю его отъ глубины души...

— Что матушка, что ты говоришь? Я хорошенько въ толкъ не возьму твоихъ словъ; и встревоженная старушка подставила ухо поближе ко мнѣ.

— Я говорю, матушка, отвѣчала я спокойнѣе, что я не хочу выходить за Ларцева.

У матери глаза разбѣжались.

— Ахъ Любинька! помилуй—тебѣ ли это говорить? Бога побойся! какого же тебѣ надо мужа послѣ этого? чѣмъ онъ тебѣ не понравился? кажется женихъ какъ слѣдуетъ, и богатъ, и собой не дуренъ... Скажи, чего тебѣ еще?...

— Человѣка, котораго я бы могла любить, отвѣчала я печально....

— Да отъ чего же ты его любить не можешь?

Я ничего не отвѣчала, и только молча покачала головой.

— Ахъ Любинька! воскликнула мать, и зарыдала; полно Бога гнѣвить, не печаль меня и отца твоего, дай намъ на старости лѣтъ увидѣть счастіе своей дочери, пристроить тебя, благословить внучковъ своихъ передъ смертію!... Богъ знаетъ, можетъ быть придется скоро умереть, а тебя на кого оставимъ?... Любинька! сжалься надъ стариками, дай спокойно сойдти въ могилу!...

Слезы матери, ея горе, глубоко меня тронули, и сказать ли тебѣ? страшно показалось мнѣ и одиночество мое, и бѣдность послѣ ихъ смерти... но идти за Ларцева.... неужели это единственное убѣжище, единственное средство выйдти изъ этого положенія? Разсудокъ говорилъ: «иди,»

сердце сильно возмущалось... «И что подумаетъ Владиміръ, говорила я себѣ, когда онъ узнаетъ, что я сдѣлалась женою, экономкой, какъ онъ выражался, Ларцева, послѣ всего того, что я ему говорила?... Но что мнѣ во мнѣніи Владиміра, думала я опять, неужели жертвовать мнѣ для мнѣнія человѣка посторонняго, котораго я должна забыть, который меня, можетъ быть, уже забылъ, спокойствіемъ родителей?...» При мысли, что онъ меня могъ забыть, сердце мое сжалось, я вообразила себѣ *ихъ* опять счастливыми, опять влюбленными... и какъ ему не забыть меня? Онъ любилъ жену—она его любитъ,—Ларцева нѣтъ!... Не примиреніе ли ихъ его удалило?... Да, это такъ, это должно быть такъ, думала я, они опять счастливы, а я одна.... одна!... «Маменька,» сказала я вдругъ матери, которая видя мое угрюмое молчаніе, сѣла къ окну, и тихо плакала, «маменька, я согласна выходить за Ларцева, но дайте, дайте мнѣ только опомниться, не вдругъ, черезъ мѣсяцъ, черезъ два, а теперь право еще не могу» и я заплакала...

Лице старушки просіяло, она и не слыхала послѣднихъ словъ моихъ, она поняла только, что я согласна, и, схвативъ меня за руку, воскликнула: «пойдемъ къ отцу, пойдемъ въ залу, надо обрадовать старика...»

— Не теперь, не теперь, закричала я въ испугѣ, раскаиваясь уже въ данномъ согласіи, я не хочу его видѣть, я не хочу видѣть этого человѣка!...

— Что съ тобой, дитя мое, успокойся; Ларцева тамъ нѣтъ, онъ уѣхалъ и будетъ только завтра; онъ говорилъ намъ, что у васъ было какое-то объясненіе, въ слѣдствіе недоразумѣнія что ли,—что вы теперь поладили, но что онъ не хочетъ тебя сего дня тревожить....

Такъ вотъ, милая Анна, каково мое положеніе; я до сихъ поръ не рѣшилась выйдти изъ него, я такъ далеко зашла. И какъ мнѣ разувѣрить стариковъ? Какъ мнѣ имъ сказать: мой отвѣтъ былъ сдѣланъ въ минуту необдуманной досады, подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, оскорбленнаго—чѣмъ? Мечтой воображенія, пустымъ предположеніемъ.... Какъ имъ это сказать? Они меня не поймутъ, да и жалко мнѣ ихъ разувѣрить.... Они такъ счастливы... Иванъ Егоровичь Ларцевъ ѣздитъ къ намъ всякій день, его принимаютъ какъ нареченнаго жениха, со мною онъ ничего не говоритъ объ этомъ, а я молчу, избѣгая только случаевъ оставаться съ нимъ наединѣ... Нѣсколько разъ хотѣла я его разувѣрить въ заблужденіи его, на счетъ меня, сказать ему, что я его никогда не любила, что я къ нему болѣе, чѣмъ равнодушна, но это значило бы ему отказать, и я все откладываю, да откладываю; завтра можетъ быть заговорятъ о помолвкѣ, рѣшусь ли я ихъ тогда разувѣрить, или покорюсь своей судьбѣ?... Напиши мнѣ какъ объ этомъ думаешь, милая Анна; но нѣтъ, тогда будетъ поздно, да и ты тоже самое скажешь, что и они всѣ: «выходи за него...» Нѣтъ, лучше пиши ужъ прямо поздравленія, видно такъ быть!... А мечты? А воспоминанія? А мои разговоры въ Горскинѣ на балконѣ? А Владиміръ? А моя непоколебимая твердость? А его мнѣніе? Куда все это дѣвалось?... О Боже, Боже мой! Неужели же я въ самомъ дѣлѣ добровольно рѣшаюсь быть женою этого Ивана Ларцева, надъ которымъ мы съ *нимъ* такъ смѣялись?

Прощай, твоя сестра Л. Г.

Отъ Адели Лавацкой къ Маріѣ Сергинской.

12-е Сентября. Москва.

Милый другъ Марія!

Хотя ты мнѣ еще не отвѣчала на послѣднее письмо, хотя я себя чувствую и больною, и слабою, въ слѣдствіе ли моего положенія, (я беременна,) въ слѣдствіе ли душевныхъ волненій, я все таки не могу себѣ отказать въ утѣшеніи подѣлиться съ тобою своими горестными мыслями, и пишу къ тебѣ эти несвязныя строки. Помнишь, въ прошломъ мѣсяцѣ я тебѣ объявляла о пріѣздѣ дочери мужа... я тогда хотѣла заняться этимъ ребенкомъ, воспитывать, любить его какъ мать, изъ любви къ нему; но не пришлось мнѣ исполнить своего намѣренія... дѣвочки теперь ужь нѣтъ на свѣтѣ! Она уже больная пріѣхала сюда, я ее тотчасъ-же уложила въ постельку, послала за докторомъ; докторъ нашелъ ее въ сильномъ жару, у нея болѣло горло, скоро показалась и сыпь; это былъ скарлатинъ, и самаго злокачественнаго свойства. Я ходила за ребенкомъ день и ночь, я хотѣла его спасти, во что бы ни стало, мнѣ казалось, что я виновата въ его болѣзни... За чѣмъ я его такъ неосторожно выписала отъ княгини Б... въ холодную осень, не подумавши послать ей теплую одежду!

эта мысль терзала меня... дѣвочкѣ дѣлалось все хуже и хуже;... когда я стояла у ея постели, поддерживая ея горячую головку, тысячи мучительныхъ мыслей приходили мнѣ на умъ, и сердце мое судорожно билось, глядя на умирающее дитя... я не смѣла взглянуть на мужа, я боялась прочесть въ глазахъ его живой упрекъ... Не я ли невинная причина его горя? Не чрезъ меня ли онъ теряетъ въ этомъ ребенкѣ, думала я, послѣднее живое воспоминаніе любимой жены?... И я ниже наклонялась къ ребенку, и слезы ревности падали изъ глазъ моихъ вмѣстѣ со слезами горя... Докторъ объявилъ, что нѣтъ надежды... Настала страшная минута смерти, дѣвочка угасла на моихъ рукахъ... Я судорожно слѣдила за ея тяжелымъ дыханіемъ, считала каждый вздохъ... еслибъ я могла остановить на ея губахъ дыханіе это, вдохнуть въ нее эту угасающую жизнь!... но вотъ все тихо, ничего не слыхать... еще легкій вздохъ, еще одинъ, и все кончилось!... Тутъ я тихо подняла голову, и въ первый разъ рѣшилась вгзлянуть на Александра, — наши взгляды встрѣтились, мой взглядъ выражалъ, должно быть, отчаянное горе, его былъ мраченъ и спокоенъ... я не могла выдержать этого взгляда, этого молчаливаго упрека несчастнаго отца!.. За чѣмъ онъ не плакалъ? За чѣмъ не просилъ у меня утѣшенія? Мнѣ было бы легче. Это мрачное, холодное лице, это нѣмое отчаяніе, убивали меня... я лишилась чувствъ... не знаю что со мною было потомъ; мнѣ послѣ сказали, что я недѣлю была больна, у меня были и бредъ, и жаръ... Когда я очнулась, я лежала въ постелѣ, въ полу-освѣщенной спальнѣ, Александръ сидѣлъ у моего изголовья и держалъ меня за руку... я не спросила о ребенкѣ, я догадалась, что его уже похоронили...

Все въ домѣ стало опять какъ было прежде, до пріѣзда ея... Александръ по прежнему ласковъ и заботливъ, но прежнее счастіе для меня уже невозможно... Я никогда не забуду этого взгляда, этой страшной минуты!... Мы съ нимъ не упоминаемъ о покойной дочери, и онъ, и я инстинктивно избѣгаемъ этого предмета. Никто не говоритъ, а всякій думаетъ, и эта мысль какъ будто поставила тайную преграду между нами... Его ласки, его любовь мнѣ кажутся уже не такъ искренними, мое обращеніе съ нимъ стало судорожно и недовѣрчиво... Часто его взглядъ съ безпокойствомъ останавливается на мнѣ, и онъ какъ будто хочетъ мнѣ что-то сказать, но я блѣднѣю, губы мои дрожатъ, и онъ молчитъ... Часто плачу одна и скрываю отъ него слезы мои, здоровье испортилось, нервы мои разстроились... ни чѣмъ не могу заняться... вотъ и теперь перо валится изъ рукъ; я ослабѣла, какъ послѣ самой тяжкой работы...

Прощай, мой добрый другъ, пойду лягу отдохнуть... О, если бы не эта вѣчная тяжелая мысль!... Она отравляетъ мнѣ жизнь... она меня всюду преслѣдуетъ!..

Твоя Адель Лавацкая.

P. S. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю минуты, когда буду матерью; мнѣ кажется, что эта радость облегчитъ мое сердце, что это будетъ новая связь, которая соединитъ меня съ мужемъ, что старое тогда забудется.

Отъ Маріи С. къ Адели Л.

Село Горскино, 20 октября.

Не сердись на меня, мой добрый другъ, что я тебѣ опять такъ долго не отвѣчала, и не подумай, что молчаніе мое происходитъ отъ равнодушія къ тебѣ. Нѣтъ, милая Адель, я все это время была нездорова, мнѣ было не по себѣ; домашнія обстоятельства также не способствуютъ къ моему поправленію, и нагоняютъ на меня страшную хандру... Итакъ, не смотря на мое участіе къ тебѣ, ты во мнѣ найдешь плохую утѣшительницу, и теперь я такая же скучная, развѣ что ко всему привыкнешь, къ непріятному, какъ къ пріятному... Одно я тебѣ скажу, моя бѣдная Адель, а изъ этого ты увидишь, что и я могу дать благоразумный совѣтъ. Брось ты разъ навсегда эту глупую утонченность чувствъ, эту чрезмѣрную деликатность; право ты несчастлива безъ несчастія; я увѣрена, что вся эта трагедія разыгралась только въ твоемъ воображеніи... Мужъ твой, должно быть, и не думалъ обвинять тебя въ смерти своего ребенка, что̀ за дичь! только тебѣ могла придти такая мысль въ голову... Ясно, что графъ Лавацкій не имѣлъ особенной любви къ своей дочери, если онъ ее у себя не держалъ и только по твоей просьбѣ рѣшился за ней послать. Можетъ быть онъ горевалъ объ ней, когда она умирала,

но какому же отцу не жалко своего ребенка въ такую минуту? Тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, а теперь онъ вѣрно про нее и позабылъ, и его гораздо болѣе безпокоитъ твое положеніе и разстроенное здоровье. Повѣрь, мой другъ, тутъ не о чѣмъ печалиться; жизнь не романъ, не ищи постоянно тайнаго значенія въ самыхъ простыхъ вещахъ. Постарайся быть веселѣй, ищи развлеченія въ свѣтѣ, если занятія не клеятся; счастливая! вѣдь онъ у тебя подъ рукой. И все забудется, и твое здоровье поправится, и грезы твои разсѣятся. А мнѣ не пиши, пока не возвратится прежнее веселье съ здоровьемъ. Тебѣ тяжело, а мнѣ и безъ того грустно... Здѣсь ничего нѣтъ хорошаго, кромѣ того, что Любинька Гордунова выходитъ за Ларцева, это дѣло рѣшеное. Получивъ это извѣстіе въ видѣ письма отъ старушки Гордуновой, я поспѣшила передать его Владиміру; онъ принялъ его довольно равнодушно, кажется, и пробормоталъ только: «это должно было случиться, вы всѣ такія же, всѣ.» Я попросила объясненія этой загадки, но мнѣ отвѣчали отрывисто: «ничего» и я должна была удовлетвориться по неволѣ этимъ неудовлетворительнымъ отвѣтомъ.

Надобно тебѣ сказать, что съ нѣкоторыхъ поръ я другаго обращенія не знаю... Владиміръ постоянно молчаливъ и угрюмъ; слова отъ него не добьешься. Сначала я старалась его развеселить, и признаться ли тебѣ? Я находила въ этомъ какой-то интересъ особенный, что-то похожее снова на удовольствіе кокетства; мнѣ предстояло его опять обворожить, привлечь къ себѣ, привести къ своимъ ногамъ... Я съ большой энергіей посвятила себя этому дѣлу, съ разу удалила Ларцева, чтобы онъ мнѣ не мѣшалъ, ста-

ла необыкновенно весела, любезна, острила, нѣжничала, даже читала ему вслухъ изъ Пушкина и Лермонтова, но ничего впрокъ не шло. Владиміръ не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣчать моихъ усилій, и часто вознаграждалъ ихъ одной зѣвотой... Послѣ извѣстія о Любинькиной свадьбы, онъ какъ будто сталъ сообщительнѣе на нѣсколько дней; часто смѣялся надъ Ларцевымъ, острилъ на его счетъ со мною, и я начинала надѣяться на возвращеніе прежнихъ его чувствъ ко мнѣ. Но тутъ случилось обстоятельство, которое отвратило его опять отъ меня, давъ новое направленіе его мыслямъ... Рѣшено, что эта Любинька всегда будетъ причиной всего непріятнаго для меня.

Надобно тебѣ сказать, что ея свадьба будетъ у насъ въ церкви, такъ просили старики Гордуновы; у нихъ церкви нѣтъ, а наша самая ближняя... Въ слѣдствіе этого устройства, пріѣхалъ къ намъ рекомендоваться какой-то дальній родственникъ Гордуновыхъ, Любинькинъ троюродный дядя, кажется, который будетъ ея посаженнымъ отцомъ. Однажды утромъ намъ докладываютъ о пріѣздѣ Г-на Овсяникова; мы сидѣли еще за завтракомъ... Входитъ въ залу маленькій, но широкоплечій старичекъ, лѣтъ 60-ти; на немъ былъ надѣтъ зеленый сертучокъ съ металлическими пуговицами; послѣ я разглядѣла, что на всякой пуговицѣ изображеніе какого нибудь звѣря; на одной — кабанья голова, на другой — олень съ рогами, гдѣ—лошадиная морда... эдакое милое разнообразіе.... Изъ широкаго четвероугольнаго лица этого господина глядятъ маленькіе лукавые глазки, онъ говоритъ очень громко, вообще весельчакъ, и не глупъ, хотя необразованъ. Я даже бы нашла его довольно забавнымъ, (не смотря на то, что онъ вообще не обращалъ

на меня ровно никакого вниманія, и все разговаривалъ съ Владиміромъ,) если бы я скоро не замѣтила по его восторженнымъ разсказамъ объ охотѣ, что онъ страшный охотникъ, псарь!.. Владиміръ его слушалъ съ большимъ вниманіемъ, онъ даже самъ оживился, увлекся его описаніями, и результатъ этого знакомства—то, что онъ заводитъ охоту... Овсяниковъ ему уступилъ для начала нѣсколько собакъ; на другой-же день за садомъ подъ угоромъ стали строить псарню, и теперь уже это великолѣпное зданіе почти окончено, и часто вѣтеръ доноситъ до нашего балкона отдаленный лай этихъ противныхъ гончихъ собакъ. — Я удивляюсь до сихъ поръ, какъ Владиміръ, который никогда не думалъ объ охотѣ, такъ внезапно пристрастился къ ней. Я никакъ не предполагала, что это удовольствіе могло быть ему по характеру. А между тѣмъ онъ жадно ухватился за эту мысль, которую ему далъ Овсяниковъ, и теперь только охотой и бредитъ. Овсяниковъ у насъ почти живетъ, и цѣлый день, когда они дома, идутъ охотничьи толки; но они рѣдко бываютъ дома, все больше на охотѣ. Владиміръ совсѣмъ преобразился; онъ, который такъ любилъ читать, заниматься, онъ и книгу въ руки не возьметъ; черкеская лошадь, собаки, зайцы , волки и Овсяниковъ,—вотъ теперь его любимое общество! Однако-жъ все это къ счастію скоро кончится; ты знаешь, что мы съ первымь путемъ отправляемся въ Москву. О, тогда я ему отомщу за всю эту скуку, я буду выѣзжать, поѣду на всѣ балы, на всѣ вечера, буду наряжаться, танцовать, забавляться!.. Не дождусь этой счастливой минуты!... И тебя опять увижу, моя добрая Адель, ты тогда будешь здорова, ты будешь счастлива, ты меня познакомишь съ своимъ мужемъ. Я увѣрена, что

мы съ нимъ будемъ друзья; о, я тебя съ нимъ помирю, открою, разъясню ему, что за кладъ его жена; а если это непремѣнно нужно для твоего счастія,—пожалуй и пококетничаю съ нимъ въ твою пользу.

Сколько радости, удовольствій тамъ впереди! Но сколько еще скуки, сколько несноснаго ожиданія здѣсь... Свадьба Любинькина назначена чрезъ нѣсколько дней, я одна буду присутствовать при этой интересной церемоніи; Владиміръ ѣдетъ завтра на недѣлю въ губернскій городъ по какому-то дѣлу.—Изъ церкви молодые, по англійскому обычаю, садятся въ карету и ѣдутъ въ дальнюю деревню Ларцева, подъ названіемъ Гагино. Дай Богъ имъ счастія, право, отъ души его желаю... Другихъ пристроила, а сама ни причемъ не осталась... Такова жизнь!...

Твоя Марія С.

Отъ графа Лавацкаго къ Маріи Сергинской.

Москва, 20-го марта (6 мѣсяцевъ спустя.)

Милостивая государыня

Марья Николаевна,

Не имѣя еще чести васъ знать, осмѣливаюсь къ вамъ писать, по желанію жены; Adèle, не будучи въ силахъ сама къ вамъ писать, поручаетъ мнѣ объявить нѣжно любимой подругѣ дѣтства о рожденіи сына. И какъ дорого онъ ей достался!... И какъ боялись мы его лишиться при самомъ рожденіи!... Здоровье Адели было очень плохо во время всей ея беременности... все это разразилось преждевременными родами. Она родила семимѣсячнаго ребенка, который однимъ чудомъ могъ остаться живымъ.... Теперь еще дрожу за нее и за ребенка; однакожь докторъ увѣряетъ, что опасность совершенно миновалась, но она слаба, и эта слабость меня пугаетъ...

Исполнивъ порученіе жены, спѣшу возвратиться къ ней; простите меня великодушно за эти поспѣшныя строки, и позвольте мнѣ, милостивая государыня, выразить вамъ мое глубочайшее уваженіе и сказаться навсегда вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Г. А. Лавацкій.

Отъ Маріи Сергинской къ Адели Лавацкой.

Село Горскино. 3 апрѣля.

Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ рожденіемъ сына, о которомъ я узнала чрезъ любезное письмо твоего мужа. Надѣюсь, что ты теперь на ногахъ, и что ребенокъ живъ и здоровъ.

Куда дѣвались мои прекрасные проэкты, мои радостныя мечты о свиданіи съ тобой, о городской жизни?... Установился зимній путь, прошла зима, теперь опять все таетъ, готовится весна... а я все здѣсь, въ этомъ скучномъ, ненавистномъ мнѣ Горскинѣ... Да, мой милый другъ, горька моя участь, не все то дѣлается, что желается! Владиміръ такъ пристрастился къ этой проклятой охотѣ, что и слышать не хотѣлъ объ отъѣздѣ въ городъ по зимнему пути. Овсяниковъ сдѣлался у насъ домашнимъ человѣкомъ; это еще не бѣда, но онъ своимъ вліяніемъ, незамѣтнымъ образомъ, ввелъ Владиміра въ свой кругъ, составленный изъ отчаянныхъ охотниковъ и кутилъ. Владиміръ теперь рѣшительно заразился этимъ духомъ, онъ веселъ, но не прежней, а другой, шумной веселостью. — Онъ меня часто бросаетъ по цѣлымъ недѣлямъ, и дома замѣтно скучаетъ! Долго ѣздили они съ Овсяниковымъ и его обществомъ въ отъѣздъ

а тамъ заладили порошъ. Наконецъ, когда охота сдѣлалась невозможною, сшибки продолжались у Овсянникова, и Владиміръ отъ нихъ не отказывался. Такимъ образомъ наше возвращеніе въ Москву откладывалось со дня на день. А теперь, разумѣется, ужъ поздно собираться въ городъ, до лѣта не далеко. Можешь ли себѣ вообразить, моя милая Адель, свою вѣтреную подругу, эту веселую, свѣтскую Марію — деревенскою жительницей!.... Но я уже не та.... ты бы не узнала во мнѣ прежнюю Марію, нарядную, живую, болтливую и кокетливую.... Я пріуныла, ничто меня не забавляетъ, я впадаю въ какую-то апатію: ѣмъ, сплю, машинально двигаюсь изъ угла въ уголъ.... наряды меня не занимаютъ, да и для кого же мнѣ и наряжаться? Никто не замѣтитъ, никто не оцѣнитъ.... Ты знаешь, во мнѣ было много энергіи; никто, какъ я бывало, не умѣлъ выдумать новое удовольствіе, всѣхъ воодушевить, заставить смѣяться по цѣлымъ часамъ.... И ты, мой серьозный другъ, и чопорная миссъ Сара, вы не ускользали отъ общей участи!... А теперь эта энергія совершенно пропала, меня самою не легко развеселить.... Во мнѣ есть странное чувство, я могу его опредѣлить только самымъ пошлымъ выраженіемъ: «я какъ будто сбилась съ панталыку;» я вышла изъ своей роли, для которой необходима была прежняя, блестящая обстановка; въ началѣ моего замужства—любовь, обожаніе мужа, замѣняли мнѣ вполнѣ свѣтскихъ поклонниковъ, гостинные и бальные успѣхи; — я почти не замѣтила перехода отъ нихъ къ другому образу жизни.... Потомъ эта глупая комедія съ Ларцевымъ смутно напомнила мнѣ прежнія побѣды.... И это прошло,—разныя треволненія съ Любинькой, внезапное охлажденіе Владиміра, заняли и под-

стрекнули меня на время. Но теперь все это давно прошло, все это далеко;—на Владиміра я жаловаться не могу ужь въ этомъ отношеніи,—о Любинькѣ и помина нѣтъ;—онъ о ней давно уже позабылъ,—онъ сталъ опять веселъ и даже нѣженъ ко мнѣ въ тѣ рѣдкія минуты, когда бываетъ дома.... но эта нѣжность меня не удовлетворяетъ, не наполняетъ моей жизни.... Былъ бы у меня ребенокъ, особенно дочь, была бы и цѣль,—я стала бы ее одѣвать, наряжать, играть съ нею, но и въ этомъ судьба мнѣ отказала!.... Единственное утѣшеніе мое теперь—воспоминанія. Часто въ сумерки, сидя одна у камина, я слѣжу глазами за угасающимъ пламенемъ, а мысль моя воскрешаетъ предо мною прежнія времена, прежнія лица.... Это мои лучшія минуты.... предо мною возстаютъ всё знакомые образы... Я вижу опять этотъ домъ родительскій, гдѣ такъ беззаботно текла моя молодость. . . . То онъ является мнѣ во дни дѣтства.... вотъ большая, предлинноватая зала, въ которой мы съ тобой играли въ потемкахъ.... Помнишь, какъ билось наше сердце, когда спрятанныя за тяжелой занавѣской у окошка, или подъ большимъ диваномъ угловымъ, мы боялись дохнуть, чтобы не отгадали нашего присутствія тутъ... И вотъ раздаются мѣрные шаги миссъ Сары, — она насъ ищетъ въ противоположномъ концѣ залы: «Dear me! говоритъ она, newer can they be those hasty children, dear me! Jean find them!...» А мы жмемся все ближе и ближе другъ къ другу, и сердце бьется еще сильнѣй отъ тревожнаго волненія... но вотъ шаги приближаются... Миссъ Сара подходитъ—мы погибли, она насъ сейчасъ отъищетъ.... нѣтъ, она проходитъ мимо—мы спасены!.... Но вотъ я чихнула, это изобличило насъ.... Миссъ Сара обер-

нулась въ нашу сторону, и мы сами съ громкимъ смѣхомъ выбѣгаемъ изъ своего уголка.

Но вотъ и другое время.... намъ 17 лѣтъ.... та же зала, та же миссъ Сара.... но зала освѣщена и блеститъ тысячью огнями.... Миссъ Сара затянулась въ корсетъ, надѣла шелковое платье ярко лазурнаго цвѣта, на головѣ ея красуется великолѣпная наколка съ пунцовыми цвѣтами, сѣдые локончики тщательно взбиты и симметрически разложены на лбу... Она расхаживаетъ вокругъ насъ тѣми же мѣрными шагами, также чопорно, какъ прежде, и оглядываетъ нашъ туалетъ.... Она не смотритъ къ лицу ли мы одѣты, причесаны,—нѣтъ.... все вниманіе ея обращено на аккуратность туалета, и горе намъ, если торчитъ гдѣ нибудь булавка, или шпилька, или одинъ бантикъ приколотъ выше другаго.... Съѣзжаются гости... загремѣла музыка... полетѣли веселыя пары вальса.... Вотъ летитъ черноглазая Настенька А. въ лиловомъ, газовомъ платьѣ, съ ландышами на головѣ—она танцуетъ съ Леонидомъ П.; ея глаза горятъ... она предается вполнѣ упоенію восторга.... онъ наклонился къ ней,—бѣлокурые волосы его мѣшаются съ ея черными локонами.... они любятъ другъ друга.... Теперь ея уже нѣтъ на свѣтѣ, а онъ утѣшился у ногъ другой.... Вотъ летитъ высокая княжня Анюта Л. съ маленькимъ, черненькимъ К..... она дѣлаетъ большіе, нескладные прыжки, а онъ путаетъ ногами, тщетно стараясь слѣдовать за своей дамой.... Но ихъ обогнала стройная пара — это львица, княгиня С. съ петербургскимъ пріѣзжимъ;... они летятъ какъ молнія...., *она* лѣниво опираясь на его руку, и чему-то громко смѣясь,—*онъ* нѣжно глядя на нее.... Летитъ и моя серьозная Адель, съ какимъ-то франтомъ, разсѣянно слушая

его приторный шопотъ.... Летитъ и прежняя Марія, со всѣми по очереди, никогда не уставая, никогда не скучая удовольствіемъ.... Тысячи другихъ веселыхъ сценъ мнѣ снятся, тысяча смутныхъ образовъ проходитъ мимо, любезничая и шутя, но вотъ *одинъ* образъ опредѣляется яснѣе между ними... одинъ взглядъ проникаетъ въ сердце глубже другихъ.... И кто бы не полюбилъ его тогда? — Блестящій изо всѣхъ, но спокойный, но достойный,—безъ пошлой любезности, но почтительный и любящій.... Настала упоительная, восторженная пора любви, когда все окружающее одушевляется для насъ новою прелестью, когда всякая минута приноситъ съ собою новую, неизвѣстную намъ, радость.... Настала эта пора—я невѣста.... Бѣдная миссъ Сара измучилась съ приданымъ, она цѣлый день хлопочетъ, она даже выходитъ изъ своего характера, движенія ея дѣлаются быстрѣе, живѣе.... Адель задумчивая сидитъ и, грустно глядя на приготовленія, шепчетъ: «ты ѣдешь въ деревню, счастливая!...» Въ деревню,—это слово приводитъ меня опять къ дѣйствительности, исчезли милые призраки прошедшаго, и теперешняя пасмурная Марія сидитъ одна передъ потухшимъ каминомъ... Прощай, Адель: о чемъ же болѣе писать, одно прошедшее имѣетъ еще власть меня расшевелить: передъ дѣйствительностью минутная энергія моя упадаетъ.... Прощай, будь здорова....

Твоя Марія Сергинская.

Отъ Адели Лавацкой къ Маріи Сергинской.

Москва. 19-го Апрѣля.

Милый другъ Марія,

Твое письмо меня крайне опечалило; я такъ счастлива теперь, такъ счастлива. . . . и мнѣ бы хотѣлось, чтобы всѣ, и ты въ особенности, раздѣляли бы мое счастіе. Я еще немного слаба, но не могу не писать къ тебѣ; сердце мое переполнено радостію, я постоянно нахожусь въ какомъ-то восторженномъ состояніи, я слишкомъ счастлива, и не вижу конца этому счастію. . . Это меня пугаетъ. . . . можетъ быть, мнѣ уже не долго жить; можетъ быть, мнѣ суждено было вкусить эту радостную чашу только передъ смертію. . . . Здоровье мое очень разстроилось, врачи посылаютъ въ Италію, черезъ мѣсяцъ мы ѣдемъ, если силы позволятъ. . . Александръ не покидаетъ меня ни на минуту, онъ за мной ходитъ какъ за малымъ ребенкомъ. . . . Я вижу, что мое положеніе его сильно тревожитъ, онъ самъ сталъ блѣденъ и худъ, но я его такъ люблю, что эта любовь даетъ мнѣ силу его успокоить, придаетъ мнѣ поддѣльную, обманчивую энергію. . . О Марія! ты была права; какъ могла я сомнѣваться въ его привязанности ко мнѣ? Какъ могла я ревновать его къ покойной женѣ? Какъ не отгадала я тогда же, что тутъ кроется тайна тяжелая для него? И когда онъ стоялъ

задумчивый и мрачный у постели умирающаго дидяти, какъ не поняла я, что предо мною не разогорченный отецъ, а обиженный супругъ, который могъ простить, но не могъ забыть! Да, останется эта грустная тайна между нами; Марія,—слушай, какъ все это открылось: когда родился мой сынъ, мой маленькій Александръ, не смотря на мои тяжкія страданія, сердце мое исполнилось радости.... Ты знаешь, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидала этой минуты, которая, въ моихъ надеждахъ, должна была меня опять сблизить съ мужемъ, уничтожить эту тяжелую принужденность, которая вкралась въ наши отношенія, и сдѣлала ихъ менѣе искренними.... Пока я лежала въ постели, мнѣ нѣсколько разъ въ день приносили ребенка; Александръ бережно подносилъ его ко мнѣ, и мы вмѣстѣ любовались имъ.... Глаза мужа съ нѣжностію переходили отъ меня къ нему, и мнѣ казалось въ эти блаженныя минуты, что наши души сливаются и составляютъ одно гармоническое цѣлое.... Однажды видя, какъ онъ креститъ ребенка, отдавая его на руки нянюшкѣ, я почувствовала себя глубоко тронутою, и спросила его дрожащимъ голосомъ:

—Ты его любишъ, Александръ, ты любишъ нашего сына, не правда ли?

—Люблю ли я его! — воскликнулъ онъ прерывающимся голосомъ;—да вѣдь это мой сынъ.... *мой!*—продолжалъ онъ въ странномъ волненіи... и твой, Адель,—прибавилъ онъ, схвативъ мою руку, и опускаясь на кресло подлѣ меня.

Внезапная мысль освѣтила меня; я быстро приподнялась съ кровати и, посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, шепнула съ замирающимъ отъ ожиданія сердцемъ: «что ты этимъ хотѣлъ сказать Александръ? Не мучь меня, отвѣчай!...

Ты сказалъ, что *этотъ* твой сынъ,—а *та*. . . . кто же *она*?. . . Чья она дочь? Скажи, ради Бога скажи!. . . . .»

—Не спрашивай меня,—отвѣчалъ онъ глухо,—я ей былъ не отецъ; вотъ все, что я сказать могу. . . . болѣе не спрашивай. . . .

Я сильно зарыдала, и крѣпко обвила его шею руками, прижимая его къ себѣ: «Александръ, прости меня,» говорила я сквозь слезы; «я плачу, но я счастлива, прости мнѣ мое счастіе!. . . . Вѣдь ты не знаешь, что я перетерпѣла, какія мучительныя мысли мнѣ приходили въ голову. . . . мнѣ вѣдь казалось, что ты *меня* внутренно обвиняешь въ смерти дочери, за мою неосторожность; мнѣ казалось, что ты меня сталъ меньше любить, что ты *ее* забыть не можешь, я видѣла ея портретъ, она была такъ хороша. . . ., а я въ сравненіи ея. . . . .»

—Ты Ангелъ,—сказалъ онъ, страстно заключая меня въ свои объятія!. . . . Бѣдное дитя,—прибавилъ онъ черезъ минуту, нѣжно глядя на меня,—какъ ты много страдала, какъ ты много измучилась! А я этого и не отгадывалъ, я думалъ, что зрѣлище этой дѣтской смерти тебя слишкомъ поразило, разстроило твои нервы. . . . я боялся тебѣ объ этомъ говорить, тебѣ объ этомъ напоминать.

— Теперь я все понимаю,—сказала я;—Александръ, ты поступилъ благородно, давъ этому ребенку свое имя: ты не захотѣлъ запятнать память его покойной матери, и хорошо сдѣлалъ.

—Она умирая раскаявалась, просила у меня прощенія, я ей обѣщался не отвергнуть ея дочери,—я сдержалъ слово. . . .

—А онъ? Гдѣ онъ—отецъ?—робко спросила я, не смѣя поднять глазъ на мужа.

—Онъ человѣкъ низкій недостойный, онъ бѣжалъ, когда все открылось, бросилъ своего ребенка и умирающую его мать. . . . . бѣжалъ отъ моего вызова, не чувствуя въ себѣ, должно быть, храбрости отвѣчать на него . . . Да проститъ имъ Богъ, моя Adèle,—прибавилъ онъ спокойно,—и да забудется все это, вѣдь мы теперь счастливы! . . и онъ взялъ мою руку въ свои.

—Но ты ее любилъ, Александръ?—спросила я, ободренная его лаской;—ты мнѣ тогда сказалъ, что ты ее любилъ. . . . но за чѣмъ же ты мнѣ говорилъ, что ты былъ счастливъ съ нею? . . .

—Я не долженъ былъ, я не хотѣлъ тебѣ сказать тогда всей правды,—отвѣчалъ онъ серьозно.—Да, я ее любилъ когда-то, любилъ, какъ любятъ въ 20 лѣтъ, безсознательно, потому только, что сердце проситъ любви, потому что тогда всякая хорошенькая женщина возбуждаетъ это чувство. Между нами было дальнее родство, встрѣтились разныя препятствія отъ нашихъ родныхъ, эти препятствія меня еще болѣе разожгли. Я ее видѣлъ сквозь призму любви и молодости. Но въ насъ мало было общаго, и вскорѣ послѣ свадьбы равнодушіе замѣнило симпатію . . . Она стала искать удовольствія въ обществѣ, въ пустой любезности свѣтскихъ поклонниковъ . . . Ее и скоро съ толку сбили . . . и быть иначе не могло.—Тамъ ей льстили,—дома ей говорили правду.—Я, можетъ быть, самъ виноватъ; вмѣсто того, чтобъ извинить ея легкомысліе и объяснить его молодостію, я часто дѣлалъ ей рѣзкіе упреки въ ея суетности. Это ее еще болѣе вооружило противъ меня; она захотѣла показать мнѣ, что меня не боится, и—наши отношенія окончательно испортились! . . . .

—Но ты поблѣднѣла, моя бѣдная Адель; этотъ разговоръ тебя взволновалъ,—оставимъ его. . . . .

—Оставимъ его,—повторила я машинально.—Я въ самомъ дѣлѣ устала, голова моя упала на подушку, и я скоро заснула. Я спала сладкимъ сномъ, въ сердцѣ моемъ воцарилось опять спокойствіе, ничто болѣе не мучило меня . . . . пропали мои опасенія, исчезла ревность, будущее явилось мнѣ въ новомъ, радостномъ свѣтѣ. . . .

Прощай, мой добрый другъ, прощай, можетъ быть, навсегда! Я тебѣ сказала, что мы ѣдемъ въ Италію.— Ворочусь ли я оттуда? Возстановится ль мое разстроенное здоровье? . . . Не смѣю надѣяться, а свѣтлое предчувствіе говоритъ, что счастіе и небо Италіи сдѣлаютъ это чудо . . . . Желаю и тебѣ, мой другъ, возвращенія прежняго счастія . . . . Кто знаетъ, можетъ быть, оно ближе къ тебѣ, чѣмъ ты думаешь. Зачѣмъ его искать въ воспоминаніяхъ прошедшаго? Зачѣмъ строить несбыточныя мечты въ будущемъ? Оно, быть можетъ, заключается для тебя въ настоящемъ. . . . Мужъ тебя еще любитъ, — охота не опасная соперница! Возвращаясь отъ нея, да найдетъ онъ прежнюю, веселую и милую жену, повѣрь, онъ ее оцѣнитъ, и рѣже станетъ покидать.

Твоя Адель Лавацкая.

Отъ Любиньки Ларцевой къ Анютѣ Тамбровской.

(На слѣдующій годъ осенью).

Сельце Демьяновка. 29-го Сентября.

Я къ тебѣ съ повинной головой, сестра. Да, признаюсь тебѣ откровенно, ты была права, и мужъ твой былъ правъ, когда вы мнѣ говорили послѣ свадьбы, что я ошибаюсь на счетъ Jean, и не цѣню его достоинствъ. Какъ вчера, слышу я благоразумныя слова Аркадія Андреевича: «Любинька, ты больно молода, слишкомъ еще увлекаешься наружнымъ блескомъ, вооружаеться противъ человѣка изъ-за какой нибудь дрянной мелочи, и не умѣешь цѣнить настоящаго хорошаго . . . . . Ты считаешь себя такъ много выше своего мужа, что не хочешь и вникнуть въ его качества. А я тебѣ скажу, что онъ истинно прекрасный человѣкъ, честный и солидный.»

Каюсь тебѣ, Анюта, я тогда презрительно улыбнулась на слова твоего мужа, но меня ослѣпляло оскорбленное самолюбіе, и еще не забытыя сентиментальныя воспоминанія о Сергинскомъ. Я не могла простить Jean его увѣренности въ моей мнимой любви къ нему, которую я приписывала непростительно—высокому мнѣнію о себѣ; поэтому я глядѣла на него съ предубѣжденіемъ, и находила въ немъ тысячу воображаемыхъ недостатковъ. Выпьетъ ли онъ два бокала

вина за обѣдомъ, я заключаю, что онъ пьяница; заговоритъ ли громче обыкновеннаго, увлекаясь какимъ нибудь интереснымъ споромъ, я уже рѣшаю, что онъ самаго вспыльчивато характера; и такъ во всемъ, изо всего я выводила неблагопріятныя для него заключенія. Однако я тщетно искала во вседневной жизни проявленія этого, по моему мнѣнію, смѣшнаго самолюбія, которое меня поразило въ отношеніи ко мнѣ, когда онъ сватался. . . . — Напротивъ того нигдѣ не видать было самонадѣянности; Jean любитъ во всемъ просить совѣта у опытныхъ людей. Въ хозяйствѣ онъ совѣтуется съ матерью моей, которая, какъ ты знаешь, переѣхала къ намъ въ Гагино, послѣ скоропостижной кончины батюшки. Въ устройствѣ дома и украшеніяхъ сада, онъ во всемъ обращается ко мнѣ, болѣе надѣясь на мой вкусъ, чѣмъ на свой, и ничего не предпринимаетъ безъ моего вѣдома. Наконецъ, не смотря на мои предубѣжденія, я не могу не сознаться самой себѣ, что у него характеръ мягкій, нравъ общительный . . . . Я даже невольно подмѣчаю въ немъ черты деликатности, которыхъ бы я отъ него не ожидала; онъ сейчасъ отгадалъ мнительный характеръ матушки, и понялъ, что она боится быть ему въ тягость, живя у насъ. —Не показывая вида, что онъ это знаетъ, онъ продолжалъ быть съ нею чрезвычайно любезнымъ, а мнѣ однажды при ней сказалъ: «Любинька, твоей матери здѣсь, кажется, скучно, — я боюсь не оставила бы она насъ,—а мнѣ было бы очень жаль; ея присутствіе мнѣ необходимо, — хозяйство у меня очень запущено, я хочу привести его въ порядокъ, и мнѣ ея совѣты необходимы ; попроси-ка ты ее хорошенько насъ не покидать». Лице матери такъ и просіяло при этихъ словахъ: «Голубчикъ мой, сказала она, почти

плача отъ радости, я отъ васъ никогда не уѣду, мнѣ здѣсь и хорошо и весело,—только бы вамъ старушка не надоѣла. . . .»

Jean убѣдилъ ее въ противномъ, и съ тѣхъ поръ она совершенно спокойна, не нахвалится имъ, говоритъ, что онъ ей какъ родной сынъ, и какъ сына его любитъ.

Ты понимаешь, мой другъ, что и я не могла остаться равнодушной, при этомъ случаѣ; я дѣйствительно почувствовала себя тронутою, я стала упрекать себя въ несправедливости къ Jean, стала ближе вглядываться въ него, — завѣса спала съ глазъ моихъ, я его увидѣла въ настоящемъ свѣтѣ, оцѣнила и не могла не привязаться къ нему.—Тутъ, когда умъ освободился отъ предубѣжденій, я поняла настоящую причину этого самолюбія, такъ непріятно поразившаго меня въ то время.... Jean отъ природы не самолюбивъ, не самонадѣянъ, но онъ считался здѣсь въ краю самымъ богатымъ женихомъ.—Это опасное положеніе... Въ уѣздѣ нѣтъ маменьки, которая бы не прочила его своей дочкѣ,—нѣтъ дочки, которая бы съ радостію не пошла за него! Эти многочисленныя побѣды ему немного вскружили голову; — какъ не извинить его?. . . Марія также способствовала своимъ кокетствомъ развитію этой самоувѣренности.—Я съ нимъ была любезна, при первомъ нашемъ знакомствѣ, желая тогда удалиться отъ Владиміра. — Какъ ему было все это знать? И какъ не простить его ради остальнаго хорошаго? — Теперь же, женившись, онъ откинулъ въ сторону претензію нравиться, а сталъ просто прекраснымъ мужемъ и нѣжнымъ отцемъ. На дняхъ минуло нашей Анночкѣ 8 недѣль, и мы на зиму переѣхали изъ Гагина, гдѣ жили до сихъ поръ, въ Демьяновку, въ которой домъ и больше, и теплѣе.

Мы опять въ сосѣдствѣ Сергинскихъ. . . . . нельзя было не сдѣлать имъ визита; отношенія всегда оставались, по наружности, дружескими; мы поѣхали туда. — И тутъ суждено мнѣ было на счетъ многаго перемѣнить свое мнѣніе, но на этотъ разъ не къ лучшему,—меня ждало разочарованіе.

Мы пріѣхали послѣ обѣда часовъ въ 7; намъ сказали люди, что Владиміръ Петровичъ на охотѣ, и что у Марьи Николаевны гости. Мы ее нашли въ гостиной, окруженную 5-ю или 6-ю сосѣдками; разговоръ шелъ очень оживленный, Марія громко смѣялась, она что-то вязала. . . При нашемъ появленіи она встала и живо вышла къ намъ на встрѣчу. . . . Я ея цѣлый годъ не видала, меня поразила перемѣна, происшедшая въ ней, — она очень пополнѣла.

—Ахъ, Madame Ларцева! воскликнула она, протягивая мнѣ обѣ руки, какъ рада я васъ видѣть! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!. . . . Какъ ваше здоровье? — Въ ея голосѣ звучала легкая насмѣшка, но это меня нисколько не оскорбило, а напротивъ показалось даже смѣшно.

— А объ вашемъ здоровьѣ, кажется, нечего спрашивать,— отвѣчала я съ улыбкой, глядя на нее;—ваше лицо за васъ говоритъ, — вы пополнѣли. — Марія слегка покраснѣла.

— Неужели? — сказала она, оглядывая свой полненькій станъ; — вы находите?. . . . это очень досадно, я слишкомъ мала ростомъ, чтобы толстѣть.

—Здоровье вещь никогда не лишняя,—сказалъ Jean, чтобы сказать что нибудь.

—Ахъ, мосьё Ларцевъ, а вы напротивъ похудѣли, что съ вами? не больны ли вы?—возразила Марія, усаживая насъ. Въ ея голосѣ все слышалась насмѣшка и притворная жалость.

—Можетъ быть,—отвѣчалъ Jean,—я еще не успѣлъ опра-

виться послѣ болѣзни жены. Поздравьте насъ съ дочкой, Марья Николаевна.

—Онъ вмѣстѣ съ маменькой ходилъ за мною,—прервала я, — и провелъ много безсонныхъ ночей.

—Примѣрный мужъ,—сказала Марія, кусая себѣ губы, — вотъ мой. . . . но у меня нѣтъ дѣтей.—

— Что вы тутъ вяжете?—спросила я, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Я мужу вяжу теплую фуфайку отъ нечего дѣлать, онъ часто ѣздитъ на охоту — въ холодную погоду, можетъ простудиться. . . . тогда и мнѣ бы пришлось быть примѣрною женою, ходить за нимъ. . . . Весь хоръ сосѣдокъ засмѣялся.

Я въ первый разъ взглянула на нихъ; тутъ были двѣ старушки въ пышныхъ чепцахъ, одна дама среднихъ лѣтъ, съ вострыми глазами, и двѣ молоденькія женщины съ пренелѣпыми туалетами. Откуда она набрала такое общество, подумала я, и къ чему? Это должно быть ужасно скучно. — Вскорѣ возобновился разговоръ, прерванный нашимъ пріѣздомъ, я стала прислушиваться. Дама среднихъ лѣтъ, съ вострыми глазами, оказалась ораторшей этого кружка; она передала намъ, со всѣми возможными подробностями, цѣлый наборъ сплетней и новостей, собранныхъ ею въ разныхъ мѣстахъ наканунѣ. Старушки только кивали головой, а Марія слушала съ большимъ вниманіемъ, изрѣдка только перебивая ее различными восклицаніями, показывающими большое участіе, которое она принимала въ этихъ ничтожныхъ происшествіяхъ . . . .

Вслѣдъ за дамой среднихъ лѣтъ, стала что - то разсказывать одна изъ старушекъ дребезжащимъ голосомъ; къ ней присоединились двѣ молодыя франтихи: онѣ отхле-

стали всѣхъ отсутствующихъ въ околодкѣ, никого не забыли, всѣ тайны были проникнуты, всѣ домашнія дѣла истолкованы вкривь и вкось.

Марія слушала съ наслажденіемъ, и сама не молчала. Бесѣда сдѣлалась преоживленная.

Вдругъ послышался топотъ лошади на дворѣ — всѣ смолкли, Марія отложила работу и велѣла подать самоваръ.

— Это, вѣрно, Владиміръ, сказала она, онъ долженъ воротиться сегодня, онъ дня три какъ уѣхалъ.

— Скорѣе чаю; раздался голосъ Владиміра Петровича въ передней; — гдѣ барыня? Этотъ голосъ какъ-то странно поразилъ меня, я не находила въ немъ прежнихъ, мягкихъ звуковъ. . . . Я не могла удержаться отъ легкаго, сердечнаго трепета,—я его болѣе года не видала, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы простились у коляски; мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко. . . . . Онъ вошелъ въ комнату, въ охотничьемъ кафтанѣ, сапоги его были забрызганы грязью, онъ прихрамывалъ отъ усталости, потъ крупными каплями лежалъ на его лицѣ, мокрые волосы прилипли къ вискамъ... Въ комнатѣ было уже немного темно — онъ со свѣта насъ не тотчасъ разглядѣлъ, поцѣловалъ жену въ лобъ, молча поклонился всему обществу, и въ изнеможеніи опустился на кресло, проговоривши:

—Уфъ, какъ усталъ. . . . 6 волковъ затравили сегодня,— и втроемъ выпили бутылокъ 12 шампанскаго! . . .

—А завтра опять поѣдешь? сказала засмѣявшись Марія.

—Неужели въ такую пору дóма сидѣть? отвѣчалъ Владиміръ, и съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ окинулъ взоромъ общество, какъ будто хотѣлъ сказать: «что мнѣ дѣлать здѣсь въ этомъ обществѣ старыхъ дуръ?» Но тутъ онъ уви-

дѣлъ меня, и быстро поднялся со стула; потомъ какъ бы одумался, и спокойно обратился къ мужу съ привѣтствіемъ:

—Извините, Иванъ Егоровичъ, сказалъ онъ, протягивая ему руку,—я не ожидалъ васъ здѣсь увидѣть и жену вашу; я не зналъ, что вы опять въ нашемъ сосѣдствѣ. Они пожали другъ другу руку,—Владиміръ подошелъ ко мнѣ:

—Я еще васъ не поздравлялъ, Любовь Александровна, (онъ низко поклонился), я не имѣлъ чести васъ видѣть съ тѣхъ поръ, какъ вы замужемъ. . . . Въ лицѣ его было въ эту минуту что-то напоминающее прежнее выраженіе, но въ голосѣ отдавалась легкая насмѣшка. Я успѣла оправиться и отвѣчала спокойно: «очень вамъ благодарна, Владиміръ Петровичъ, мы въ самомъ дѣлѣ давно не видались,—такъ давно, что съ тѣхъ поръ успѣла выйти замужъ, и сдѣлаться матерью . . . .

—У васъ ребенокъ? спросилъ онъ съ живостію,—вы счастливѣе насъ, и онъ вздохнулъ.

—Богъ .дастъ, отвѣчала я, не зная, чтосказать,—и у васъ будутъ дѣти; отчаяваться рано.

—Да, это заняло бы Марію, ей все скучно въ деревнѣ.... однако, съ нѣкоторыхъ поръ, ты что-то не жалуешься на скуку, Маша, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

—Обжилась, отвѣчала она, разливая чай . . . . . .

Послѣ чаю мы уѣхали домой; дорогой я молчала и все думала. Jean вѣрно полагалъ, что я заснула, и не прерывалъ моихъ мыслей. Онѣ были и грустны, и отрадны; я разочаровалась во Владимірѣ. Съ одной стороны, мнѣ грустно видѣть, что этотъ человѣкъ, котораго я считала высшимъ существомъ, впалъ въ разрядъ обыкновенныхъ людей; онъ какъ будто огрубѣлъ, онъ не умѣлъ управиться съ обсто-

ятельствами, не умѣлъ ихъ подчинить себѣ.... Вмѣсто того, чтобы заняться преобразованіемъ жены, примѣнить ея понятія къ своимъ понятіямъ, постараться развить въ ней вкусъ къ занятіямъ, показать ей жизнь съ серьёзной стороны,—онъ бросилъ ее на произволъ судьбы, ѣздитъ съ утра до вечера на охоту, никогда прежде не бывши охотникомъ,—кутитъ, бѣжитъ своего дома.... Это ясно, онъ создалъ себѣ эту страсть, чтобы имѣть предлогъ не оставаться у себя. Онъ не нашелъ въ себѣ довольно энергіи, чтобъ побѣдить препятствія,—онъ ихъ избѣгнулъ.... Да, кумиръ сошелъ съ своего подножія, идеалъ обратился въ человѣка, золото—въ прахъ!.... Съ другой стороны мнѣ пріятна мысль, что мнѣніе этого человѣка стало для меня не столь священнымъ.—Я чувствую, что стою выше этого мнѣнія, и мнѣ не стыдно передъ нимъ, что я его бравировала.—И какъ глупо, и какъ смѣшно кажется мнѣ теперь прошедшее! И какъ я понимаю, что мое настоящее призваніе—семейная жизнь... мое назначеніе—быть женою, матерью, хозяйкой... и что это назначеніе и выше, и благороднѣе, и лучше всѣхъ сентиментальныхъ бредней и пустыхъ теорій...

А Марія?—Марія также нашла себѣ цѣль, занятіе въ жизни; она погрузилась совершенно въ міръ мелкихъ, провинціальныхъ сплетней,—и счастлива по своему!....

Твоя Любинька Ларцева.

III.

И УМЪ НЕ СПАСЕТЪ СТАРАГО ЧЕЛОВѢКА.

РАЗСКАЗЪ СТАРИКА.

И УМЪ НЕ СПАСЕТЪ СТАРАГО ЧЕЛОВѢКА.

—

РАЗСКАЗЪ СТАРИКА.

—

(Посвящается И. Н. Горсткину.)

Вотъ и пустился я разсказывать, обратился къ воспоминаніямъ — что̀-же больше и дѣлать намъ старикамъ? только и хорошо для насъ прошедшее, отъ того, что мы-то не хороши ужъ въ настоящемъ! . . А подъ часъ, мы это позабываемъ, и туда же, туда же за прочими, пока насъ не проучатъ. . . . А горько смотрѣть безсильными глазами на торжество какого нибудь молокососа, которому отдаютъ преимущество передъ тобой, только отъ того, что чернѣется едва пробивающійся усъ, да румянецъ молодости, а иногда и глупости играетъ на щекахъ. . . А неловокъ-то онъ, и неопытенъ. . . говоритъ пошлыя любезности, когда требуются достоинство и холодность, теряетъ время на громкія фразы о добродѣтели и чести тамъ, гдѣ можно было бы дѣйствовать прямо. . . Все дѣлаетъ не кстати, а ему улыбаются, краснѣютъ отъ его телячьяго взгляда!.. А у насъ все даромъ пропадаетъ: и умъ, и разсчитанная опытность образа дѣйствія, и тонкіе намёки, и дипломатическія уловки. . . . За нами не гонятся, и не даютъ себѣ труда понять и оцѣнить насъ — а прежде? прежде не то бывало. . . Разскажу два случая изъ своей жизни — первый былъ со мной въ дни молодости моей, я былъ еще зеленъ и неопытенъ, а счастье мнѣ такъ и валило, какъ новичку въ картахъ; второй при-

ключился мнѣ, на склонѣ лѣтъ моихъ, и я остался въ дуракахъ. . . и кто же провелъ мои сѣдины? дѣвчонка, мальчишка!. . . .

Слушайте же. Это было давно тому назадъ, въ то время, когда женщины еще цѣнили въ мужчинахъ, не нахальность и презрѣніе къ ихъ прелестямъ, но рыцарскую учтивость и должное поклоненіе ихъ красотѣ—въ то время, когда и самые мужчины лезли изъ кожи вонъ, чтобы понравиться женщинѣ, и думали (видно очень ошибочно) что недостаточно, дабы побѣдить сердце своей красавицы, развалиться подлѣ нея на диванѣ, и пускать ей въ лицо густые клубы дыма. . . Мнѣ тогда только что минуло двадцать два года, я былъ молодецъ собою — впрочемъ это и теперь видно: классическая правильность лица, ростъ, осанка не утрачиваются, но, конечно, молодость придаетъ всему этому жизнь и привлекательность. Я же всегда умѣлъ убраться къ лицу, хотя никто не могъ упрекнуть меня въ слишкомъ явномъ занятіи своею внѣшностію. Но всѣ соглашались, что ни на комъ такъ ловко не сидѣлъ лейбъ-гусарскій мундиръ, что никто свободнѣе меня не красовался (не рисуясь) на сѣромъ конѣ, что никто такъ изящно не умѣлъ соединить спокойствіе и достоинство въ обращеніи съ непринужденностію и ловкостію во всѣхъ движеніяхъ. . Вы скажете, что я хвастунъ, но хвастуномъ я сдѣлался только теперь, на старости лѣтъ, когда хвастаться уже нечѣмъ, все это было, да сплыло. А въ то время я вовсе не обладалъ избыткомъ самонадѣянности, какъ и докажетъ продолженіе этого разсказа. Съ женщинами я былъ почти робокъ, и не разыгрывая съ ними роли Ловеласа, бывшей тогда въ модѣ, питалъ къ тѣмъ изъ нихъ, которыя стояли на первыхъ сту-

пеняхъ общества, созерцательный восторгъ, удовлетворявшій меня вполнѣ, а въ сущности думалъ о нихъ очень мало, и довольствовался болѣе доступными удовольствіями. Однако свѣтскія дамы ко мнѣ благоволили: ихъ любезный пріемъ, кокетливая улыбка, выразительные взгляды могли бы меня ободрить, но повторяю, я былъ тогда зеленъ и неопытенъ, да и прибыкъ, въ семействѣ своемъ, уважать прекрасный полъ, къ чему не мало способствовали мои двѣ старшія сестры, уже нѣсколько престарѣлыя дѣвы, отъ вліянія которыхъ я еще не успѣлъ освободиться; а онѣ имѣли весьма строгій, нравственный взглядъ на многіе предметы.... Вслѣдствіе этого образа мыслей, я избѣгалъ короткаго знакомства съ опасными аристократками, и посѣщалъ общество изрѣдка, и только потому, что тогда было принято между порядочной молодёжью ѣздить въ общество. Такъ прошли два года, въ продолженіи которыхъ сердце мое оставалось спокойно; волновалъ ли я сердца́ другихъ, это для меня, до сихъ поръ, покрыто мракомъ неизвѣстности; наконецъ настала и моя пора,—любить, страдать (одно слово какъ-то невольно просится за другимъ), но надобно прибавить: быть счастливымъ и забыть...

Заговорили въ Петербургскомъ свѣтѣ о появленіи на *одинъ* только балъ молодой Княгини С., которая до сихъ поръ очень рѣдко и только мелькомъ показывалась въ обществѣ; мнѣ ни разу не случалось ее встрѣтить. Княгиня славилась замѣчательной, трогательной красотой,—(beauté touchante), которой придавало достоинство то что на нее не успѣли наглядѣться. Князь С. взялъ ее изъ Москвы, и когда привезъ въ Петербургъ, она произвела огромный эффектъ на первомъ балѣ, на которомъ явилась, но болѣе ея уже не видали,

и модные львы съ отчаяніемъ узнали, что очаровательная Княгиня отказывается ихъ очаровывать, и посвящаетъ себя больному мужу, которому хроническій недугъ не позволяетъ сопровождать ее въ свѣтъ. Стали прославлять столь героическое самоотверженіе, стали жалѣть о прекрасной жертвѣ, удивляться ей,—покричали, покричали.. . . . да и перестали, —а накопецъ совершенно и позабыли о ней... Но вдругъ, на вторую зиму ея заключенія, пронесся слухъ, что старый Князь С. объявилъ своей молодой женѣ, что онъ не только желаетъ, но и требуетъ, чтобы она повеселилась, и что вслѣдствіе этого требованія, она, изъ угожденія мужу, согласилась выѣхать на одинъ балъ. Ея появленія ожидали съ нетерпѣніемъ; признаюсь, и я раздѣлялъ общее чувство, но во мнѣ говорило не любопытство, я готовился съ благоговѣніемъ взглянуть издали на эту женщину, какъ на святыню, и претензіи мои не простирались даже до знакомства съ нею.

Насталъ желанный день бала у Графа П., я пріѣхалъ нѣсколько пораньше обыкновеннаго, и помѣстился у колонны, не подалёку отъ дверей залы. Бросивъ бѣглый взглядъ на все общество, я удостовѣрился, что Княгини С. еще нѣтъ —всѣ хорошенькія лица мнѣ были знакомы—я остался на своемъ мѣстѣ. — Музыка играла Польскій, мимо меня мелькали пары, и многія прелестныя головки, кивая мнѣ, съ улыбкой спрашивали: отъ чего я также не прогуливаюсь? Я почтительно кланялся, но отдѣлывался шуточками, въ родѣ слѣдующей: «Vous m'envoyez promener?» Погрозятъ мнѣ пальчикомъ, и пройдутъ мимо.

Я долго простоялъ на этомъ мѣстѣ, и начиналъ отчаяваться, когда шорохъ платья, и звукъ женскаго голоса, какъ-

то неестественно картавившаго, заставили меня обернуться къ дверямъ.

—«Ma cherrre, nous arrivons trrop tarrrd..» эти слова были сказаны почти около самаго моего уха, и я увидѣлъ передъ собой полную, высокую, румяную женщину съ красивыми, но рѣзкими чертами, съ тяжелою поступью, въ великолѣпномъ туалетѣ, представляющую изъ себя райскую птицу . . . Я обомлѣлъ: «неужели это она?» подумалъ я, и что-то въ родѣ обманутой надежды, заставило мое сердце болѣзненно сжаться . . . эта женщина, не смотря на свою красоту, такъ мало соотвѣтствовала созданному мною идеалу; я тогда еще создавалъ идеалы! . . Но тотчасъ же отлегло отъ сердца, —за этой дамой шла другая женщина, эфирное, прозрачное существо; она шла чуть слышно, и я вмигъ понялъ, что это *она* . . . . Никогда не забуду этого впечатлѣнія, отъ котораго возникла моя первая страсть . . . Она была вся въ бѣломъ, на ней не было ни цвѣтовъ, ни брилліантовъ,— вокругъ тонкаго, нѣсколько блѣднаго лица, какъ легкое облако, вились короткіе, прозрачные локоны; голову въ два ряда обвивалъ крупный жемчугъ, такой-же жемчугъ былъ надѣтъ на шею; въ рукахъ она держала маленькій, но изящно составленный букетъ. Я тутъ не разобралъ ея черты, я не могъ бы сказать послѣ этого какой у нея носъ, какіе глаза, но меня поразила въ эту минуту гармонія ея красоты, граціозность всей фигуры. Она улыбалась, но на ея лицѣ лежалъ какой-то неуловимый оттѣнокъ тихой грусти, и онъ-то придавалъ ея красотѣ истинно трогательную прелесть.— Когда она поравнялась со мною, наши взгляды встрѣтились; видно, она что-то прочла въ моихъ глазахъ; легкая розовая краска на мгновеніе покрыла ея

лицо, и она поднесла къ нему свой букетъ, какъ бы закрывая имъ невольное смущеніе. Цѣлая толпа поклонниковъ красоты хлынула вслѣдъ за нею, но она, какъ бы робѣя, все спѣшила впередъ, къ хозяйкѣ дома. . . Я остался на своемъ мѣстѣ. . . Заиграли вальсъ; не прошло двухъ минутъ, и Княгиня С., какъ легкое видѣніе, промелькнула мимо меня, — было что-то необыкновенно граціозное въ ея манерѣ танцовать — головка ея слегка склонилась на одну сторону, въ ея таліи проявилась какая-то неподвижная гибкость, которая отгадывалась, но не обнаруживалась качаніемъ со стороны на сторону, съ претензіей на граціозность, какъ это я замѣчалъ у многихъ дамъ. Бѣлый поясъ ея перекинулся черезъ правую руку и развѣвался по воздуху. Всякій разъ, какъ она пролетала мимо меня, наши взгляды опять встрѣчались, но я приписалъ это случайности съ ея стороны, и не смотря на внезапное, сильно пробудившееся желаніе познакомиться съ нею, я не считалъ себя вправѣ представиться ей. Вдругъ прозрачный, кружевной платокъ полетѣлъ къ моимъ ногамъ — это ея платокъ, это она уронила; я бросился и поднялъ его, почти поймавъ на лету, и выждавъ когда кавалеръ отвелъ ее на мѣсто, отправился, и отвѣсивъ ей низкій поклонъ, молча подалъ платокъ. . . Мнѣ отвѣчали долгимъ взглядомъ, но я увидѣлъ въ немъ только учтивую благодарность, и подумалъ, что этотъ нѣжный блескъ,—природное свойство ея глазъ.. Однако, я не рѣшался удалиться, но и не рѣшался заговорить съ нею, и какъ вкопанный стоялъ на мѣстѣ. — Княгиня сама вывела меня изъ затрудненія:

— Вы не танцуете? спросила она робко.

— Рѣдко, отвѣчалъ я,—но если вы мнѣ сдѣлаете честь?.. и я посмотрѣлъ на нее, съ вопрошающимъ волненіемъ....

Она встала; мы полетѣли; не знаю, долго ли мы кружились съ нею, помню только, что когда рука моя обхватила ея талію, когда ея рука опустилась въ мою, когда я умчалъ ее съ собою, мною овладѣло какое-то обаятельное чувство, что-то свѣтлое и горячее проникло въ мое существо, и я почти сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. . .

Отведя Княгиню на мѣсто, я опять сталъ у своей колонны, но долго не могъ придти въ себя. . . Потомъ, мнѣ вдругъ стало стыдно, да, стыдно, я стыдился самаго себя — мнѣ казалось, что я совершилъ ужасное преступленіе—этотъ чувственный порывъ къ существу столь чистому, представился мнѣ чѣмъ-то въ родѣ святотатства, и я твердо рѣшился отдалиться отъ нея, чтобы не оскорблять ея впередъ своими непочтительными мыслями. А между тѣмъ, тихій, тайный голосъ шепталъ мнѣ, что я не такъ виноватъ, что въ этой чистой женщинѣ есть что-то непонятно возбуждающее — въ ея взглядѣ, въ нѣжномъ, тихомъ «laisser aller», съ которымъ она опускалась на мою руку, въ ея движеніяхъ что-то вызывающее на дерзкія чувства. . . Но я не слушалъ этого голоса, сталъ обвинять себя одного въ испорченности, въ избалованности воображенія, и рѣшилъ на томъ, что въ Княгинѣ С. есть какая то невѣдомая, безсознательная прелесть, неслыханная и невиданная доселѣ, достойная восторга и уваженія всеобщаго, но возбудившая во мнѣ одномъ, по испорченности моей природы, непозволительныя чувства. Доказательствомъ ея невинности, думалъ я, то, что она не замѣтила моего безсмысленнаго порыва, и не разсердилась на меня.

Вслѣдствіе этого разсужденія, я наказалъ себя въ этотъ вечеръ, и заставилъ не подходить болѣе къ Княгинѣ С.,

и не танцовать съ нею. Но я не могъ танцовать съ другими; все время почти я простоялъ у своей колонны, глядѣлъ, какъ мимо меня мелькали пары, мелькала и она, то съ тѣмъ, то съ другимъ, но все съ той же грустной улыбкой. «Смотри, думалъ я про себя, смотри издали на нея, и пусть она останется для тебя свѣтлымъ, идеальнымъ видѣніемъ, единственнымъ въ твоей жизни!» Вы видите, читатель, какъ я способенъ былъ предаваться отвлеченнымъ мечтамъ, даже и не кстати, но это время давно прошло. . .

Княгиня С. уѣхала рано, до ужина; — проходя мимо меня, она улыбнулась и подарила меня опять своимъ долгимъ, нѣжнымъ взглядомъ. «Какой ангелъ! какая женщина! шептали ей вслѣдъ, — она спѣшитъ къ больному мужу, который ложится рано. . .»

Послѣ отъѣзда Княгини балъ сталъ менѣе оживленъ, я скоро уѣхалъ.

Прошло нѣсколько дней, я нигдѣ не встрѣчалъ Княгини С., хотя ѣздилъ всюду, въ надеждѣ ее увидѣть. Наконецъ, однажды поутру, я ее неожиданно встрѣтилъ у обѣдни, въ одномъ монастырѣ, куда сестры меня повлекли съ собою, почти противъ воли. Она стояла въ отдаленномъ углу церкви, вся въ черномъ, и казалась погруженною въ чтеніе своего молитвенника. Однако, когда я посмотрѣлъ на нее издали, не надѣясь быть замѣченнымъ, она вдругъ подняла глаза и наши взгляды опять встрѣтились. Я робко поклонился, — мнѣ отвѣчали грустной улыбкой, и снова обратились къ молитвеннику. Но я все продолжалъ смотрѣть, я не могъ оторвать глазъ отъ нея; — о молитвѣ я забылъ, забылъ и то, что я въ церкви. . .

Вдругъ Княгиня какъ бы слегка пошатнулась, рука ея

стала искать опоры, и ухватилась за стѣну; мнѣ показалось, что она поблѣднѣла, глаза ея закрылись, голова нѣсколько опрокинулась назадъ. . . . «Ей дурно, подумалъ я, она упадетъ, можетъ быть, и нѣкому ее поддержать.» Я опрометью бросился къ ней черезъ всю церковь.

— Мнѣ дурно, прошептала она, какъ скоро увидѣла меня подлѣ себя,—вашу руку. . .

Я подалъ ей руку, она оперлась на нее обѣими своими, и сказала тихо:

— «Я уѣду, проводите меня до дверей; я сегодня всю ночь не спала, мой мужъ. . . .» Болѣе она не могла ничего сказать, у нея, какъ будто потемнѣло въ глазахъ, она почти опустила голову ко мнѣ на плечо. Я ее повлекъ, или скорѣе донесъ до дверей, тутъ попался ея человѣкъ, который накинулъ на нее шубу, и бросился за каретой. . . Когда мы вышли на крыльцо, Княгиня на воздухѣ вдругъ ожила.

— Благодарю васъ, сказала она, улыбаясь и глядя мнѣ пристально и близко въ глаза, и рука ея пожала мою руку.

Я наклонился и хотѣлъ поцѣловать эту руку, но не посмѣлъ и вдругъ остановился. Подъѣхала карета, лакей открылъ дверцы; . . грустное чувство охватило мою душу; я подумалъ, что черезъ минуту ея тутъ не будетъ, и я буду стоять одинъ на этомъ мѣстѣ, и можетъ быть никогда ея болѣе не увижу. Однако, ни одно слово сожалѣнія не вылетѣло изъ устъ моихъ; Княгиня казалась мнѣ такъ недоступна, такъ далека отъ мыслей, волновавшихъ меня — я стоялъ неподвижно... вдругъ тихая рука коснулась моей руки, я обернулся. . . . опять знакомая улыбка, и влажный взглядъ

встрѣтили меня: «до свиданія, у меня. . .» шепнула она, и порхнула въ карету.

Она уѣхала, но вмѣсто ожидаемой пустоты, у меня повеселѣло на сердцѣ: «я ее увижу, увижу у нея! болѣе ничего мнѣ не нужно... буду глядѣть на нее, буду смотрѣть вблизи на эту ангельскую добродѣтель молодой и прекрасной женщины, которая обрекла свою молодость и красоту на тяжелую, унылую обязанность ходить за больнымъ мужемъ. . . какъ не благоговѣть передъ ней? какъ допустить себя до какихъ бы то ни было грѣшныхъ мыслей, въ ея присутствіи!»

На другое утро, я отправился къ Княгинѣ С. часу во второмъ. Меня тотчасъ же впустили, я ее нашелъ въ маленькомъ, полутемномъ будуарѣ, одну, окруженную цвѣтами, въ самомъ изящномъ, но, какъ я только послѣ вспомнилъ, нѣсколько распущенномъ туалетѣ. На ней было что-то легкое и воздушное, въ родѣ пеньюара, шея и руки полуобнажены, золотистыя кудри разсыпались по плечамъ.

Когда я вошелъ, она подала мнѣ руку, и какъ бы притянула меня къ себѣ на диванъ. Я сѣлъ и спросилъ о здоровьѣ мужа.

—Онъ отдыхаетъ, сказала она,—и я въ свою очередь хочу отдыхать здѣсь. . . съ вами. . . И она посмотрѣла на меня такъ, что всѣ жилки во мнѣ забились. . .

«Что же это такое, наконецъ? подумалъ я, да я просто извергъ!» Я вскочилъ на ноги и хотѣлъ бѣжать...

— Куда это вы? воскликнула Княгиня, и крѣпко схватила меня за обѣ руки.

—Пустите меня, пустите, закричалъ я почти съ изступленіемъ,—я недостоинъ быть у васъ, у чистой, ангельской женщины..вы не знаете меня, вы не знаете что я не могу глядѣть,

на васъ, какъ на недосягаемую святыню,--оставьте меня, я недостоинъ вашего знакомства. . . Уваженіе мое къ вамъ велико, а между тѣмъ, ваша неземная красота возбуждаетъ во мнѣ постоянно земныя грѣшныя чувства. . . . пустите меня, пока я еще владѣю собой. . .

Пока я говорилъ, Княгиня все крѣпче и крѣпче сжимала мои руки; ея взглядъ, пристально устремленный на меня, становился жгучѣе, страстнѣе,—грудь сильно колыхалась. . . «Jean, сказала она сдержанымъ, дрожащимъ голосомъ, когда я кончилъ, ты меня любишь, и ты уѣзжаешь!. . .»

Завѣса вдругъ спала съ глазъ моихъ; я понялъ что̀ за женщина передо мной; я понялъ, какъ не кстати я чуть не разыгралъ роли стыдливаго Іосифа—я остался!. . .

Но странное случилось дѣло! Эта женщина, которая за минуту передъ тѣмъ, подъ личиною мнимой, созданной мною добродѣтели, возбуждала во мнѣ такія сильныя, страстныя чувства, явившись вдругъ въ настоящемъ своемъ характерѣ, потеряла для меня все окружающее ее обаяніе. Переставъ видѣть въ ней недоступное божество, самая доступность эта обратила ее, въ моихъ глазахъ, въ обыкновенную красавицу извѣстнаго разряда женщинъ, теперь бы сказали—въ камелію. Трепетъ, сладостное волненіе, все исчезло... Я забылъ, что я у Княгини С., и когда я вышелъ изъ этого будуара, грустное, тяжелое чувство овладѣло мною, и мнѣ стало жаль потеряннаго кумира. . . И странное дѣло! никогда не могъ я потомъ привязаться къ этой женщинѣ. . я не могъ простить ей ея обмана; скоро она стала мнѣ болѣе чѣмъ непріятна, я отъ нея бѣгалъ, какъ только могъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, она овдовѣла; тогда мнѣ стала понятна роль добродѣтельной женщины, которую она разъ-

игрывала въ свѣтѣ. Впослѣдствіи, она поддѣла какого-то богача, вышла за него замужъ, потомъ бросила его, или онъ ее бросилъ, и уѣхала за границу, гдѣ окончательно прокутилась. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я ее какъ-то встрѣтилъ въ Парижѣ въ самомъ отвратительномъ видѣ. Она обратила свою уже увядшую красоту въ постыдное ремесло!. . Много горькихъ мыслей пришло мнѣ на умъ, при видѣ этой падшей женщины, которой природа дала такъ много, и тѣмъ указала, можетъ быть, иной, благородный путь. . . .

—

Такъ кончился первый любовный случай въ моей жизни. Часто приходило мнѣ послѣ на умъ, что, еслибъ я не бросилъ этой женщины, которая, не смотря на свою испорченность, кажется, истинно привязалась ко мнѣ: она бы впослѣдствіи не попала въ этотъ омутъ, въ которомъ окончательно погрязла. Но она послужила мнѣ только первой ступенью къ болѣе блестящимъ приключеніямъ...

Я здѣсь не разсказываю, читатель, исторіи своей жизни, а только два случая, составляющіе альфу и омегу моей любовной карьеры. Отъ перваго моего разсказа самолюбіе мое не страдало,—самая недогадливость моя говоритъ въ мою пользу,—эта безсознательная, необдуманная напередъ побѣда доказываетъ, какъ мало мнѣ стоило тогда усилій, чтобы нравиться женщинамъ; но теперь я перехожу къ другому разсказу, въ которомъ я играю не совсѣмъ завидную роль.... Читатель посмѣется на мой счетъ... ну, и я посмѣюсь для компаніи... «je rirai jaune...» чтòжъ дѣлать? признаюсь въ своей слабости; пусть лучше посмѣ-

ются надъ моими сѣдинами, чѣмъ внушать ими почтеніе... Смѣйся, смѣйся, молодой читатель!.. значитъ, старый воробей еще внушаетъ тебѣ недовѣрчивость, значитъ, еще клюетъ и крылья не ошибъ; а вотъ какъ начнутъ тебѣ низко кланяться, да дорогу давать, да женъ и дочерей тебѣ поручать, тогда, братъ, плохо: въ предки попалъ, кончено!... Тогда только и годишься что въ золочёную раму, да и на стѣну, дѣтей и воровъ пугать по ночамъ!...

И такъ, вотъ дожилъ я, припѣваючи, до 60-ти лѣтъ... и бодръ я, и лёгокъ на подъемъ, и въ старики не хочется... да ужь видно пора настала, надо самому ретироваться, чтобы тебя не осадили... Нѐчего дѣлать, скрѣпя сердце за преферансъ садишься, съ почтенными чепцами, козыряешь и думаешь, глядя на эти гофрированныя лица, на эти фальшивыя накладки: «куда какъ не красиво, а свой братъ!...»

Въ сосѣдней комнатѣ раздаются свѣжіе голоса, юный, обворожительный смѣхъ,—а ты сиди, да слушай старыхъ ворчуній. Иногда мелькнетъ, шелестя, мимо тебя розовое платьице, заманчиво кивнетъ тебѣ улыбающаяся головка—сердце по старому встрепенется на минуту... обернешься—глядь, за твоимъ стуломъ стоитъ молодой фатъ, со стеклышкомъ въ глазу... опять сомнѣніе... и ты, съ громкимъ ожесточеніемъ, объявляешь ужаснувшимся старухамъ игру: девять въ червяхъ!...

Однако, ко всему привыкаешь, и я начиналъ свыкаться съ своимъ почтеннымъ положеніемъ, утѣшая себя, что я съ честью оставилъ поле битвы, не дождавшись первой неудачи.

Но вдругъ одно неожиданное обстоятельство вывело меня изъ этого непродолжительнаго спокойствія. Одна изъ

моихъ партнёрокъ, дама безъ лѣтъ, однажды зазвала меня къ себѣ на партію; я поѣхалъ отъ нечего дѣлать. Пріѣзжаю,—меня встрѣчаетъ, вмѣсто матери, дочка, дѣвушка лѣтъ 17-ти, маленькая, бойкая брюнетка, съ живыми, бѣгающими глазами, и серебристымъ смѣхомъ.

—Мама сейчасъ пріѣдетъ, говоритъ она мнѣ сострадательнымъ голосомъ,—подождите немножко... Чтожъ дѣлать? Поскучайте со мною... мама обѣдала у Вильскихъ и вѣрно заигралась.

Я не сдѣлалъ ожиданнаго комплимента, и только спросилъ: «а вы здѣсь однѣ?»

—О! это со мной часто случается, я уже привыкла; да и когда мама дома, не легче—сядетъ въ карты; гостей своихъ усадитъ, а я чай дѣлаю... смерть, какъ скучно, и она вздохнула.

—Но неужели нѣтъ собесѣдниковъ и для васъ? спросилъ я.

—Какіе тутъ собесѣдники! только и ѣздятъ, что Марья Карловна, баронесса Бокъ, да старый князь Пронскій, и того мама перестала звать, потому что онъ сталъ глухъ какъ стѣна.

Такъ это я на его мѣсто поступаю, подумалъ я про себя, и рѣшился избавиться отъ этой тяжелой обязанности. Я всталъ.

—Передайте вашей матушкѣ, пожалуйста, мое искреннее сожалѣніе, что я не дождался ея партіи; но я думалъ, что это будетъ рано, а мнѣ еще предстоитъ другой вечеръ...

Но въ эту минуту вошла хозяйка дома, я повторилъ свое извиненіе.

—Ну, чтожъ? сказала Анна Ивановна,—если вамъ некогда въ карты садиться сегодня, по крайней мѣрѣ, напейтесь чаю съ нами. Лизанька, вели самоваръ подавать. А партія у меня будетъ и безъ васъ (она меня видимо приберегала на будущее время): Марья Карловна привезетъ своего племянника—мы его посадимъ.

Я взглянулъ на Лизу; послѣднія слова матери, казалось, ея ни мало не заинтересовали; она машинально потянулась къ звонку.

Анна Ивановна ушла къ себѣ, вѣроятно, чтобы замѣнить великолѣпную наколку съ цвѣтами болѣе смиреннымъ, домашнимъ чепцомъ. Когда она вышла изъ комнаты, я обратился къ Лизаветѣ Петровнѣ:

—А знаете ль? сказалъ я ей шутливо,—что ваша скука меня тронула, и если вы старика хорошенько попросите, да ручку дадите поцѣловать, онъ, можетъ быть, и сядетъ въ карты съ вашей матушкой, а вамъ оставитъ молодаго собесѣдника...

Лиза засмѣялась: «вотъ моя рука,» сказала она также шутливо, и протянула мнѣ руку, «но просить васъ объ этомъ я не буду.»

—Вы горды, Лизавета Петровна.

—Нѣтъ, не отъ того, отвѣчала она разсѣянно.

—Отъ чего же вы не хотите принять отъ меня маленькой жертвы, которая доставила бы вамъ собесѣдника на нынѣшній вечеръ?

—Отъ того, отвѣчала она просто,—что это не собесѣдникъ..., но тотчасъ же приложила палецъ къ губамъ: въ комнату плавно вступала баронесса Бокъ, полная барыня,

лѣтъ пятидесяти, а за ней, звеня шпорами и саблей, молоденькій, бѣлобрысенькій офицеръ.—Марья Карловна заключила Лизу въ свои объятія; племянникъ ея неловко раскланялся, причемъ шпорой задѣлъ за коверъ, но Лиза не обратила на него вниманія, и только слегка кивнувъ ему головой, побѣжала за матерью.

Марья Карловна заговорила со мною, и разсыпалась мелкимъ бѣсомъ; Дмитрій Ивановичъ, ея племянникъ, сталъ медленно снимать съ себя саблю и потомъ сѣлъ въ отдаленный уголъ комнаты.

Вошли мать и дочь.

—Ахъ! какъ я рада, сказала Анна Ивановна,—что просила васъ привести съ собой Дмитрія Ивановича — вотъ Ивану Ѳедоровичу никакъ нельзя остаться весь вечеръ, и мы бы были безъ партіи.

—Да я, пожалуй, всегда стану возить его съ собою, сказала Марья Карловна;—что̀ молодому человѣку одному дома дѣлать? скучно!... Скоро отпускъ кончится, не сто̀итъ того, на короткое время знакомства заводить, а сюда онъ всегда радъ ѣздить, вы такъ добры, Анна Ивановна.

Я посмотрѣлъ на Дмитрія Ивановича; онъ все сидѣлъ въ углу, но не сводилъ глазъ съ Лизы, которая, не обращая на него вниманія, хлопотала около самовара. Я подсѣлъ къ ней. Между нами завязался живой, увлекательный разговоръ;—я не замѣтилъ, какъ старухи усѣлись въ карты съ юной своей жертвой; не замѣтилъ, какъ время быстро проходило, какъ било одиннадцать часовъ, и очнулся только, когда голосъ Анны Ивановны медленно проговорилъ: «ну, теперь пульку.» Я поспѣшно вскочилъ, вспомнивъ, что отговорился другимъ вечеромъ.

—Прощайте, Лизавета Петровна, я съ вами заговорился,—мнѣ давно пора; благодарю за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили сегодня: вы мнѣ напомнили старое, когда со мною говорили не отъ одной скуки...

Лиза протянула мнѣ руку: «пріѣзжайте почаще, сказала она потихоньку, я вамъ и не то припомню!...»

—То есть, какъ мнѣ это понять?... отвѣчалъ я недовѣрчиво,—вы меня зовете играть съ вашей матушкой? или?...

—Я васъ зову говорить со мною, отвѣчала она серьезно. Вотъ и сталъ я ѣздить къ Перлицкимъ, почти каждый вечеръ, а иногда и обѣдалъ у нихъ. Самъ Перлицкій почти никогда дома не бывалъ — онъ проводилъ свои вечера въ клубѣ. Это былъ желчный старикъ, вѣчно недовольный всѣмъ: и женой, и дочерью, и обѣдомъ, и погодой, и своимъ несчастіемъ въ карточной игрѣ,—эгоистъ, въ полномъ смыслѣ сло́ва, котораго отсутствіе было облегченіемъ для семьи.—Анна Ивановна была женщина такъ себѣ, доброты отрицательной, страстно любила преферансъ, а дочь и прочихъ маленькихъ дѣтей очень по середнему; впрочемъ, она дѣтей своихъ даже нѣсколько баловала, но болѣе отъ того, что не любила, когда ее безпокоили и приставали къ ней, и рада была чѣмъ бы то ни было отдѣлаться. Объ удовольствіяхъ же дочери она ни мало не заботилась, и дѣвочка ея не любила и была съ нею скрытна. Мнѣ жалко стало этого цвѣточка, брошеннаго безъ вниманія, и который бы могъ скрасить, хоть какой букетъ! Лизѣ было со мною не скучно, а меня радовало, что меня опять ждутъ, опять провожаютъ съ улыбкой, какъ въ старые годы.—Я представилъ Аннѣ Ивановнѣ новаго партнера въ карты, стараго, смирнаго своего пріятеля, человѣка небогатаго и скрягу, который радъ былъ

объигрывать, на три цѣлковыхъ, этихъ дамъ, и терпѣливо сносилъ ихъ брань. Самъ я, иногда, но рѣдко, садился съ ними, для приличія, и распоряжался такъ, что проигрывалъ, по крайней мѣрѣ, цѣлковыхъ десять. Отъ меня были въ восторгѣ.

И такъ, я большей частію проводилъ вечера съ Лизой; къ намъ присоединялся и Дмитрій Ивановичъ, но почти постоянно разъигрывалъ роль нѣмаго лица. Онъ только вздыхалъ и посматривалъ на Лизу, но она, по видимому, продолжала не обращать на него вниманія, и исключительно занималась мною.

Одинъ только разъ, пріѣхавъ позднѣе обыкновеннаго, я ихъ засталъ въ оживленномъ разговорѣ. Лиза ему что-то жарко доказывала, онъ слушалъ ее подобострастно. Когда я вошелъ, Дмитрій Ивановичъ страшно сконфузился... Мнѣ вдругъ представилась непріятная мысль, что меня дурачатъ, и что я разъигрываю роль ширмъ;—я посмотрѣлъ на Лизу, но она спокойно и мило, какъ всегда, протянула мнѣ свою ручку, и весело сказала, указывая на своего сконфуженнаго собесѣдника: «посмотрите, Иванъ Өедоровичъ, на этого человѣка; вѣдь, кажется, не разговорчиваго свойства, (и она мнѣ лукаво подмигнула,) а сегодня расходился, о чемъ вы думаете? хотѣлъ доказать мнѣ, что женщина никогда не влюбится въ пожилаго человѣка, что это не въ природѣ вещей, а я...»

— А вы? спросилъ я съ легкимъ трепетомъ.

— А я, отвѣчала Лиза скороговоркой и потупляя глаза,— утверждала сейчасъ, и теперь это повторю, что человѣкъ умный, въ которомъ еще сохранился душевный жаръ, котораго сердце горячо и любяще, котораго рѣчь увлекательна

и убѣдительна, всегда болѣе понравится мнѣ, хоть ему будь и семьдесятъ лѣтъ на лицо, чѣмъ юноша, у котораго, «en fait de qualités,» только и есть что́ молодость, да еще неопытность, заставляющая его на каждомъ шагу дѣлать глупости, и компрометировать любимую женщину.

«Это ужь не въ бровь, а прямо въ глазъ!» подумалъ я и посмотрѣлъ на Лосицкаго; онъ глядѣлъ на Лизу какимъ-то страннымъ, почти насмѣшливымъ взглядомъ...

Въ этотъ вечеръ Лиза была особенно любезна со мною, и бѣдному Дмитрію Ивановичу не сказала ни слова. Разговоръ нашъ все болѣе вертѣлся около той же темы. Я, конечно, не могъ еще имѣть претензіи на любовь этой дѣвушки, но я увѣрился въ ея симпатіи, въ предпочтеніи, которое она оказывала мнѣ, умному старику, передъ простымъ, даже нѣсколько, по моему мнѣнію, глуповатымъ юношей, и эта увѣренность уже приносила мнѣ отраду.

Однако я не захотѣлъ показать слишкомъ большую радость, боясь черезъ это лишиться своего выгоднаго положенія;—я пробылъ, на этотъ разъ, только одинъ часъ, и уѣхалъ рано, предоставивъ Лизу скучной бесѣдѣ моего несчастнаго соперника...

На другое утро, пока я еще сидѣлъ за чашкою кофе, мнѣ вдругъ доложили о Лосицкомъ. Онъ никогда не бывалъ у меня; я удивился. Онъ вошелъ робко, застѣнчиво, расшаркался, спросилъ о здоровьѣ, долго переминался, какъ-то неестественно раскрылъ ротъ, сперва посмотрѣлъ на меня вопросительно, и наконецъ рѣшился заговорить. Я не тотчасъ понялъ его запутанную фразу, но потомъ смекнулъ, въ чемъ дѣло. Юноша пришелъ поучиться у старика. Я передамъ нашъ разговоръ.

— Иванъ Өедоровичъ! я, Иванъ Өедоровичъ, вчера все глядѣлъ на васъ, да слушалъ; вѣдь, не даромъ Лизавета Петровна говорила, что умные старики лучше молодыхъ... Куда, нашему брату?.... Ахъ! Иванъ Өедоровичъ, что̀ же дѣлать нашему брату? вѣдь, просто бѣда... Вотъ вы, на примѣръ... вотъ вамъ, на примѣръ... полюбится женщина, вѣдь, это не то, что намъ, а такъ, для разговора, было бы съ кѣмъ вечеръ провести... такъ вы присутствія духа-то не теряете... всѣмъ своимъ умомъ владѣете, управляете имъ, какъ угодно... Ну, а мы? мы, другое дѣло, мы, вѣдь, не то... Кровь, знаете-ль, молодая, съ ней не сладишь — всѣ способности, знаете-ль, потеряешь!.. Скажите, Иванъ Өедоровичъ, что̀ дѣлать?

Я съ состраданіемъ посмотрѣлъ на него и подумалъ: «больно высоко̀ мѣтишь, братъ; гдѣ тебѣ?... Не сказать-ли ему въ отвѣтъ:

«Ка̀къ не садитесь,
«А въ музыканты не годитесь! . . .»

Однако, мнѣ было жаль его, да и это его обращеніе ко мнѣ за совѣтомъ, польстило воображенію бывшаго Донъ-Жуана. Я не выдержалъ и сталъ ему проповѣдывать.

—Я понимаю, молодой человѣкъ, о чемъ вы пришли со мной поговорить, — я давно замѣтилъ вашу любовь къ Лизаветѣ Петровнѣ, и, чтобы говорить откровенно: ея равнодушіе къ вамъ. Но врядъ-ли я могу помочь вамъ..... Вы уже слишкомъ испортили свои дѣла; скажу вамъ только одно: меньше выказывайте свою подобострастную привязанность къ ней—это ее подстрекнетъ, и можетъ вызвать, съ ея стороны, хотя маленькое вниманіе къ вамъ. Страсть можно выказывать женщинѣ только тогда, когда увѣ-

ришься въ ея расположеніи... надобно затруднить для нея побѣду, дабы она подорожила ею. Въ старые годы, я былъ мастеръ на это, милостивый государь, но теперь....

— Вы бы и теперь могли, если бы хотѣли, возразилъ Дмитрій Ивановичъ, и посмотрѣвъ на меня пристально, прибавилъ вполголоса, и какъ мнѣ показалось, съ сдержанной досадой: «да̀, если бы вы хотѣли, вы могли бы жениться на Лизаветѣ Петровнѣ...»

Что-то пріятное пролилось по всему моему существу: «неужели?» подумалъ я, однако не выказалъ этого ощущенія, и сказалъ съ спокойной улыбкой:

—Влюбленнымъ всегда вездѣ мерещатся соперники, но успокойтесь, Дмитрій Ивановичъ; Лизавета Петровна на *меня* не смотритъ, какъ на жениха, я ей лишь въ дѣдушки гожусь; а что касается до меня, то я еще, благодаря Бога, на старости лѣтъ не совсѣмъ рехнулся—«j'ai l'esprit de mon âge, jeune homme!...»

Лосицкій уѣхалъ, но я еще долго послѣ него оставался въ раздумьѣ... Я не былъ такъ спокоенъ, какъ хотѣлъ казаться. Мысль, которую онъ подалъ мнѣ, невольно преслѣдовала меня; невольно представлялись мнѣ заманчивыя картины какой-то идеальной старости, лелѣянной молодою, прекрасною женой... и дѣти тутъ мерещились, не внучата!.. и говорили вокругъ меня: «какой счастливый мужъ! старикъ, а любимъ пуще молодаго!...» и проч. и проч.—

Вечеромъ я отправился, съ своимъ смиреннымъ пріятелемъ, къ Перлицкимъ; старухи усѣлись въ карты; Дмитрія Ивановича еще не было—Лиза позвала меня съ собою въ кабинетъ. Эта комнатка освѣщалась одной висячей лампой, подъ цвѣт-

нымъ стеклянным колпакомъ. Мы усѣлись на уютномъ диванчикѣ въ углу. Лиза была нѣсколько задумчива, я молчалъ... Въ ея присутствіи, всѣ мои дерзкія мечты стихали; въ зеркалѣ противъ насъ, отражалась ея свѣжая, цвѣтущая фигура, подлѣ моего сѣдаго, старческаго образа — я упалъ духомъ. . .

Но нельзя же было однако не говорить; я прервалъ молчаніе какимъ то незначительнымъ вопросомъ. Лиза отвѣчала нѣсколько разсѣянно — разговоръ потянулся между нами вялѣе обыкновеннаго. Такъ продолжалось около часу, вдругъ раздался звонокъ: Лиза вздрогнула, но ничего не сказала, и стала только слушать съ большимъ вниманіемъ какой-то глупый анекдотъ, который я разсказывалъ необыкновенно долго и скучно.

Когда я кончилъ, она положила свою ручку на мою, и заглядывая мнѣ въ глаза, спросила ласково:

—Чтò съ вами сегодня, Иванъ Өедоровичъ?

—Да чтò! вырвалось у меня противъ воли, то, Лизавета Петровна, что вамъ пора объявить отставку своему старому другу! . . Вотъ видите-ли, что вы сдѣлали со мною! Я и въ собесѣдники вамъ уже не сталъ годиться. . . прежде, я хоть забавлялъ, занималъ васъ.... Довольствовался бы я своей скромной ролью, вашимъ дружескимъ расположеніемъ — такъ нѣтъ — туда же! . . разгорѣлся какъ юноша. . . Богъ знаетъ, о чемъ возмечталъ.. Богъ знаетъ, до какихъ безумныхъ надеждъ себя допустилъ. . . . вотъ и сталъ я совсѣмъ негодный. . . и скучно вамъ со мною. . .

— Нѣтъ, Иванъ Өедоровичъ, мнѣ съ вами не скучно, вы ошибаетесь; я вижу въ васъ болѣе, чѣмъ собесѣдника, — я вижу въ васъ друга, и ваши мечты, ваши надежды, какія бы онѣ ни были, не кажутся мнѣ смѣшными...

Я взялъ ее за руку, пристально посмотрѣлъ на нее, потомъ вздохнулъ, и пустивъ ея руку, сказалъ печально:

— Нѣтъ, Лизавета Петровна, не утѣшайте старика пустыми словами — нѣчего вамъ его беречь. . . Высказывайте ему лучше прямо горькую истину, которую онъ самъ знаетъ . . . Скажите ему, что онъ старый сумасшедшій, что молодыя дѣвушки могутъ быть къ нему добры и снисходительны, но не влюбятся въ его сѣдины. . .

Лиза наклонилась, лукаво заглянула мнѣ, изъ подлобья, въ глаза, и сказала медленно и тихо:

— А Мазепа?...

Я обезумѣлъ отъ счастья, схватилъ ее за обѣ руки, и былъ готовъ броситься передъ нею на колѣни, но, въ эту минуту, въ комнату вошелъ Петръ Еремѣевичъ, ея отецъ. Онъ неожиданно вернулся изъ клуба, и былъ, какъ всегда, не въ духѣ. Какъ—то странно и сердито посмотрѣлъ онъ искоса на дочь, и сказалъ ей рѣзко, что мать ее зоветъ къ себѣ.

Лиза побѣжала въ гостинную — я остался съ Петромъ Еремѣевичемъ, который, по обыкновенію, началъ бранить все и всѣхъ на свѣтѣ: «въ клубѣ стало скучно — совсѣмъ вывелись благородные игроки — насилу-то составишь партію;—кланяешься, кланяешься, а тамъ еще обыграютъ!. . .»

Лиза не являлась; я видѣлъ, что въ этотъ вечеръ мнѣ уже не удастся поговорить съ нею, и рѣшился ѣхать домой, мечтать о своемъ счастіи... Проходя мимо гостинной, черезъ столовую, я услышалъ унылый (съ запинкой) голосъ пріѣхавшаго Лосицкаго, и веселый смѣхъ Лизы; но ревность и не заглянула въ мою душу—я былъ слишкомъ увѣренъ въ ней!...

На другой день я забѣжалъ къ Перлицкимъ, въ необычный часъ, поутру; мнѣ хотѣлось только взглянуть на Лизу. Я ее засталъ одну, за фортепьянами;—она поспѣшно вскочила съ своего мѣста, и подбѣжавъ ко мнѣ, торопливымъ шопотомъ, стала уговаривать, чтобы я уѣхалъ.... Я ничего не понималъ....

— Что̀ же это такое значитъ, Лизавета Петровна? что̀ съ вами случилось? Объясните мнѣ, пожалуйста.

— Вотъ видите-ли, отвѣчала она несвязно,—вчера, нашъ разговоръ.... мы уединились—долго говорили—все это было замѣчено!... отецъ насъ засталъ.... передалъ матери... сегодня была сцена.... меня упрекали въ кокетствѣ; сказали, что я и къ лѣтамъ не имѣю уваженія.... вздумала старику голову кружить.... но онъ, конечно, не поддался; хитритъ, смѣется надъ глупой дѣвчонкой.... и весь городъ смѣется.... Она закрыла лицо руками.

Я отнялъ ея руки отъ лица, и поглядѣлъ ей въ глаза — они были заплаканы.

— Дитя мое, сказалъ я нѣжно,—но, вѣдь, все это можно поправить, если вы въ самомъ дѣлѣ полюбили старика, если вы хотите быть его женой ... его дочерью—я поговорю съ вашими родителями, и.. .

Она какъ будто испугалась.

— Только не теперь, не теперь, возразила она торопливо, — не сегодня.... теперь слишкомъ сердиты.... Папа проигрался вчера — онъ недоступенъ.... мама дуется на меня.... отложимъ это на нѣсколько дней—а теперь, поѣзжайте—ихъ дома нѣтъ, но они могутъ вернуться, застать васъ здѣсь.... и тогда все пропало....

Я поцѣловалъ ея руку, и сказалъ покорно: «прощайте,

Лиза, я поѣду, я исполню ваше приказаніе, но помните, что въ мои лѣта дожидаться тяжело — время дорого.... Можно-ли мнѣ пріѣхать сегодня вечеромъ?»

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! пріѣзжайте черезъ три дня, когда все утихнетъ.

— Но, вѣдь, мы будемъ не одни — вѣрно, пріѣдетъ Дмитрій Ивановичъ—они не могутъ сердиться....

— Его не будетъ, отпускъ кончился, онъ ѣдетъ, отвѣчала Лиза отрывисто; «прощайте,» прибавила она нетерпѣливо; потомъ, какъ бы одумавшись, сказала ласково: «до свиданія!»

Я уѣхалъ.—Когда я отъѣзжалъ отъ крыльца, кто то проскользнулъ мимо меня, на дворъ, въ военной шинели; фигура походила на Лосицкаго, но фуражка была такъ надвинута на глаза, и онъ такъ скоро исчезъ, что я не успѣлъ его разглядѣть. Впрочемъ, я не обратилъ особеннаго вниманія на это обстоятельство—я былъ слишкомъ взволнованъ.

Я крѣпился два дня, и не заѣзжалъ къ Перлицкимъ, но на третій не выдержалъ, и отправился къ нимъ поутру, часу во второмъ. Подъѣзжаю къ крыльцу,—вижу двери настежъ; по двору бѣгаютъ, суетятся и шепчутся люди; въ передней никого нѣтъ, — одинъ лакей баронессы Бокъ;— какое-то смятеніе въ домѣ: ходятъ по залѣ,—говорятъ громко,—слышенъ сердитый голосъ Петра Еремѣевича....

— Да чортъ ее побери! говорилъ онъ, когда я входилъ въ комнату;—дѣвчонка дрянь, вотъ что!... Я давно говорилъ.... туда ей и дорога.... пропадай!...

Анна Ивановна въ слезахъ чуть не бросилась ко мнѣ

на шею; Марья Карловна съ чувствомъ схватила меня за руку.

— Иванъ Ѳедоровичъ! Иванъ Ѳедоровичъ! Какое несчастіе! въ одинъ голосъ кричали обѣ старухи.

— Что̀, что̀ такое? спросилъ я съ волненіемъ;—Лизавета Петровна больна?...

— Убѣжала съ Лосицкимъ! угрюмо проговорилъ Петръ Еремѣевичъ.

У меня потемнѣло въ глазахъ, голова закружилась, я ухватился за мощную руку баронессы Бокъ.

— Это невозможно! простоналъ я глухимъ голосомъ.

— Это такъ возможно и такъ вѣрно, отвѣчалъ Перлицкій,—что она насъ всѣхъ провела, и меня, и мать, и васъ, чай!... прибавилъ онъ съ злобной усмѣшкой.—И тотъ не промахъ.... даромъ что «голъ, какъ соко̀лъ», а знаетъ, гдѣ подцѣпить приданьице.... Но не дамъ я имъ ничего, прибавилъ онъ озлобленно, ударяя кулакомъ по столу.

Баронесса Бокъ взвыла, пустила мою руку, и подняла свои къ верху, съ видомъ отчаянія.

Я пошатнулся и долженъ былъ сѣсть. Мнѣ все не вѣрилось, — я не понималъ, — я не могъ этого понять!...

Анна Ивановна подошла ко мнѣ и подала мнѣ письмо.

— Вотъ прочтите, сказала она;—это письмо я нашла сегодня поутру, на своемъ туалетномъ столѣ.

Я взялъ письмо изъ рукъ ея, и сталъ читать машинально. Вотъ оно:

«Любезные родители!»

«Когда вы проснётесь завтра, меня не будетъ въ вашемъ «домѣ — я уже буду женою Дмитрія Ивановича Лосиц«каго.... и далеко отсюда!...

«Я могла бы оправдаться передъ вами въ моемъ по-
«ступкѣ, выставивъ вамъ на видъ ваше собственное, стран-
«ное обращеніе со мной.... Я бы могла напомнить вамъ
«свое безцвѣтное дѣтство, одинокую, только что начинав-
«шуюся, молодость, грустную жизнь, которую я вела у
«васъ.... Но теперь, не время для упрековъ... А объясне-
«ніе я вамъ готова дать: я выхожу за Дмитрія Ивановича,
«потому что онъ меня любитъ, и я его люблю.... но онъ
«бѣденъ, и вы бы добровольно не согласились меня выдать
«за него. Кáкъ мнѣ было иначе и дѣлать? Я васъ знаю....
«Вы никогда не думали объ удовольствіяхъ вашей дочери,—
«вы никогда бы не позаботились о ея счастіи.... Не за
«Ивана же Ѳедоровича мнѣ было выходить!—А ему вы
«скажите, что хоть онъ и уменъ, и опытенъ,—а молодость
«все таки-же краше.... Дмитрій ему очень благодаренъ за
«великодушные совѣты, а я ему скажу на прощаніе: «И
«умъ не спасетъ стараго человѣка!...»

Дальше слѣдовали какія-то увѣренія въ томъ, что она впрочемъ останется почтительной дочерью, что прошедшаго воротить нельзя, а остается только его простить, и проч. и проч.

Но я не могъ дочесть письмо до конца—у меня стучало въ головѣ, звенѣло въ ушахъ, все плясало вокругъ меня; во всѣхъ зеркалахъ отражались мои сѣдины.... Я выбѣжалъ въ переднюю, поспѣшно надѣлъ шубу, забылъ калоши, и бросился въ карету.... А вслѣдъ за мною, какой-то насмѣшливый голосъ все шепталъ: «Провели тебя, провели тебя стараго.»—«И умъ не спасетъ стараго человѣка!»

Вахнов о.
6-го іюня, 1857 г.

IV.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛЕКАРЯ.

посвящается А. Н. Бахметевой.

Предисловіе.

По смерти мужа, котораго я лишилась послѣ пятнадцатилѣтняго счастливаго супружества, я не захотѣла оставаться болѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы жили вмѣстѣ, и переѣхала на житье въ дальнюю свою деревню, въ П**** губернію. Я тамъ никогда не бывала, и дико показалось мнѣ сначала жить въ этихъ широкихъ степяхъ, такъ далеко отъ роднаго общества и родныхъ мѣстъ. Но скоро я обжилась—привыкла къ уединенію, и стала даже находить въ немъ неиспытанное доселѣ мною наслажденіе. Я занялась воспитаніемъ дочери, которой тогда только что минуло 14 лѣтъ. Сосѣдей своихъ я не видала, да ихъ впрочемъ вовсе и не было. Въ уѣздѣ, верстахъ въ 30 отъ меня, жилъ докторъ, котораго очень хвалили, но мы были здоровы и не нуждались въ немъ. Однако, мѣсяцевъ 6 по пріѣздѣ моемъ въ деревню, мнѣ однажды случилось захворать, и я послала за уѣзднымъ врачемъ.

Когда онъ пріѣхалъ—были сумерки; я лежала на диванѣ—у меня ужасно болѣла голова, и свѣчей въ комнатѣ не было; поэтому я его не сейчасъ разглядѣла—вижу только небольшаго, но довольно плотнаго человѣка, съ круглымъ лицомъ и неувѣренною застѣнчивою поступью.

— Вы изволили меня потребовать, сударыня, сказалъ онъ,

конфузно расшаркиваясь и нѣсколько разъ къ ряду какъ-то неловко повторяя это движеніе.

— Да, любезный докторъ, отвѣчала я,—что-то не здоровится;—но вы, должно быть, устали, не прикажете ли чаю?

—Нѣтъ, послѣ,—не безпокойтесь, я—человѣкъ привычный; позвольте ручку.... Вы, должно быть, изволили простудиться? теперь у васъ сильный жаръ, а прежде вѣрно была дрожь? Но это ничего, это пройдетъ.... я вамъ пропишу лекарствице....

Докторъ замолчалъ и началъ вертѣть шляпу въ рукахъ,— ему видимо было не по себѣ.... потомъ онъ вдругъ вскочилъ и сталъ торопливо прощаться.

— Тарантасъ вы мнѣ одолжите, сударыня, а лошадей я найду въ ближайшей деревнѣ, въ Ѳедосѣевкѣ,—я часто здѣсь проѣзжаю,—завтра, чѣмъ свѣтъ, вы получите лекарство,—съ собою у меня нѣтъ.... я не зналъ, что̀ захватить.

— Нѣтъ ужъ этого я не позволю, сказала я, поспѣшно привставая съ дивана, — безъ чая я васъ не отпущу, и я протянула руку къ колокольчику.

Лекарь нехотя пробормоталъ: «какъ вамъ угодно,» и опустился въ кресло, какъ покорившійся необходимости. Вскорѣ принесли и свѣчи, и самоваръ. Я велѣла позвать дочь свою, которая занималась въ своей комнатѣ съ гувернанткой, и стала разсматривать своего собесѣдника. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, немного неуклюжій, толстый, но не слишкомъ здороваго вида: рябоватое, широкое лицо его было нѣсколько блѣдно, черты плоски, маленькіе, водянистые глазки, окаймленные красными подпалинами, безпрестанно моргали подъ рыжеватыми рѣсницами;

того же цвѣта волосы рѣдкими прядями торчали на головѣ кое-гдѣ. Онъ сидѣлъ, опустивши глаза, на кончикѣ стула.

— Давно вы здѣсь въ уѣздѣ? спросила я какъ можно ободрительнѣе.

— Три года осенью будетъ, отвѣчалъ онъ торопливо.

— А прежде?

— Прежде я въ Тамбовѣ жилъ-съ.

— И долго?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Значитъ, вы во многихъ перебывали мѣстахъ?

— Точно такъ-съ.

Я убѣдилась, что его расшевелить не легко, и замѣчала также, что мои вопросы его видимо конфузятъ. Къ облегченію моему, въ эту минуту вошла дочь моя, въ сопровожденіи гувернантки. Увидѣвъ посторонняго, она присѣла; Трифонъ Васильевичъ (его звали Трифономъ Васильевичемъ) раскланялся, но въ этотъ разъ безъ особеннаго замѣшательства. Онъ пристально взглянулъ на Машу, хотѣлъ что-то сказать, но только пошевелилъ губами, и опять присѣлъ, не спуская глазъ съ нея. Маша моя находится въ самой невыгодной для молодой дѣвушки порѣ; — длинная, худая, съ вытянутымъ лицемъ,—она видимо растетъ, но не умѣетъ еще совладѣть съ своими нескладными и несложившимися членами.

— Ты занималась, Маша? спросила я ее,—что такъ долго сегодня? Ты, кажется, не успѣла погулять послѣ обѣда?

— Ахъ, маменька, отвѣчала Маша краснѣя,—не браните меня пожалуйста; если бы вы знали, какъ мнѣ было весело,—я уже давно кончила урокъ, но мадамъ Лорчъ мнѣ

читала изъ Вейса, и это такъ меня заинтересовало, что я забыла о времени....

Я было засмѣялась и начала: посмотрите, какая философка, но тутъ же остановилась, пораженная необыкновеннымъ явленіемъ: передо мною стоялъ Трифонъ Васильевичъ,—но не конфузный, застѣнчивый и смиренно молчаливый,—Трифонъ Васильевичъ, котораго я такъ неудачно старалась расшевелить, минутъ за пять передъ тѣмъ.... Онъ какъ будто весь выпрямился; маленькіе, водянистые глазки расширились, и уже не моргая глядѣли на меня прямо и рѣшительно,—вся фигура его дышала негодованіемъ....

— Сударыня, сказалъ онъ звонкимъ, увѣреннымъ голосомъ: вы губите свою дочь, да еще смѣетесь.

Я была удивлена, но ничего не отвѣчала, потому что не понимала его; но мнѣ сдѣлалось какъ-то безотчетно страшно на душѣ, и я взглянула на него съ вопросительнымъ безпокойствомъ.

— Который годъ вашей дочери? спросилъ онъ отрывисто.

— Будетъ четырнадцать въ будущемъ мѣсяцѣ, отвѣчала я.

— Тоже самое, тоже самое, проговорилъ Трифонъ Васильевичъ про себя, съ волненіемъ;—ну, сами посудите, сударыня, естественное ли это дѣло, чтобы въ четырнадцать лѣтъ ребенокъ, вмѣсто того, чтобы бѣгать, гулять, рѣзвиться и наслаждаться жизнію, съ восторгомъ сталъ слушать философію Вейса до девяти часовъ вечера.... Что это за раннее развитіе?... и для чего это развитіе въ женщинѣ?... Умъ развивается, а тѣло хилѣетъ.... И къ чему это ведетъ? Къ болѣзни, къ несчастію, къ преждевременной смерти.... да̀, къ смерти—и это будетъ ваша работа!...

Тутъ я испугалась не на шутку. «Marie, sortez de la chambre!»

сказала я дочери дрожащимъ голосомъ, и обратившись къ лекарю, по ея уходѣ, просила его объяснить свои слова.

Онъ опять сидѣлъ на мѣстѣ, въ раздумьи облокотившись на руку;—лице его было мрачно, онъ не сейчасъ отвѣчалъ. —Что пользы объяснять то , проговорилъ онъ наконецъ уныло,—вѣдь вы меня не послушаетесь.... Нелѣпое воспитаніе — причина всему злу.... но вы, вѣдь, своей системы не измѣните; не втолкуешь вамъ.... Не слѣдовало мнѣ и впутываться—да ужъ такъ случилось—невольно увлекся.... возрастъ вашей дочери,—этотъ Вейсъ—все это мнѣ напомнило.... но что объ этомъ говорить? и онъ махнулъ рукою.

— Чтожъ это вамъ напомнило? спросила я настойчиво.

Онъ пристально поглядѣлъ на меня, подумалъ немножко, и потомъ сказалъ рѣшительно: вотъ видите-ли, сударыня, я человѣкъ молчаливый, не краснорѣчивый.... но я не такъ глупъ, какъ кажусь съ перваго взгляда, хотя я и не особенно уменъ. Я много думалъ въ свою жизнь, особенно на счетъ одного предмета.... Со мною былъ одинъ случай, то есть, я наткнулся на одинъ случай, который меня сильно поразилъ,—я его записалъ,—я вамъ пришлю эти записки,—не знаю будутъ ли онѣ вамъ полезны; (чужимъ опытомъ мало кто умѣетъ воспользоваться,) но, по крайней мѣрѣ, если прочитавши эту тетрадку, вы останетесь при своемъ мнѣніи, не я буду виноватъ—совѣсть уже меня не упрекнетъ.

На другой день, вмѣстѣ съ лекарствомъ, получила я и рукопись,—я ее списала; предоставляю ее читателю, безъ всякихъ предварительныхъ замѣчаній—я только перемѣнила имена.

Напрасно быть толпѣ угоднѣй
Ты хочешь, поблажая ей —
Твое призванье благороднѣй,
Писатель родины моей!

* *
*

Ее ты знаешь: не угодникъ
Полезенъ ей. Пришла пора!
Ей нуженъ труженикъ работникъ
На почвѣ мысли и добра....

Некрасовъ.
(Русскому писателю.)

—

Воспитаніе.

Это было въ 18**-мъ году, я тогда служилъ ординаторомъ въ Е..й больницѣ въ Москвѣ. Главнымъ докторомъ у насъ былъ извѣстный С**... искусный операторъ. Въ тотъ день, о которомъ я говорю, мы всѣ собрались въ больницѣ, чтобы присутствовать при очень трудной операціи, которую долженъ былъ произвести С**. Все было готово, мы уже окружили больнаго; С**. разсматривалъ свои инструменты, и уже выбралъ нужный, когда ему подали записку. Онъ ее пробѣжалъ, съ недовольнымъ видомъ кинулъ въ сторону, и хотѣлъ было приступить къ операціи; но вдругъ, какъ будто бы одумался, и обращаясь къ намъ, спросилъ: «Кто изъ васъ, господа, хочетъ ѣхать вмѣсто меня къ Мерлинскимъ?»

Я никогда не оказывалъ способностей къ операціонному искусству; да и тяжело мнѣ было всегда смотрѣть, ка̀къ рѣжутъ этихъ бѣдняковъ.... Я радъ былъ случаю избавиться отъ такого зрѣлища, и поспѣшно выступилъ впередъ.

«Ступайте-жъ, сказалъ мнѣ С** покровительственнымъ тономъ, да постарайтесь угодить этой барынѣ.... а это дѣло не легкое. Если угодите, прибавилъ онъ небрежно, (разглядывая свой инструментъ и приближаясь къ паціенту, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ,) то я охотно уступлю вамъ практику въ этомъ домѣ—мнѣ эта барыня, признаться, надоѣла; все изъ пустяковъ присылаетъ,—а платитъ хорошо..» Съ этими словами, онъ приложилъ инструментъ къ больному члену—паціентъ издалъ глухой стонъ, а я поспѣшно вышелъ изъ комнаты....

—

Мерлинскіе эти были богатые люди; они жили на одной изъ главныхъ улицъ въ городѣ, и домъ ихъ могъ назваться истинно барскимъ домомъ. Не стану его описывать—я не мастеръ описывать, слишкомъ увлекаюсь подробностями, а о цѣломъ не могу дать удовлетворительнаго понятія. Скажу только, что я никогда не могъ привыкнуть къ великолѣпію этого дома—и даже позднѣе, когда всякій уголъ въ немъ мнѣ сталъ знако̀мъ, я все таки не могъ удержаться отъ чувства неловкости, когда входилъ по этой широкой мраморной лѣстницѣ, сквозь толпу ливрейныхъ лакеевъ.... Я находилъ себя какъ-то неумѣстнымъ, когда моя невзрачная фигура отражалась въ огромномъ зеркалѣ, на самомъ верху лѣстницы, прямо противъ двери. Но въ этотъ разъ у меня просто сердце билось, и губы дрожали отъ волненія; я

застѣнчивъ отъ природы, а тутъ, въ первый разъ, попалъ въ этакой домъ....

Дѣло шло къ сумеркамъ; меня провели черезъ большую темную залу въ полуосвѣщенную гостиную. Въ дверяхъ я столкнулся съ высокимъ, сѣдымъ господиномъ, съ шляпой на головѣ. Я ему поклонился, но онъ бросилъ на меня полу-удивленный, полу-разсѣянный взглядъ и прошелъ мимо, напѣвая себѣ что-то подъ носъ. Потомъ, какъ будто спохватившись, вдругъ остановился, и небрежно обернувшись въ мою сторону, сказалъ: «Да́, вѣдь вы новый настройщикъ; потрудитесь пройти въ залу, фортепьяно очень разстроено—кажется, двѣ струны лопнули »

Я хотѣлъ было объяснить ему его ошибку, и собирался съ духомъ, но въ эту минуту влетѣла въ комнату дама среднихъ лѣтъ, худая, красная, разстроенная....

— Докторъ, гдѣжъ докторъ? вскричала она съ волненіемъ.

— Какъ докторъ, на что̀ докторъ? отвѣчалъ сѣдой господинъ, съ удивленной разсѣянностію; тутъ настройщикъ....

— Борисъ, Борисъ, Лина больна, въ бреду, въ жару, и ты спрашиваешь, на что̀ докторъ.... Пошли-ка лучше еще разъ за С**.—Какой ужасный человѣкъ!

Г-нъ Мерлинскій, какъ-бы очнувшись отъ сна, ударилъ себя рукою по лбу, и, испустивъ протяжное: «да̀», сталъ удаляться скорыми шагами, продолжая однако напѣвать фальцетомъ какую-то арію. Тутъ, я наконецъ рѣшился подойти къ г-жѣ Мерлинской, и объяснилъ, немного заикнувшись, отъ чего С**. не могъ пріѣхать, и что я присланъ имъ. Г-жа Мерлинская выслушала меня съ ужасомъ, недовѣрчиво оглядѣла съ ногъ до головы, и потомъ, съ прерывистой раздражительностію, сказала:

— Медлить нѣчего, пойдемте; дочь моя, можетъ быть, умираетъ,—для этого человѣка ничего нѣтъ священнаго.... но скажите ему, продолжала она вполголоса и съ сдержаннымъ гнѣвомъ, что, если онъ завтра не явится, я съ нимъ больше не знакома.... Или нѣтъ, прибавила она вдругъ поспѣшно, вы этого лучше не говорите.... а то онъ разсердится и совсѣмъ не пріѣдетъ.

Я ничего не отвѣчалъ, но меня это не удивляло; я зналъ, какую репутацію себѣ составилъ С.**, и хотя въ послѣднее время, понадѣявшись на свою славу, онъ лечилъ своихъ больныхъ весьма небрежно, и даже не совсѣмъ совѣстливо, (дѣлая надъ ними различные опыты,) однако весь городъ слѣпо ему вѣрилъ, и никто не рѣшался сойти въ гробъ, не принявъ изъ его рукъ этихъ предсмертныхъ лекарствъ, этого мускуса, который длитъ агонію, и который мы даемъ только по какому-то медицинскому преданію, какъ бы исполняя необходимый обрядъ.

Г-жа Мерлинская провела меня черезъ нѣсколько теплыхъ корридоровъ, въ большую, высокую комнату, тускло освѣщенную одной свѣчой подъ зеленымъ колпакомъ. Къ намъ на встрѣчу вышла высокая женщина, лѣтъ 30-ти, блѣдная, бѣлоглазая, покрытая веснушками, съ длиннымъ тонкимъ носомъ, большими выдавшимися зубами и ярко-рыжими волосами, какъ-то уродливо пышно взбитыми на вискахъ. «Fräulein Lina спитъ,» сказала она очень тихо, но меня поразила гармоническая звучность ея голоса. Не знаю, почему мнѣ невольно пришло на умъ, что слѣпой могъ бы влюбиться въ нее. Г-жа Мерлинская подошла къ кровати дочери; я, на цыпочкахъ, послѣдовалъ за нею; мы наклонились надъ спящей дѣвушкой.

— Видите-ли, ка̀къ она тревожно спитъ, сказала мать;— ка̀къ неровно ея дыханіе.... голова ея горитъ,—она, вѣрно, простудилась.

Я взялъ руку больной—она была совсѣмъ холодна; это обстоятельство меня удивило;—я тронулъ ея голову—щеки были красны, но въ головѣ жару не было.

— Когда это сдѣлалось съ вашей дочерью? спросилъ я г-жу Мерлинскую шопотомъ.

— Да вотъ, сегодня поутру: часу въ 1-мъ, я замѣтила первые признаки болѣзни;—она только что кончила урокъ съ Французскимъ учителемъ, и пришла ко мнѣ, такая красная — я сейчасъ же замѣтила, что у нея что-то готовится; она такъ проходила до обѣда—ей все будто-бы было не по себѣ,—она казалась встревоженною—а причины моральной никакой не было; за столомъ, она ничего не ѣла, а послѣ обѣда попросила позволеніе пойти въ свою комнату отдохнуть. Черезъ полчаса я пошла ее провѣдать, и застала ее за урокомъ; но лице такое красное.... глаза лихорадочно горѣли, и руки, то̀ горячія, то̀ холодныя; я у нея силой отняла книгу, и заставила прилечь на диванъ. Она неохотно повиновалась, (она очень любитъ учиться,) и говорила, что ей будетъ скучно; однако я выдержала характеръ, не позволила ей ничѣмъ заняться, и сама сѣла съ книгой поодаль. Черезъ часъ она задремала, но тутъ-же стала громко бредить, читать какіе-то стихи во снѣ.... Тогда, я ее уложила въ постель, и тотчасъ же послала за докторомъ.

— Но вы говорили, сударыня, отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный,—что она простудилась; когда же, вы предполагаете, это могло случиться?

— Можетъ быть, сегодня поутру, часовъ въ одиннадцать... Она только-что кончила свой музыкальный урокъ, а потомъ пошла погулять.... можетъ быть, ее игра разгорячила, и, вышедши на воздухъ, она могла простудиться...

— Ну, это еще недостаточная причина, осмѣлился я замѣтить.

— Кàкъ, недостаточная причина! воскликнула г-жа Мерлинская, (въ увлеченіи забывая, что она можетъ разбудить дочь,)—помилуйте, «une transpiration rentrée,» чего же хуже!

Молодая дѣвушка дѣйствительно проснулась, приподнялась, и съ удивленіемъ стала озираться на всѣ стороны. Г-жа Мерлинская поспѣшно поднесла свѣчку, и взявъ дочь за руку, съ безпокойствомъ поглядѣла ей въ глаза.

— Кàкъ ты себя теперь чувствуешь, Лина? спросила она съ заботливостію.

— Я теперь ничего особеннаго не чувствую, отвѣчала Лина, и нагнулась къ матери, вѣроятно, чтобы спросить, ктò я.

— Такъ С**. не будетъ, сказала она вполголоса, и мнѣ показалось, что лице ея приняло довольное выраженіе. Вообще, ея лице было изъ тѣхъ, которыя съ трудомъ скрываютъ всякое впечатлѣніе. Радость и грусть—свѣтомъ или тѣнью, попеременно ложились на него; неподвижнымъ оно не оставалось; но тò была впечатлительность—не живость.—Въ то время, Лина наружностью своею была еще почти ребенокъ.... но въ продолженіе этого года она чрезвычайно вытянулась и похудѣла. Отъ быстраго росту, она, какъ будто бы, нѣсколько развинтилась, и временно утратила свою природную грацію и ловкость.... Но въ день нашего перваго знакомства, это еще не было ощутительно,

и въ дѣтскомъ складѣ ея соблюдалась еще гармонія. Все шло одно къ другому: и узенькія плечики ея, и тонкія ручки, и маленькая головка. Кожа на ея лицѣ была необыкновенно нѣжна и прозрачна; на вискахъ, на небольшомъ лбу, вездѣ проступали голубыя жилки, и игра крови какъ-бы видѣлась насквозь. Черты она имѣла мелкія; одни глаза, можетъ быть, противорѣчили остальному, и казались немного великими для ея личика.... большіе синіе, но не на выкатѣ, эти умные, глубокіе глаза, принадлежали ужъ не ребенку. Волосы ея, темнорусые, тонкіе, и нѣсколько вьющіеся, были зачесаны назадъ.

Но вслѣдъ за довольнымъ выраженіемъ, на лицѣ Лины, проявилось другое..... ее что-то безпокоило..... ей чего-то хотѣлось—она, какъ будто внутренно разсуждала сама съ собою, и ловила какую-то мысль. Я ей сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ—она отвѣчала разсѣянно ... Вдругъ, она быстро обернулась къ матери, и живо сказала ей что-то нà-ухо.

— Тебѣ этого хочется? сказала Мерлинская ей въ отвѣтъ; —ну, такъ я велю тебѣ принести.... Ей хочется малиннаго питья, докторъ, вѣдь это можно, не правда-ли?

— Конечно, отвѣчалъ я.

— Маменька, прошу васъ, сдѣлайте мнѣ сами—вы такъ хорошо его дѣлаете.... а тò, я и пить не стану....

Я подумалъ про себя: «чтò за балованный ребенокъ!...» Мерлинская вышла изъ комнаты—Лина тревожно проводила ее глазами.... но кàкъ скоро дверь притворилась за нею, молодая дѣвушка поспѣшно пододвинулась ко мнѣ и торопливо прошептала:

— Докторъ—вѣдь я не больна.... спасите меня, а то меня право уморятъ.... Вы, я увѣрена, я вижу—не такіе

какъ господинъ С**... съ вами можно говорить.... вы мнѣ поможете.... Онъ всегда иронически улыбается, когда я съ нимъ говорю, и совѣтуетъ маменькѣ, чтобы она мнѣ запрещала учиться.... а мнѣ отъ этого такъ скучно, что по неволѣ разнеможешься... Послушайте, докторъ, я васъ прошу.... (и она премило сложила свои ручки), не выдавайте меня маменькѣ!... не говорите ей, что я не больна.... Пусть она подумаетъ, что вы меня вылечили — и тогда вы останетесь нашимъ докторомъ.... она будетъ въ восхищеніи отъ васъ, и.... станетъ исполнять всё, что вы прикажете.... а вы ей скажете, чтобы она мнѣ не мѣшала учиться.... не правда ли?... а то я право умру!...

— Я пока согласенъ, сударыня, не говорить вашей маменькѣ, что вы не больны,—сказалъ я, (избѣгая рѣшительнаго отвѣта на ея послѣднія слова); къ тому же она слишкомъ увѣрена въ вашей болѣзни.... ея не разувѣришь; но и я самъ совсѣмъ не убѣжденъ, что вы совершенно здоровы... Чтòжь могло послужить поводомъ къ ея предположенію?...

— Вотъ видите-ли, докторъ, времени мало—я не успѣю вамъ всего разсказать—я боюсь, вы меня не поймете... но вотъ въ чемъ дѣло—это у насъ часто случается: я сегодня училась у французскаго моего учителя, Monsieur Rivoire.... мы вмѣстѣ читали прекрасную, чудную, но страшную трагедію, (и глаза ея разгорѣлись), онъ меня заставилъ ее продекламировать,—онъ читалъ одну роль: роль Нерона, а я роль Поппеи.... Я немножко разгорячилась, раскраснѣлась, а маменька сейчас и вообразила, что я больна...

— Понимаю, сказалъ я задумчиво,—у васъ просто нервы разстроились отъ этого чтенія, но вамъ не годится декламировать трагедіи, сударыня;—вы еще слишкомъ молоды,

вы можете совершенно раздражить свой организмъ;—удивляюсь, что вашъ учитель этого не пойметъ....

— Я ему скажу, я ему скажу, чтобы онъ немного подождалъ, прервала меня Лина,—только, прошу васъ, продолжала она умоляющимъ голосомъ, — не говорите этого маменькѣ!...

Я видѣлъ, что молодая дѣвушка, дѣйствительно находится въ сильномъ, нервномъ раздраженіи, и подумалъ, что теперь прежде всего слѣдуетъ ее успокоить.

— Хорошо, сударыня, сказалъ я ей серьёзно,—я вашей маменькѣ ничего не скажу, но ужь вы извольте меня слушаться—а то....

— Во всемъ, во всемъ, перебила она меня съ жаромъ; но въ эту минуту послышались шаги въ корридорѣ. Нѣмка, сидѣвшая у окошка съ книгой въ рукѣ, значительно кашлянула, и Наталья Ѳедоровна Мерлинская, съ стаканомъ въ рукахъ, появилась въ дверяхъ. Лина опустила голову на подушки, и сказала мнѣ, уже довольно лѣнивымъ голосомъ: «чтóжь, докторъ, дадите вы мнѣ какое нибудь лекарство?»

— Непремѣнно дамъ легкое средство, отвѣчалъ я, направляясь къ письменному столу—и завтра, вы будете совершенно здоровы....

— Неужели! воскликнула Наталья Ѳедоровна;—ну, ужь если вы сдѣлаете это чудо, докторъ, то я къ вамъ буду имѣть полное довѣріе. До сихъ поръ, я вѣрила одному С**—только его никогда не допросишься.... и если бы вы....

— Павелъ Ивановичъ очень занятъ, сударыня, ему никакъ нельзя быть аккуратнымъ; у него много служебныхъ обязанностей—и онъ поручилъ мнѣ вамъ сказать, чтò... если бы я могъ его иногда замѣнить въ вашемъ домѣ, это было бы удобнѣе для васъ и для него....

— Я вижу.... онъ отдѣлывается отъ практики въ моемъ домѣ, сказала Мерлинская въ сильномъ волненіи;—но объ этомъ еще намъ надо будетъ съ нимъ поговорить.... Я желала бы, чтобъ онъ остался нашимъ годовымъ докторомъ, а васъ бы присылалъ на мѣсто себя, когда ему нельзя пріѣхать; скажите жь ему, пожалуйста, чтобы онъ непремѣнно завтра побывалъ.

— Слушаю-съ, сказалъ я,—но это будетъ не нужно—ваша дочь прекрасно проведетъ ночь, и завтра встанетъ здоровая.

— Увидимъ, увидимъ, отвѣчала Мерлинская, съ сдерживаемою радостію.

Мнѣ вручили красненькую бумажку; я раскланялся и уѣхалъ.

На другое утро, часу въ двѣнадцатомъ, я опять заѣхалъ къ Мерлинскимъ.—С.** не хотѣлъ и слышать о нихъ; онъ заткнулъ себѣ уши, и объявилъ на отрѣзъ, что больше туда не поѣдетъ.—Когда я взошелъ на лѣстницу,—въ передней еще послышались мнѣ звуки фортепьяно.—Въ дверяхъ, я опять наткнулся на хозяина дома, который, по обыкновенію, что-то напѣвалъ про себя; онъ, кажется, меня не узналъ, однако поклонился.

— Что̀ ваша больная? спросилъ я его, отвѣсивъ ему низкій поклонъ...

— Больная... какая больная? сказалъ онъ разсѣянно.

— Ваша дочь вчера не совсѣмъ хорошо себя чувствовала, и я пріѣхалъ освѣдомиться...

— Моя дочь.... играетъ на фортепьяно, и знаете-ль? для своихъ лѣтъ очень не дурно—я думаю, со временемъ у нея будетъ талантъ, она пойдетъ по мнѣ.... Только вотъ бѣда—этихъ новѣйшихъ методъ я не люблю.... всѣ восхи-

щаются ими, а по мо̀ему, этотъ «Moschelés» просто шарманщикъ—ну, что̀ это такое?... помилуйте!—и онъ сталъ выдѣлывать голосомъ какія-то рулады,—развѣ это музыка? За тѣмъ, онъ пожалъ плечами и вышелъ вонъ.« Странный человѣкъ,» подумалъ я про себя, глядя ему вслѣдъ; должно быть, отчаянный меломанъ, и какой разсѣянный.—Я подошелъ къ своей паціенткѣ, которая съ улыбкой меня привѣтствовала.

—А, докторъ, это вы, сказала она,—я ужь думала, что вы не пріѣдете, а маменька уже давно вздыхаетъ о васъ... она хочетъ васъ благодарить за мое излеченіе, и Лина лукаво улыбнулась... Да что̀ же вы мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, дали, докторъ? прибавила она серьезнѣе; я никогда та̀къ не спала, какъ въ эту ночь, меня сегодня насилу добудились!

—Я вамъ просто далъ лавровишневыхъ капель—нерво—успокоительныхъ капель...

—Я ихъ снаю, проговорилъ звучный голосъ у окошка,—моя мамаша всегда ихъ принималь, когда мой папаша на нее разсерживалься... Я поднялъ голову, и увидѣлъ у окна меланхолическую фигуру дѣвицы Вильгельмины Шифтъ...

Скоро вошла въ комнату и Наталія Өедоровна... она меня встрѣтила такъ ласково, такъ любезно, такъ горячо̀ благодарила меня за излеченіе дочери, что я совершенно сконфузился, и не зналъ, что̀ отвѣчать.

—Я вамъ говорила, докторъ, что это была простуда—вы ее прервали самымъ удачнымъ образомъ; но впередъ я буду осторожнѣе съ Линой; она у меня будетъ гулять послѣ завтрака, а не послѣ музыкальнаго урока...

Объ С... она и не упомянула, но просила меня ѣздить каждый день.

Съ тѣхъ поръ, я сдѣлался ихъ докторомъ.

—

Я съ невольнымъ участіемъ сталъ слѣдить за этой дѣвушкой; все меня привлекало къ ней: и ея слабая симпатическая наружность, и ея свѣтлый, восторженный умъ, и это необыкновенное рвеніе къ ученію, эта жажда познаній... и это постоянное, почти болѣзненное стремленіе ея души къ чему-то высшему, какъ будто ея нѣжное, воздушное тѣло чувствовало потребность вознестись, какъ будто земля была не его стихія... Эта страсть къ ученію, къ занятіямъ, сильно меня безпокоила,—тѣмъ болѣе боялся я утомленія, что это была всеобъемлющая страсть. . . . она все любила, всѣмъ равно̀ ревностно занималась: и музыкой, и рисованіемъ, и языками, и исторіей, и поэзіей... Она была необыкновенно развита для своихъ лѣтъ, и способна понять самые отвлеченные предметы.

Не разъ заставалъ я ее за философіей Вейса или Декарта... въ 13 лѣтъ, она съ наслажденіемъ ломала себѣ голову надъ этими метафизическими задачами и темными разсужденіями туманной діалектики, (надъ которою и взрослые умники задумываются,) и отдавала себѣ въ нихъ ясный и краткій письменный отчетъ. Я ее постоянно умолялъ, чтобы она не убивала себя чрезмѣрнымъ умственнымъ трудомъ—она блѣднѣла, худѣла и росла съ каждымъ днемъ... но въ нашихъ спорахъ побѣда всегда оставалась за нею. Она мнѣ такъ убѣдительно доказывала, что ученіе—это ея жизнь, что отъ бездѣйствія ей будетъ хуже, что умствен-

ная дѣятельность—ея пища... такъ увѣряла меня, что она себя чувствуетъ хорошо, и худѣетъ только отъ быстраго роста. И все это было сказано съ такимъ жаромъ, съ такимъ убѣжденіемъ, что я невольно покорялся ея вліянію, и мнѣ самому казалось, что эта умственная атмосфера ей такъ же нужна, какъ воздухъ... Правда, въ глубинѣ души моей оставалось неопредѣленное сомнѣніе... мнѣ смутно казалось, что Лина отдаляется отъ настоящаго назначенія женщины, что всѣ эти отвлеченности не поведутъ ея къ счастію... мнѣ казалось, что умъ ея развивается въ ущербъ тѣла... что это тонкое, эфирное тѣло не выдержитъ труднаго земнаго пути, не снесетъ бремени семейныхъ обязанностей... А между тѣмъ, въ ней было столько энергіи и жара... она никогда не жаловалась на усталость: я зналъ, что она прячетъ огарки подъ свою подушку, и по ночамъ повторяетъ италіанскіе уроки, на которые ей не доставало времени днемъ... Я зналъ, что она иногда вставала въ шесть часовъ утра, чтобы раньше приняться за занятія, и видѣлъ, что она все это переносила... Неужели, думалъ я тогда, слѣдуетъ убить такія прекрасныя способности? — Противъ природы идти нельзя;—изъ этой дѣвочки выйдетъ что-то необыкновенное!..

Я не видѣлъ и не понималъ тогда, что въ этомъ развитіи было нѣчто искуственное—какъ въ скороспѣломъ растеніи, выхоженномъ въ паровой атмосферѣ теплицы... Этому развитію много способствовало воспитаніе.—Лина была единственная дочь людей богатыхъ и праздныхъ. Отецъ ея былъ чудакъ, любилъ одну музыку, думалъ всегда о вчерашнемъ днѣ, и по этому мало вмѣшивался въ воспитаніе дочери, исключая музыки... Въ самомъ дѣлѣ, странный онъ

былъ человѣкъ, и странныя разсказывали про него вещи. Его разсѣянность могла бы войти въ пословицу... говорятъ, что онъ даже женился, по ошибкѣ, изъ разсѣянности. Его жена понравилась ему наружностію; — она дѣйствительно была не дурна, хотя имѣла всегда слишкомъ яркій цвѣтъ лица—щеки ея своею краскою напоминали пунцовый китайскій розанъ... Но, не смотря на ея миловидность, Мерлинскій не подумалъ бы на ней жениться, если бы не слѣдующій случай: Наталья Өедоровна имѣла сестру, большую музыкантшу, но предурную собою: желтую какъ лимонъ, курносую и губастую, съ желтыми какъ ленъ волосами... Эту сестру пригласили играть на патріотическомъ концертѣ, и она имѣла большой успѣхъ. Увидѣвъ имя княжны Вольской на афишкѣ, по свойственной ему разсѣянности, Мерлинскій былъ убѣжденъ, что рѣчь идетъ о Натальѣ Өедоровнѣ. Во время концерта, онъ забился куда-то на хоры, и сталъ слушать со вниманіемъ знатока, не развлекаясь созерцаніемъ своего предмета. Онъ остался доволенъ; но когда, по окончаніи пьесы, со всѣхъ сторонъ раздались рукоплесканія, онъ поспѣшилъ съ поздравленіями къ своей красавицѣ... Онъ засталъ обѣихъ сестеръ вмѣстѣ... и тотчасъ же подошелъ къ Наташѣ; та̀ стала отговариваться, и хотѣла вывести его изъ заблужденія; но онъ нѐ далъ ей сказать ни одного слова, считая ея отвѣты за выраженіе излишней скромности. Онъ осыпалъ ее любезностями, и почти тутъ-же объяснился ей въ любви. Тогда Наташа уже не стала его разувѣрять—она была не прочь понравиться богатому и прекрасному Мерлинскому. Съ тѣхъ поръ дѣло и пошло на ладъ. Вскорѣ, конечно, Мерлинскій узналъ свою ошибку, но ужь было поздно—онъ былъ влюбленъ, а лю-

бовь его къ музыкѣ не могла однако его побудить жениться на уродливой сестрѣ его хорошенькой невѣсты.—Многія еще другія странности разсказывали про него; на примѣръ, какъ однажды вскорѣ послѣ свадьбы, у себя, на великолѣпномъ балѣ, на которомъ всѣмъ было очень весело, онъ подошелъ къ какому-то барину и зѣвая, сталъ жаловаться ему на скуку. «Здѣсь, такъ скучно! говорилъ онъ удивленному господину, что я хочу уѣхать домой.» За этимъ, онъ схватилъ первую, попавшуюся ему, шляпу и направился было къ дверямъ. Но жена, по опыту знавшая его разсѣянность, успѣла его остановить.

И такъ, какъ мы уже говорили, Мерлинскій не входилъ въ воспитаніе дочери, и цѣлый день распѣвалъ себѣ, или ѣздилъ по нотнымъ магазинамъ и инструментнымъ мастерамъ. Самъ онъ игралъ плохо—онъ былъ только, какъ говорится, музыкантъ въ душѣ, корчилъ знатока, и высоко ставилъ свои теоретическія познанія.

По этому, Наталья Θедоровна Мерлинская одна занималась воспитаніемъ дочери, и сосредоточила на ней всю свою привязанность. Въ мужѣ она не могла находить ни помощи, ни сочувствія въ этомъ дѣлѣ—она это поняла и ревностно напрягла всѣ свои умственныя силы для достиженія предпоставленной себѣ цѣли. Она была женщина умная и благонамѣренная, но склонная къ крайностямъ; по этому взглядъ ея на многіе предметы принималъ ложное направленіе.—Она хотѣла дать своей дочери необыкновенное воспитаніе;—не разъ раскрывала она предо мною свои воспитательныя системы; я слушалъ ее, и признаюсь, тогда раздѣлялъ многія ея мнѣнія.

— Поглядите, говорила она мнѣ,—что̀ за поверхностное

воспитаніе даютъ у насъ всѣмъ дѣвушкамъ вообще — по немножку всего; и что̀ же изъ нихъ выходитъ? — Кокетки, пустыя бальныя куклы, которыя знаютъ толкъ въ одномъ туалетѣ... Лина будетъ не такая,—всѣ ея познанія основательны—я старалась, чтобы она съ любовію занималась всякой наукой и всякимъ искусствомъ,—но для этого надо было разнообразить ея занятія...

—Вотъ въ этомъ, осмѣлился я однажды замѣтить Натальѣ Ѳедоровнѣ,—вотъ въ этомъ, позвольте мнѣ сказать, я не раздѣляю вашего мнѣнія: многочисленность занятій, утомляя ее физически, лишаетъ ее, можетъ быть, какого нибудь *одного* таланта, который не успѣваетъ развиться вполнѣ. Она, правда, ко всему способна, но, развлекая эти способности, вы не даете одной изъ нихъ взять верхъ надъ другими—у нея не будетъ спеціальности,—а вѣдь, универсальность недостижимая вещь.

—Потому что не такъ берутся, прервала меня Мерлинская;—Боже избави ее отъ спеціальности—ей не быть артисткой. Въ частной жизни спеціальность, одна всепоглощающая страсть — это несчастіе для окружающихъ; я вижу это въ своемъ мужѣ; одна страсть—это также мученіе для себя... тогда какъ развитыя, разнообразныя способности доставятъ ей (а со временемъ и мужу ея) тысячу источниковъ наслажденія... А этого можно достичь, начиная умственное воспитаніе рано, такъ какъ я сдѣлала, не теряя времени на пустяки, соблюдая послѣдовательностъ въ занятіяхъ, не допуская внѣшнихъ развлеченій...

— А здоровье, сударыня?

— Здоровье ея не страдаетъ отъ ученія... я замѣчаю за нею, и ясно вижу теперь, что когда она бываетъ больна,

то это только отъ простуды,—и тогда, разумѣется, я не позволяю ей заниматься...

— Но она нервна, впечатлительна, раздражительна...

—А! но противъ этого я беру предосторожности; я не даю развиться въ ней романтическимъ мечтамъ—я отдаляю отъ нея всё, что можетъ воспламенить ея воображеніе. Со временемъ, надѣюсь совершенно уничтожить это расположеніе—его заглушитъ серьезное воспитаніе. Уничтожая предметы для экзальтаціи, я уничтожаю и самую экзальтацію.

Но въ этомъ разсчетѣ Мерлинская нѣсколько ошибалась; экзальтація не уничтожалась въ Линѣ—она только приняла другое направленіе, нашла себѣ другой исходъ... Восторгъ ея обращался на самые сухіе предметы; она мнѣ сама признавалась, что не разъ, когда ей было еще 11 лѣтъ, она вставала въ 5 часовъ утра, чтобы выучить склоненія или спряженія, и дѣлала это съ наслажденіемъ... Случалось ей тогда, въ пылу грамматическаго восторга, прижимать эту скучную и сухую книжку къ груди, и покрывать ее горячими поцѣлуями... Это не выдумка, говорила она, повѣрьте, это сущая правда, это фактъ, это было...

Иногда, по неусмотрѣнію, или можетъ быть, увлекаясь убѣдительными доводами г-на Rivoire, Наталья Ѳедоровна пропускала черезъ свою строгую цензуру какую нибудь трагедію, или какое нибудь восторженное стихотвореніе, гдѣ воспѣвалась любовь, и потомъ, съ торжествомъ, говорила мнѣ: «видите-ли, Трифонъ Васильевичъ, страстныя сцены на нее ровно никакого впечатлѣнія не производятъ, она надъ ними и не останавливается...»

Правда, когда мнѣ случалось быть у нихъ во время уроковъ господина Rivoire, я замѣчалъ, что Лина не останав-

ливалась на такихъ сценахъ,—она какъ будто ихъ стыдилась, читала ихъ торопливо, и спѣшила перейти отъ нихъ къ другимъ мѣстамъ.—За то̀, ка̀къ горѣли ея глаза, когда она читала поэзію восторженную, не касающуюся до подобныхъ предметовъ; ка̀къ она понимала эти мысли, какъ она имъ сочувствовала—казалось, то̀ были ея мысли, ея чувства... Но я не боялся этого восторга,—мнѣ казалось, что въ этомъ стремленіи ко всему прекрасному, ко всему высокому, кроется большая надежда для будущаго. Она и сама писала стихи, но по какой-то странности, она писала ихъ на французскомъ языкѣ... Я не разъ замѣчалъ, что она и думала по французски—таково ужь было направленіе всего воспитанія.

А Наталья Өедоровна воображала, что она дѣлаетъ достаточно въ пользу отечественнаго языка, давъ своей дочери свѣдущаго русскаго учителя, который два раза въ недѣлю училъ ее, сначала грамматикѣ, а въ послѣдствіи, реторикѣ, логикѣ и словесности. «Я не понимаю матерей, часто, говорила она мнѣ, которыя учатъ своихъ дочерей всему возможному, кромѣ своего роднаго языка. Ни одна изъ этихъ свѣтскихъ барышенъ не умѣетъ написать записки по русски; подумаешь, русскій языкъ только на то и годенъ, чтобы отдавать приказанія лакею или горничной—нѣтъ, моя Лина будетъ патріотка!...»

Лина дѣйствительно любила русскій языкъ, и ревностно занималась его изученіемъ—а все же это была не русская барышня... но смѣсь, хотя премилая смѣсь, остроумной француженки, пылкой итальянки, мечтательной нѣмки-англичанки... черты всѣхъ этихъ народностей попеременно выказывались въ ней... Иначе и быть не могло; ее окружалъ

иностранный элементъ; она училась исторіи и географіи по французски,—музыкѣ училъ ее итальянецъ,—постоянно при ней находилась нѣмка гувернантка,—въ домѣ говорили по французски... А русскому языку было посвящено какихъ нибудь семь или восемь часовъ въ недѣлю, какъ какому нибудь латинскому или греческому въ казенныхъ заведеніяхъ... Нѣтъ, это было далеко не русское воспитаніе—рускій языкъ, русскій, родной элементъ нигдѣ тутъ не находился; не въ немъ она была взлелѣяна и вскормлена, не имъ были пропитаны первые предметы и лица, которыя она увидѣла вокругъ себя... Наталья Өедоровна сама мнѣ говорила, что тотчасъ послѣ рожденія своего, Лина поступила на руки къ нянькѣ-англичанкѣ — «онѣ такія чистоплотныя...» объясняла она. И такъ, не диво, если Лина писала французскіе, а не русскіе стихи; для ея лѣтъ они были замѣчательно хороши, я въ нихъ тогда находилъ проявленіе таланта, и надѣялся, что впослѣдствіи этотъ талантъ разыграется на родномъ языкѣ... но я ошибался...

Я бывалъ у Мерлинскихъ во всякое время дня—Наталья Өедоровна очень полюбила меня, а я очень полюбилъ Лину... Я до сихъ поръ не совсѣмъ понимаю, чѣмъ я такъ могъ заслужить довѣріе и милость Натальи Өедоровна; она мнѣ больше вѣрила, чѣмъ С**. Разъ, какъ-то, я помню, послѣдній меня спросилъ: «Ну чтожь, вы продолжаете ѣздить къ Мерлинскимъ? еще не перессорились съ ними?... а что̀ раздражительная барыня все также умничаетъ съ дочерью?.. Ну, выйдетъ же прокъ изъ ея маленькаго чуда—выйдетъ никуда не годная дѣвчонка...»

Этотъ отзывъ о людяхъ, которыхъ я любилъ и уважалъ, глубоко оскорбилъ меня, и я отвѣчалъ довольно сухо: «Я

продолжаю ѣздить къ Мерлинскимъ—Наталья Ѳедоровна очень умная женщина, и до сихъ поръ мы съ нею живемъ мирно...»

—Ха, ха, ха, она васъ должно быть околдовала своими системами,—а вы ей вѣрно все поддакиваете... отъ того-то и гладятъ васъ по головкѣ.

—За кого вы меня принимаете, отвѣчалъ я довольно азпальчиво,—я никогда угодникомъ и льстецомъ не былъ...

Ну ладно, ладно, не горячитесь, сказалъ С.** примирительнымъ голосомъ, (въ которомъ однако звучала насмѣшка;) я этого и не говорю,—но васъ околдовали, пустили вамъ пыль въ глаза — это ясно...

Для меня было ясно, что если онъ меня не считалъ угодникомъ,—то, во всякомъ случаѣ, считалъ дуракомъ... Этотъ разговоръ оставилъ во мнѣ непріятное чувство; но послѣ я однако успокоился мыслію, что въ С.** нѣсколько говоритъ досада; его избалованному самолюбію было не совсѣмъ пріятно, что Мерлинская такъ легко отказалась отъ него, и что я, неизвѣстный врачишка, занялъ вполнѣ его мѣсто, въ довѣріи этого богатаго семейства.

Я дѣйствительно не могъ себя упрекнуть не только въ угожденіи и въ лести, но и въ слишкомъ большой уступчивости къ мнѣніямъ госпожи Мерлинской; я ей не поддакивалъ, и даже часто спорилъ съ нею, но не могъ не сознавать въ ней большаго ума, не видѣть успѣха ея въ отношеніи воспитанія дочери. Одно только въ немъ мнѣ не совсѣмъ нравилось, мнѣ хотѣлось бы, какъ я уже говорилъ, болѣе русскаго направленія; но я видѣлъ, что это почти невозможно—Мерлинская слѣдовала общему направ-

ленію вѣка, и еще меньше чѣмъ другіе поддавалась ему... въ другихъ домахъ было хуже...

Однажды я пріѣзжаю къ Мерлинскимъ послѣ обѣда, это было въ концѣ апрѣля—было еще свѣтло... Сидѣли въ кабинетѣ; когда я вошелъ—до меня долетѣли довольно громкіе звуки разговора, — нѣсколько голосовъ участвовали въ немъ, а между ними одинъ мнѣ незнакомый. Я смутился—я привыкъ заставать ихъ всегда однихъ, и присутствіе гостя меня конфузило, я не зналъ какъ войти... Мерлинскіе вели тогда очень уединенный образъ жизни; Бориса Андреевича почти никогда дома не было, а Наталья Ѳедоровна сидѣла съ дочерью, присутствуя на всѣхъ ея урокахъ. Случалось мнѣ и обѣдать у нихъ, но тогда единственные посѣтители были: господинъ Rivoire или господинъ Артамоновъ, русскій учитель, или итальянецъ Форелли, учитель музыки, который все время спорилъ съ Мерлинскимъ.

И такъ, я немало удивился, когда, остановясь въ дверяхъ кабинета, увидѣлъ на диванѣ румяную старуху, въ высокомъ чепцѣ, съ фальшивыми буклями на лбу, сидящую прямо и бодро, какъ не сидятъ теперь и молодыя женщины въ 20 лѣтъ. Все семейство расположилось въ кружокъ около нея, не исключая дѣвицы Шифтъ и маленькаго кингъ-Чарльза «Boy». На лицѣ Натальи Ѳедоровны я замѣтилъ какое-то выраженіе утомленнаго напряженія, и неудовольствія, которое она, впрочемъ, всѣми силами старалась скрыть. Говорили по русски,—меня представили старухѣ,—Наталья Ѳедоровна сказала: «Ma tante, это нашъ докторъ.»

—Вашъ лекарь, повторила старуха рѣзкимъ, пронзительнымъ голосомъ;—а развѣ у васъ кто нибудь боленъ? и она

окинула меня съ ногъ до головы холоднымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Лина очень слабаго сложенія, отвѣчала Мерлинская нѣсколько принужденно;—она быстро растетъ — за нею необходимо слѣдить...

—Растетъ, растетъ, повторила старуха бранчивымъ голосомъ;—и мы всѣ расли—да не такими щедушными, хрустальными, — заучили дѣвку, вотъ чтò!...

—Да она сама хочетъ учиться, тетушка; ея никто не принуждаетъ...

—Не учили бы ея, проворчала Прасковья Никитишна —не выдумала бы сама учиться... и не была бы она такая заморенная... Помнится, мы въ эти лѣта бѣгали съ утра до вечера на свободѣ... едва читать умѣли, и платья носили широкія—какой тутъ корсетъ!... А сами такія полныя, румяныя, словно маковъ цвѣтъ... и чтòжь? послѣ подобрались, да выправились, и не хуже другихъ сердцà мутили! И вотъ, прожили свой вѣкъ вѣдь, кажется, довольно благополучно—и теперь вос мой десятокъ доживаемъ... и славу Богу, сидимъ прямо, глядимъ зорко, и зубы наши цѣлы, и румянецъ еще не оставилъ старыхъ щекъ... А это чтò такое—поглядите-ка? и она показывала на Лину, которая съ опущенными глазами, сидѣла неподвижно въ своемъ уголку... и худо, и блѣдно, и измучено—поглядѣть не на что... а все отъ проклятаго ученія...

—Но, ma tante, сказала Мерлинская нѣсколько нетерпѣливо,—не всѣмъ же дано такое цвѣтущее здоровье какъ вамъ—много ли такихъ старушекъ?... а воспитывать дѣвушекъ, какъ воспитывали ихъ въ ваше время, теперь уже невозможно—требованія не тѣ; наши дочери сами съ насъ

взыщутъ впослѣдствіи, если мы не займемся ихъ воспитаніемъ, какъ слѣдуетъ.

—Чтобъ мы смѣли когда нибудь взыскать съ своихъ родителей, за то, что они жили себѣ припѣваючи, а о насъ заботились, какъ о вчерашнемъ днѣ... да это намъ и въ голову бы не пришло!... Мы ихъ и въ глаза-то почти никогда не видывали... А вотъ какъ минуло мнѣ 16 лѣтъ, да одѣли меня, да причесали и привели къ матери, (а я то передъ ней какъ осиновый листъ себѣ дрожу,) и когда она меня взяла за руку, да ласково посадила съ собою рядомъ, въ гостиной, и сказала: «теперь ты большая, ты будешь со мною...» сердце такъ и прыгнуло къ ней на встрѣчу, и полюбила я ее отъ души... Какіе еще тутъ взыски!...

— Ma tante, повторяю вамъ, другой вѣкъ, другіе нравы...., теперь образованіе...

Старуха сердито и презрительно махнула рукой:

— Ну, ужь хорошъ вашъ вѣкъ, нечего сказать, есть чѣмъ похвастаться!... образованіе! да что оно сдѣлало образованіе-то ваше хваленое?.. вездѣ калѣки, ревматизмы, фальшивые зубы и фальшивыя косы.... Мужчины молодые всѣ такіе вялые, трусливые, все во фракахъ ходятъ, въ военную службу не вступаютъ; на балахъ лѣнятся танцовать, обращеніе съ дамами такое небрежное.... Дѣвушки такія же... къ старикамъ никакого почтенія.... Сами какія-то слабыя, болѣзненныя—едва ноги передвигаютъ, умѣютъ говорить только съ мужчинами, которые слушаютъ ихъ, развалившись.... Вотъ, въ наше время.... и Прасковья Никитична пошла расхваливать свой вѣкъ, и такого-то, и такую-то, и такъ далѣе....

Всѣ ее слушали, всякій по своему характеру: Наталья Ѳедоровна дѣлала замѣтныя усилія надъ собою, чтобы придать своему лицу выраженіе участія—она высоко ставила родственныя обязанности. Борисъ Андреевичъ, кажется, не дѣлалъ никакого усилія надъ собою, и продолжалъ разсѣянно мурлыкать себѣ подъ носъ какую-то арію. Лина слушала съ удивленіемъ и вниманіемъ. Дѣвица Шифтъ глядѣла на «Воу», (который, шевеля желтымъ хвостикомъ, положилъ переднія мохнатыя лапки къ ней на колѣни), и изрѣдка грозила ему длиннымъ костлявымъ пальцемъ.—Я смотрѣлъ на всю эту сцену, и внутренно сердился на продолжительность этихъ разсказовъ о старомъ вѣкѣ, которые мнѣ не разъ доводилось слушать отъ своихъ старыхъ паціентокъ. Все тоже самое: въ наше время, въ нашъ вѣкъ все было лучше—мужчины любезнѣе.... женщины красивѣе— отъ того что тогда онѣ были молоды, хороши, ими восхищались.... а теперь.... Наконецъ я рѣшился уѣхать, не дождавшись конца этого визита; но Наталья Ѳедоровна замѣтила мое движеніе, и сдѣлала мнѣ знакъ остаться. Черезъ четверть часа старуха уѣхала; все семейство проводило ее до передней; Борисъ Андреевичъ куда-то изчезъ; Наталья Ѳедоровна воротилась съ одной Линой, и утомленная и раскраснѣвшаяся опустилась на диванъ.

— Я очень устала, сказала она;—тетушка добрая и прекрасная женщина, но у нея свои закоренѣлые предразсудки, и мнѣ чрезвычайно тяжело слушать, какъ она осуждаетъ все современное, и воспитаніе нашихъ дѣтей, и насъ самихъ....

— Старость на этотъ счетъ неумолима, сказалъ я;—я это знаю по опыту....

— А каково здоровье докторъ, не правда ли?

— Здоровье завидное.... но и теперь встрѣчаются такія закаленыя сложенія.... это принадлежность людей эгоистическихъ, которые не мучатся чужимъ несчастіемъ...

— Тетушка моя именно принадлежитъ къ числу такихъ людей; дѣтей у нея нѣтъ—былъ одинъ сынъ, и тотъ умеръ въ малолѣтствѣ—мужъ также умеръ давно, а при жизни былъ ея покорнымъ слугою. Она одна управляла всѣмъ имѣніемъ, и такъ умно, что успѣла себѣ составить значительное состояніе—она практическая женщина.

Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ о Прасковьѣ Никитичнѣ,—я ея болѣе не встрѣчалъ у Мерлинскихъ; мнѣ пришлось ее видѣть только черезъ нѣсколько лѣтъ, при другихъ обстоятельствахъ.... на свадьбѣ Лины.... и потомъ.... но объ этомъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ,—она еще долго прожила....

Недѣли черезъ три, послѣ этого разговора, Мерлинскіе стали собираться въ деревню; у нихъ была подмосковная, верстахъ въ 12-ти отъ города, и они постоянно туда уѣзжали на лѣто. Со мною условились, чтобы я ѣздилъ разъ въ недѣлю на цѣлый день; учителя (кромѣ танцмейстера) также должны были пріѣзжать разъ въ недѣлю, за двойную плату. Лина о вакаціяхъ и слышать не хотѣла.

Передъ отъѣздомъ въ деревню, дѣвица Шифтъ неожиданно объявила, что она выходитъ за̀мужъ за какого-то учителя Нѣмца... не за слѣпаго, какъ я думалъ тогда, но за самаго зрячаго: «mit ungeheuer, schöne schwarze Augen», какъ она выражалась сама... И долшно бить, онъ ушъ очень меня люпитъ—я ему скасаль, што у меня тенекъ зовсѣмъ нѣтъ, а онъ говоруль, што ему только мое сердце нушно!...»

Мѣсто ея у Мерлинскихъ заняла мадамъ «Бюгно» Швейцарка; маленькая проворная женщина, съ длинными желтыми локонами, вострымъ носомъ, тонкими губами, и живыми, вѣчно бѣгающими карими глазами.

—

Имѣніе Мерлинскихъ лежало около рѣки М... въ двухъ верстахъ отъ большой С-ой дороги, которую можно было видѣть съ бельведера вьющуюся широкой желтой полосой вдали... Къ нему вела тѣнистая аллея изъ липъ, расположенныхъ бульварами, въ два ряда, по обѣимъ сторонамъ дороги. Эта аллея тянулась версты на двѣ; саженяхъ въ 300-хъ отъ дома, по правую сторону аллеи, виднѣлся зеленый, покрытый кустарникомъ холмъ, на вершинѣ котораго, какъ пѣтушій гребешокъ, качался маленькій, темный лѣсъ изъ высокихъ тонкихъ сосенъ; между ними свѣтлѣлся низенькій домикъ, выкрашенный въ сѣрую краску, подъ названіемъ «фермы.» Мерлинскіе тамъ держали нѣсколько прекрасныхъ, Тирольскихъ коровъ, и ѣздили туда кушать молоко и ягоды. Въ концѣ аллеи краснѣлся большой кирпичный барскій домъ, съ бельведерами и террасами на сводахъ,—съ одной его стороны пестрѣлся цвѣтникъ, съ другой—большой зеленый лугъ отлогимъ берегомъ сходился съ рѣкой; за цвѣтникомъ разстилался огромный паркъ—такого парка я болѣе не видывалъ нигдѣ... какое разнообразіе природное и искуственное. Сначала, старинный садъ изъ стриженныхъ липъ, съ правильными мрачными аллеями; потомъ—свѣтлая березовая роща, испещренная извилистыми дорожками. Изъ чащи ея вдругъ, неожиданно, передъ вами подымается красная высокая башня подъ названіемъ: «обсерваторія», или, на крутомъ пригоркѣ бесѣдка во вкусѣ Швейцарскаго «châlet».

Но вотъ крутой спускъ, и вы очутились, въ узкой долинѣ; съ обѣихъ сторонъ дикіе холмы, покрытые густымъ сосновымъ боромъ, и гдѣ нибудь таинственный гротъ, обдѣланный мшистымъ камнемъ. Но вскорѣ, дорожка поднимается въ гору, и выводитъ васъ на болѣе веселое мѣсто— передъ вами привѣтливыя лужайки, убранныя группами низенькихъ мѣшанныхъ деревьевъ; тутъ и клёнъ, и осина, и сосна, и берёза... Но я вижу, по своему обыкновенію, я опять вдаюсь въ подробности—дѣло въ томъ, что мнѣ пріятно вспоминать объ этихъ мѣстахъ.—Тутъ Лина являлаеь мнѣ въ новомъ, пріятномъ для меня видѣ; я любилъ смотрѣть на нее, среди этой свѣжей деревенской обстановки... Когда бѣлое платьице ея мелькало межъ деревьевъ, когда легкая и воздушная, какъ птичка, она перелетала съ мѣста на мѣсто, собирая букеты изъ полевыхъ цвѣтовъ; тогда мнѣ казалось, что на свободѣ, въ соприкосновеніи съ природой, она оживаетъ и крѣпчаетъ. Дѣйствительно, городскую блѣдность на ея щекахъ замѣнилъ розовый румянецъ;—она нѣсколько загорѣла, и отъ этого, кожа ея казалась не такъ прозрачна....

Въ дни, проведенные мною тамъ, я много съ ней гулялъ и бесѣдовалъ.... съ ней можно было говоритъ какъ съ большой—сколько было въ ней разсудительности и теплоты!.. Съ нами ходила и мадамъ Бюгно. Она, какъ я уже говорилъ, была урожденка Швейцаріи; въ Дубровинѣ, природа и искусство,—все напоминало ей ея страну... «Mais c'est une petite Suisse» говорила она, «oh! meschâlets, o! mes montagnes!» Лина часто расспрашивала ее съ любопытствомъ про ея Швейцарію, про образъ жизни тамошнихъ жителей, про горы, про «châlets», про пѣсни пастуховъ, (извѣстный «ranz

des vaches») и госпожа «Bugno» не заставляла себя просить; она была болтлива отъ природы, и хотя никогда и пустословила, но въ ея разсказахъ царствовало какое-то живописное разнообразіе, которое говорило воображенію... Описанія мѣстности, народныя легенды, разсказы о мирномъ сельскомъ образѣ жизни фѐрмеровъ, перемѣшивались съ пѣснями и выразительной пантомимой. Особенно занимало Лину описаніе фермъ и образа жизни ихъ хозяевъ... Однажды даже она мнѣ сказала:—«Знаете—ль—что̀, Трифонъ Васильевичъ; если я когда нибудь выйду за мужъ,—мнѣ хотѣлось бы быть за Швейцарскимъ фермеромъ;—вы не повѣрите, до какой степени эта жизнь была бы по мнѣ...Эта прекрасная природа, этотъ теплый климатъ... мнѣ кажется, что̀ я утромъ съ наслажденіемъ бы глядѣла, какъ эти опрятныя служанки, въ большихъ соломенныхъ шляпахъ, доятъ прекрасныхъ, жирныхъ коровъ, «à la douce haleine» (какъ говоритъ «M-me Bugno»), или кормятъ шумливыхъ птичекъ... Я съ наслажденіемъ считала бы яйца, пряла бы ленъ, качая въ то же время ногой спящаго ребенка... Какая дѣятельная жизнь!.. тутъ все есть: пища и для сердца и для воображенія, и работа для рукъ... умственныя занятія, поэзія, также, вѣдь, не изгнаны—природа... а вечеромъ, «la veillée du foyer...»

Я улыбался на эти мечты, но признаюсь вамъ, не старался ихъ разрушить. Я радъ былъ встрѣтить въ Линѣ эти сельскіе, простые вкусы, это темное предчувствіе материнскаго долга—это стремленіе къ тихой, семейной жизни... «Со временемъ, думалъ я, она пойметъ, что эти мечты неудобоисполнимы, и примѣнитъ свои мысли и вкусы къ своему положенію; я вижу теперь: съ ея способностями нѣчего

«бояться за нее—она вездѣ найдется, она сама дополнитъ то, «чего, можетъ быть, недостаетъ въ ея воспитаніи съ практи-«ческой стороны... Она горячо примется за хозяйство и за «воспитаніе дѣтей, если они у нея будутъ, и все будетъ «дѣлать хорошо.»

Любимою прогулкою Лины была «ферма» на холму; тутъ она воображала себя хозяйкою, и радовалась какъ дитя, когда ей приносили горшокъ молока и корзиночку съ земляникой... Линѣ минуло тогда уже 14 лѣтъ.

Но объ ученіи она также не забывала; только уроки свои она брала на воздухѣ, на террасѣ—такъ требовала Наталья Ѳедоровна; одни музыкальные уроки преподавались въ комнатѣ. Лина, къ великой радости отца, очень любила музыку; она съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ твердила самые трудные пассажи, и не скучала серьезной классической музыкой Бетговена, Моцарта и Гейдена—танцевъ и оперныхъ темъ я отъ нея не слыхалъ. Форелли только именемъ былъ Итальянецъ—его скорѣе можно было назвать Русскимъ Нѣмцемъ; его отецъ былъ Итальянецъ и женился на Нѣмкѣ. А самъ Карлъ Петровичъ, (его отца звали «Piétro») воспитывался въ Россіи, куда его родители переселились вскорѣ послѣ брака. Изъ этого всего вышла престранная смѣсь въ этомъ человѣкѣ; онъ говорилъ на четырехъ языкахъ, но на всѣхъ равно дурно... Не любилъ особенно ни Италіи, ни Германіи и жилъ въ Россіи; потому что находилъ это выгоднымъ для себя... училъ по нѣмецкимъ методамъ, чтобы придать себѣ болѣе ученый колоритъ; выдавалъ себя за чистаго Итальянца, потому что это идетъ къ артисту...

А между тѣмъ, въ занятіяхъ и прогулкахъ лѣто проходило—настала осень; Мерлинскіе стали собираться въ городъ... но тутъ становится мнѣ грустно... Въ эту осень, я простился на долго съ моею милой паціенткой, съ Линой... Вскорѣ по возвращеніи Мерлинскихъ въ городъ я получилъ письмо отъ отца своего—онъ служилъ уѣзднымъ лекаремъ въ городѣ П... Онъ писалъ ко мнѣ, что по старости и болѣзни оставляетъ службу, но выхлопоталъ это мѣсто для меня. Надо было ѣхать; мѣсто было выгодное, и слѣдовало на старость успокоить родителя. Я сталъ собираться съ тяжелымъ сердцемъ въ дорогу, и поѣхалъ проститься къ Мерлинскимъ. У меня была довольно обширная практика, но никого мнѣ не было такъ жаль, какъ Лины... мнѣ казалось, что я ей нуженъ... никто, казалось, кромѣ меня, съ такимъ терпѣніемъ, съ такой любовію, не будетъ слѣдовать за этой нѣжной, слабой природой... станутъ ее лечить, когда ей этого совсѣмъ не нужно... чего добраго еще залечатъ... сердце мое сжималось при этой мысли...Я постоянно пользовалъ ее самыми легкими средствами, помогая природному развитію, но ничего не форсируя; мнѣ казалось, что мои старанія ей шли впрокъ. Лѣтомъ, я ее заставилъ пить козье молоко, предписалъ ей умѣренное движеніе и пищу по проще.—Я не поперечилъ ея занятіямъ, но по моему совѣту, Наталья Ѳедоровна, какъ я уже говорилъ, заставляла ее заниматься на воздухѣ. Она нѣсколько поправилась, слегка пополнѣла, стала живѣе и крѣпче... и вотъ теперь я принужденъ ѣхать!...

Никогда не забуду этихъ прощаній... и я, и всѣ были растроганы... даже Мерлинскій, какъ будто проснулся на минуту отъ своей разсѣянной апатіи, протянулъ мнѣ руку,

и промычалъ что—то въ родѣ сожалѣнія, которое однако, по привычкѣ, кончилось раздирательной горловой нотой... Наталья Ѳедоровна сказала почти съ отчаяніемъ: «Опять придется послать за С**, и подличать съ нимъ.»—Лина протянула мнѣ свою маленькую ручку, слезинка дрожала на ея рѣсницахъ, и она сказала мнѣ: (своимъ звучнымъ, но нѣсколько прерывающимся, въ эту минуту, голоскомъ,)—«Это не навсегда... не правда—ли, Трифонъ Васильевичъ?... вѣдь вы воротитесь?..»

—Дай Богъ! отвѣчалъ я, и поспѣшилъ изъ комнаты, чтобы самому не расплакаться...

Свѣтъ и Замужество.

ГЛАВА II.

Я нашелъ отца въ болѣе болѣзненномъ состояніи, чѣмъ ожидалъ;—онъ былъ разбитъ параличемъ и не сходилъ съ кресла. Однако, онъ еще прожилъ пять лѣтъ. Въ продолженіе этого времени, я велъ самую тяжелую жизнь; дѣла было много, а между тѣмъ и старикъ требовалъ постоянныхъ попеченій.—Меня полюбили въ краю, частію за отца, котораго всѣ почитали, частію за то, что я не важничалъ, какъ большая часть пріѣзжихъ врачей изъ столицъ. По смерти отца я было—хотѣлъ тотчасъ выйти въ отставку и возвратится въ Москву, но меня стали уговаривать, и я остался.... Однако здоровье мое значительно разстроилось отъ усиленнаго труда и заботъ; уѣздъ этотъ былъ очень великъ, и дальніе разъѣзды меня утомляли. Прошелъ еще годъ, и я увидѣлъ ясно, что мнѣ слѣдуетъ нѣсколько отдохнуть—я серьезно сталъ думать о возвращеніи въ Москву. Я надѣялся снова пріобрѣсти хотя часть своей прежней практики; она состояла изъ небогатыхъ домовъ средняго круга, но главная надежда моя была на Мерлинскихъ. Мнѣ писали знакомые, что они продолжаютъ сожалѣть обо мнѣ; въ мое отсутствіе лечилъ ихъ С**, и Наталья Ѳедоровна вѣрила ему, хотя и жаловалась на его неакуратность; но съ годъ назадъ, онъ скоропостижно умеръ, и мнѣ писали, что

они теперь очень недовольны своимъ настоящимъ докторомъ, и желаютъ его перемѣнить.—Во время моего пребыванія въ П..., не смотря на новыя лица, на новые предметы, занимавшіе меня, я не разъ, съ отрадой и безпокойствомъ, вспоминалъ о Линѣ;—думалъ о томъ, какъ она пережила эту переходную пору, отъ дѣтства къ молодости... и какова она теперь въ 20 лѣтъ, и оправдала ли она всѣ надежды, которыя подавала въ 13. Я себѣ воображалъ ее прекраснымъ, поэтическимъ существомъ, чѣмъ-то въ родѣ музы или нимфы.... съ замѣчательными талантами, съ глубокимъ образованіемъ... но безъ педантизма, безъ сухости... Мнѣ казалось, что свѣтъ своимъ прикосновеніемъ не могъ испортить ея высокой восторженной природы. Она, въ моемъ воображеніи, какъ свѣтлый образъ, должна была вознестись надъ толпой и цвѣсти въ одинокомъ достоинствѣ, пока не встрѣтится съ тѣмъ человѣкомъ, который способенъ будетъ ее понять и оцѣнить... Да, я, Трифонъ Васильевичъ, я пускался въ этакія поэтическія мечты.... но это понятно; когда я думалъ о Линѣ, то какъ будто преобразовывался... я внутренно гордился тѣмъ, что подъ грубой моей оболочкой скрывается душа, способная оцѣнить эту возвышенную дѣвственную природу, тогда какъ многіе другіе, прекрасные и блестящіе, пройдутъ мимо нея, можетъ быть, не разгадавъ ея достоинства.

На другой же день пріѣзда моего въ Москву, я отправился къ Мерлинскимъ. Было два часа по полудни, когда я подъѣхалъ къ дому... Около крыльца на улицѣ стояло нѣсколько экипажей; это меня непріятно удивило; я привыкъ въ былые годы ихъ всегда заставать однихъ, и не сообразилъ, что образъ жизни ихъ, по всей вѣроятности, измѣнился.

На лѣстницѣ стояли новыя лица; лакеи меня не хотѣли пропустить безъ доклада... наконецъ, однако нашелся старый знакомый, и радостно провелъ меня въ гостиную. Домъ былъ тотъ же, но все въ немъ казалось мнѣ перемѣнившимся... Лѣстница вся была установлена цвѣтами и деревьями, большое зеркало на верху красовалось въ новой золоченой рамѣ, въ залѣ мебель была перекрыта новымъ пунцовымъ штофомъ, вездѣ было накурено; это былъ пріемный домъ, держанный съ необыкновенною роскошью и порядкомъ. Мнѣ сдѣлалось неловко, и почему-то нѣсколько досадно.... Я не встрѣчалъ тутъ обычной тишины. . . . отъ этой торжественной роскоши вѣяло мнѣ чѣмъ-то не роднымъ... И когда лакей, сопровождавшій меня, поднялъ тяжелую портьеру гостиной, не смотря на мое желаніе скорѣе увидѣть Лину, я не могъ рѣшиться войти. Эта нерѣшимость могла бы еще долго продолжиться, если бы, въ эту минуту, не уѣхала какая-то барыня, и Мерлинская не вышла въ залу ее провожать... Увидѣвъ меня, она почти вскрикнула отъ удивленія... Я молча глядѣлъ на нее, и съ трудомъ ее узнавалъ... Въ эти шесть лѣтъ, она много перемѣнилась... нѣсколько красный цвѣтъ лица ея побагровѣлъ, волосы значительно посѣдѣли, глаза ввалились и потускли; она одѣвалась совершенно какъ старушка.

—Какъ кстати вы воротились, Трифонъ Васильевичъ! вы слышали, вѣдь С** умеръ?... Но на долго ли вы пріѣхали?

—Надѣюсь, что надолго, если не навсегда, отвѣчалъ я.

—Ну, и слава Богу!.. но пойдемте—жь къ Линѣ... вотъ любопытно посмотрѣть, узнаетъ ли она васъ...

Мы вошли въ гостиную; въ глубинѣ комнаты, на ку-

шеткѣ, я увидѣлъ молодую дѣвушку—это была Лина; передъ нею стояли двое молодыхъ людей, лѣтъ 30-ти или 35-ти, высокихъ, полныхъ, плечистыхъ, и нѣсколько п хожихъ другъ на друга... Лина была одѣта въ пышное шелковое платье темнозеленаго цвѣта; волосы ея, завитые густыми локонами, немного закрывали и затемняли ея маленькое личико, которое, по моему мнѣнію, отъ этого утратило прелесть дѣтскаго открытаго выраженія. Овалъ ея лица былъ слишкомъ малъ, чтобы отягощать его сложной прическої... Но женщины рѣдко понимаютъ въ чемъ состоитъ отличительная черта ихъ красоты, и многія отъ этого теряютъ... Признаюсь, я тогда удивился, что Лина, въ которой художественная струна была такъ развита, не поняла этого, но послѣ я узналъ, что это было распоряженіе ея матери... Вообще же наружность Лины не совершенно соотвѣтствовала моимъ ожиданіямъ: правда, черты ея не перемѣнились, она даже стала складнѣе и лучше, чѣмъ въ 14 лѣтъ, (хотя плечи, грудь и руки сохранили въ себѣ нѣчто дѣтское и не совсѣмъ развитое...), но въ глазахъ ея я не находилъ прежняго блеска, въ лицѣ—прежней впечатлительной подвижности, въ разговорѣ, въ движеніяхъ—прежняго жара и живости..... Она сидѣла спокойно, говорила свободно, но безъ увлеченія... Она меня сейчасъ же узнала, но не показала особеннаго волненія; встала медленно, протянула мнѣ руку спокойно, улыбнулась любезно... но не встрепенулась, не покраснѣла отъ удовольствія, при видѣ стараго друга.... Мнѣ стало досадно; мнѣ такъ хотѣлось, чтобы она мнѣ обрадовалась, чтобы она... но она сказала просто: «какой пріятный сюрпризъ, любезный докторъ! (она меня не назвала Трифономъ Васильевичемъ, какъ въ старые годы), я не ожидала васъ видѣть; давно—ли вы въ Москвѣ?»

Я торопливо что-то отвѣчалъ, и потомъ также торопливо подошелъ къ Натальѣ Ѳедоровнѣ, и спросилъ ее, когда я могу застать ихъ однѣхъ. Она мнѣ сказала, что до часа пополудни у нихъ никого не бываетъ, и я поспѣшно удалился, бросивъ предварительно еще взглядъ на Лину, которая опять сидѣла на своемъ мѣстѣ, и продолжала разговоръ свой съ двумя посѣтителями.

«Боже, Боже мой! думалъ я, спускаясь съ лѣстницы, и печально садясь на своего Ваньку; неужели, въ самомъ дѣлѣ, это холодно-любезная барышня, приличная и развязная, Лина?... Но гдѣ же прежніе восторги? гдѣ вдохновенный блескъ глазъ? гдѣ юныя надежды и мечты?... Это кукла... разряженная свѣтская мумія!.. И мнѣ стало грустно—и жалко своихъ прошедшихъ химеръ. Неужели, думалъ я, я до такой степени ошибся, неужели изъ нея вышла женщина, какъ всѣ другія, тщеславная и пустая?.. и всѣ ея прекрасныя стремленія, порывы, способности, все это замерло, все это оставлено на школьной скамьѣ...

—

Въ продолженіе двухъ дней, я не показывался у Мерлинскихъ; наконецъ, я не вытерпѣлъ, и на третій день, часовъ въ 11 поутру, отправился къ нимъ. Первое впечатлѣніе нѣсколько утратило свою силу, и я сталъ себя упрекать въ слишкомъ поспѣшномъ сужденіи. «Линѣ теперь, говорилъ я себѣ, 20 лѣтъ—дѣтская живость движеній должна была угомониться въ ней съ годами; что же касается до приличія и спокойствія въ выраженіи чувствъ, то ей нельзя же было при другихъ броситься ко мнѣ на шею... Къ тому же, въ

эти шесть лѣтъ, она вѣрно пріобрѣла себѣ новыхъ друзей, и молодая дѣвушка уже не будетъ такъ довѣрчива ко мнѣ, какъ былъ ребенокъ. Для меня 6 лѣтъ ничего не значатъ, а въ ея жизни они составляютъ важный переходный періодъ. Вотъ что я думалъ и передумывалъ дорогой, ѣхавши къ Мерлинскимъ. Мнѣ было бы такъ грустно найти въ Линѣ пустую, бездушную женщину, что я всячески старался убѣдить себя, что первое впечатлѣніе было обманчиво, и что я слишкомъ поспѣшно сдѣлалъ свои заключенія.

Когда я взошелъ на лѣстницу, мнѣ сказали, что Наталья Ѳедоровна уѣхала въ магазинъ, но что Лина Борисовна дома. Я поспѣшилъ по знакомымъ корридорамъ, къ знакомой комнатѣ, гдѣ прежде была класная... она превратилась въ уютный кабинетъ. У окна, въ большихъ вольтеровскихъ креслахъ, сидѣла Лина, въ глубокой задумчивости—голова ея наклонилась на грудь и подпиралась ея маленькой ручкой.... Въ этой позѣ она мнѣ живо напомнила прежнюю Лину... волосы ея еще не были распущены, но поднятые и завернутые въ миньятюрныя папильотки, они, какъ прежде, открывали ея лобъ и синія жилки на вискахъ. Когда послышались мои шаги, Лина быстро вскочила на ноги, и на этотъ разъ видимо мнѣ обрадовалась.

—Я именно думала о васъ, Трифонъ Васильевичъ, сказала она съ жаромъ;—мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, поговорить съ вами, и вотъ вы и явились.

—Такъ вы наконецъ вспомнили, Лина Борисовна, что у васъ есть старый другъ, отвѣчалъ я серьезно, усаживаясь противъ нея,—старый другъ, который принимаетъ сильное участіе въ васъ, и...

—Вы, кажется, на меня сердитесь, Трифонъ Васильевичъ,

сказала Лина, съ улыбкой глядя на меня изъ подлобья;— но право, прибавила она, минутно оживляясь,—это напрасно... мои старыя чувства къ вамъ, моя дружба не измѣнились... а если что̀ измѣнилось, то это я сама... Мнѣ теперь двадцать лѣтъ, Трифонъ Васильевичъ!... Послѣднія слова она произнесла какъ-то особенно грустно.

—Но въ чемъ, въ чемъ же вы измѣнились, Лина Борисовна? спросилъ я съ нѣкоторымъ волненіемъ.

—Это трудно объяснить, докторъ; я не могу сказать, что я разочаровалась.... это было бы смѣшно въ мои лѣта.... Но все же я во многомъ разувѣрилась, ко многому охолодѣла... Жизнь, какъ она представляется мнѣ теперь, не такъ заманчива, не такъ хороша, какъ я ожидала... тамъ, гдѣ я думала, что могу быть полезною, исполнить свое назначеніе на землѣ, тамъ встрѣтились неожиданныя препятствія... а дорога, на которую меня хотятъ направить, какъ-то не по мнѣ. Но я говорю загадками, вы меня такъ не поймете; если вы хотите, я буду говорить яснѣе, я разскажу вамъ всю внутреннюю жизнь свою въ эти шесть лѣтъ?— это меня облегчитъ.... никому, никому еще я этого не говорила... хотите? и ея голосъ принялъ почти умоляющее выраженіе—это мнѣ напомнило первый день нашего знакомства...

—Говорите, Лина Борисовна, сказалъ я, тронутый ея довѣріемъ,—и будьте увѣрены, что никто болѣе меня не расположенъ сочувствовать вашему горю, если оно у васъ есть; я такъ желалъ, я такъ надѣялся, видѣть васъ счастливою! . . . но это еще впереди, жизнь ваша только что начинается.

—Я и не могу сказать, что я несчастлива, Трифонъ Ва-

сильевичъ; но отсутствіе несчастія еще не есть счастіе.....
послушайте меня: «Когда вы уѣхали, мнѣ было четырнад-
«цать лѣтъ; слѣдующіе три года прошли для меня неза-
«мѣтно—я продолжала учиться, заниматься, писала стихи,
«прочла много серьезныхъ книгъ—словомъ, ни минуты не
«скучала. О появленіи моемъ въ свѣтѣ, о выѣздахъ я не
«думала; эта мысль еще ни разу не представлялась моему
«воображенію, да и некогда было. Послѣдній же годъ я
«стала заниматься почти съ какимъ-то ожесточеніемъ; я
«постоянно чувствовала томительную потребность во всемъ
«усовершенствоваться, достичь до какого-то недостижима-
«го идеала... Но тутъ мнѣ минуло 17 лѣтъ, и маменька
«мнѣ объявила, что, по возвращеніи изъ деревни, она нач-
«нетъ меня вывозить въ свѣтъ. Сначала я приняла это из-
«вѣстіе довольно равнодушно, и даже скорѣе огорчилась
«тѣмъ, что у меня отнимаютъ время для занятій; но мало
«по малу, я свыклась съ этою мыслію — во мнѣ просну-
«лись инстинкты молодости, мнѣ захотѣлось потанцовать,
«повеселиться... Настала эта минута, и сказать ли вамъ,
«Трифонъ Васильевичъ, въ первую пору упоенія, восторга
«отъ новыхъ, неизвѣстныхъ мнѣ удовольствій все было за-
«быто!... Тетрадки и книги, далеко упрятанныя въ ящики,
«уже болѣе не видѣли свѣта дневнаго, рисованіе я совсѣмъ
«бросила, а музыка только потому не подверглась общей
«участи, что папенька не давалъ мнѣ покоя на этотъ счетъ.
«Всякій день почти я бывала на балѣ... маменька, которая
«прежде такъ осуждала слишкомъ разсѣянный образъ жиз-
«ни, увлеклась сама общимъ потокомъ... Я имѣла успѣхъ—
«это ей льстило... къ тому же нельзя принадлежать къ свѣ-
«ту только вполовину — одно звено цѣпляется за другое,

«и скоро образуется цѣлая цѣпь. Всѣ теоріи, рожденныя «въ уединеніи, мало по малу исчезаютъ и стираются въ «ежедневномъ столкновеніи съ тщеславными мелочами свѣта... «Понятно, что и маменька много перемѣнилась, стала ме-«лочнѣе и выше всего ставила мнѣніе свѣта... Сначала, я «этого не замѣчала, я отдавалась безсознательно новымъ «ощущеніямъ и удовольствіямъ, и стала даже воображать, «что я рождена свѣтскою женщиной, и что воспитаніе толь-«ко временно могло дать мнѣ болѣе серьезное направле-«ніе... Около года мнѣ все это нравилось; но потомъ, ког-«да первый пылъ прошелъ, когда свѣтъ утратилъ, въ мо-«ихъ глазахъ, главную свою прелесть: новизну,—стала иног-«да проявляться и скука, и какая-то тоска, и прежнія мыс-«ли опять мелькали предо мною. — Прошло два года, и «свѣтъ совершенно надоѣлъ мнѣ, я узнала ему цѣну... При-«знаюсь вамъ, (но тутъ Лина нѣсколько замялась; видно «было, что ей тяжело было произнести эти слова), при-«знаюсь, повторила она, маменька много способствовала къ «этому разочарованію... То малое удовольствіе, которое «мнѣ случалось еще испытать, она отравляла, а скуку и «незначительнѣйшія непріятности она увеличивала своею «мнительностію въ отношеніи ко мнѣ... Не разъ, послѣ ве-«селаго бала, она говорила мнѣ: «помилуй, Лина, можно-ли «такъ безразсудно предаваться удовольствію! — танцуешь, «прыгаешь, какъ сумасшедшая, съ мальчишками... что по-«думаютъ о тебѣ люди солидные? Ни одинъ порядочный «человѣкъ не захочетъ жениться на такой вертушкѣ! . . . «вѣдь не написано же на твоемъ лбу, что ты получила «серьезное воспитаніе!»

«Если же, какими нибудь судьбами, я танцую меньше на

«одномъ балѣ, чѣмъ на другомъ; если, по отсутствію сво-
«ихъ обыкновенныхъ кавалеровъ, я получаю меньше при-
«глашеній, и менѣе окружена чѣмъ другія дамы, маменька
«приходитъ въ невыразимое безпокойство: «Что̀ это значитъ?
«тебя никто не зоветъ; твоя «vogue» проходитъ . . . ты не
«достаточно разборчива, танцуешь со всякою дрянью, поря-
«дочныхъ людей не отличаешь. . . . они и бросаютъ те-
бя....» Все это меня утомляло. Къ тому же, я сама начи-
«нала чувствовать отвращеніе и почти презрѣніе ко всей
«этой пустой и тщеславной бальной молодёжи. По мѣрѣ то-
«го, какъ я вглядывалась въ нихъ ближе, я видѣла, какъ
«мало сто̀итъ дорожить ихъ вниманіемъ... Они сами отда-
«ютъ себѣ справедливость, и своими поступками, публич-
«но, какъ бы провозглашаютъ свое ничтожество. «Ce sont
«des moutons de Panurge», они своего мнѣнія не имѣютъ,...
«если имъ нравится хорошенькая женщина, они не смѣютъ
«въ этомъ признаться, и явно ею пренебрегаютъ, пока мо-
«да, въ лицѣ какого нибудь заѣзжаго петербургскаго
«льва, не оправдаетъ ихъ вкуса... и тогда они кричатъ:
«я первый ей отдалъ справедливость, я первый ее замѣ-
«тилъ...» и проч. Когда я убѣдилась во всѣхъ этихъ печаль-
«ныхъ истинахъ, я стала сильно скучать въ свѣтѣ, и пре-
«зирать самое себя за то, что я сдѣлалась его рабою...
«Во мнѣ возникло желаніе разбить свои цѣпи, вырваться
«на волю, — и вмѣстѣ съ этимъ зашевелилось во мнѣ еще
«что-то другое... какая-то неопредѣленная потребность чьей-
«то симпатіи... мнѣ захотѣлось встрѣтить существо выше,
«благороднѣе, уважительнѣе всѣхъ этихъ людей, и сойтись
«съ нимъ.., чтобъ онъ понялъ, что и я только по необхо-
«димости принадлежу къ этому свѣту... словомъ, мнѣ хотѣ-

«лось—но я не могу вамъ совершенно объяснить, чего «мнѣ именно хотѣлось тогда.»

—Любви! проговорилъ я вполголоса.—Лина покраснѣла.

—Можетъ быть, я дѣйствительно мечтала о любви, отвѣчала она;—но теперь все это прошло!... теперь ужь я желаю другаго, (голосъ ея понизился) — спокойствія . . . отдыха, — я устала, я устала... И въ эту минуту лице ея, въ самомъ дѣлѣ, выражало утомленіе, голова опустилась на грудь, глаза полу-закрылись; она съ минуту молчала.

Я также задумался, но наконецъ спросилъ ее почти робко (я боялся затронуть больную струну въ ея сердцѣ): что̀ же могло довести васъ до этого состоянія? можетъ быть, вы встрѣтили такого человѣка и... ошиблись въ немъ?...

—Да̀, кажется, встрѣтила, проговорила она задумчиво; —но не могу сказать, чтобы его полюбила... чувство не успѣло развиться во мнѣ; эта встрѣча, это знакомство, все это было такъ коротко... мы такъ скоро разстались, что я не могла даже отдать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ: «Это былъ вдовецъ, человѣкъ лѣтъ 36-ти, собой не хорошъ; «но человѣкъ умный и образованный... Черты его были не«правильны, но во всей его фигурѣ, въ его движеніяхъ, въ «его походкѣ, царствовало такое благородное спокойствіе, «что какъ-то невольно чувствовалось къ нему уваженіе... «Въ его голосѣ, звучномъ и тихомъ, также было спокойст«віе; — онъ никогда не спорилъ, никогда не горячился,— «но то̀ была не апатія, а достоинство въ обращеніи... Все, «что̀ онъ говорилъ, было глубоко прочувствовано и обду«мано,—всѣ его слова врѣзывались въ память и сердце. «Онъ много читалъ, занимался изученіемъ нѣсколькихъ спе-

«ціальныхъ наукъ, но не былъ педантомъ. Онъ къ намъ «попалъ случайно — проѣздомъ въ деревню, по какому-то «дальнему родству;—онъ былъ еще въ траурѣ, только что «лишившись жены... Мнѣ сказывали, что она была женщи-«на простая и ничтожная, и что онъ на ней женился въ «первой молодости изъ какого-то рыцарства, отъ того что «она влюбилась въ него. — У него осталось четверо дѣ-«тей—я ихъ видѣла—премилыя дѣти... и они какъ-то лас-«кались ко мнѣ. Впрочемъ, и ихъ и отца я видѣла не бо-«лѣе какъ разъ пять... Мы съ нимъ имѣли нѣсколько ин-«тересныхъ разговоровъ; онъ, видимо, находилъ удовольствіе «говорить со мною, по особенно не искалъ моего общест-«ва... Одинъ разъ только я въ немъ подмѣтила сильное «сочувствіе ко мнѣ, и то на минуту. Это было вечеромъ—«у насъ собрались гости, и между прочими одна княжна «С..., съ очень замѣчательнымъ музыкальнымъ талантомъ; «она какъ артистка поетъ самыя трудныя итальянскія аріи. «Въ этотъ вечеръ она много пѣла, и какъ всегда, ее «осыпали восторженными похвалами. Беритовъ (такъ зва-«ли вдовца) все время стоялъ у противуположнаго конца «фортепьяно, и разбиралъ мои ноты. Когда она кончила, «онъ также сказалъ: «прекрасно», но безъ особеннаго «увлеченія, и подошелъ ко мнѣ съ тетрадкой въ рукахъ:

—«Лина Борисовна, сказалъ онъ мнѣ, — съиграйте эту пьесу, пожалуйста.»

— «Y pensez vous,» отвѣчала я съ удивленіемъ,—«après la princesse?»

—«Я васъ прошу, повторилъ онъ тихо и съ просьбою; «взглядъ его встрѣтился съ моимъ... я взяла тетрадь изъ «рукъ его и направилась къ фортепьяно, я чувствовала,

«какъ будто я не могу не повиноваться ему. Я стала иг-«рать—это была грустная мелодія Шуберта; Беритовъ «стоялъ подлѣ меня и перевертывалъ мнѣ страницы. Его «присутствіе и сознаніе, что онъ глубоко понимаетъ му-«зыку, одушевили меня — я сыграла эту мелодію съ та-«кимъ чувствомъ, съ такимъ выраженіемъ, какъ не случа-«лось мнѣ ни прежде, ни послѣ. Беритовъ такъ внимател-«но слушалъ меня, что забылъ перевернуть послѣднюю «страницу, и потомъ замѣтивъ свою ошибку, такъ быстро «схватился за тетрадь, что уронилъ ее на полъ—я продол-«жала наизустъ, и когда кончила, то невольно обернулась «въ его сторону. Онъ сказалъ мнѣ просто: «благодарю васъ, «вы это сыграли хорошо.» Но въ этихъ простыхъ словахъ «было столько чувства, что они прямо дошли къ моему «сердцу... мнѣ показалось, что въ глазахъ его были сле-«зы... Я думала, что послѣ этого онъ останется возлѣ ме-«ня и будетъ со мною говорить; но онъ тотчасъ же уда-«лился и сѣлъ около маменьки, съ которой долго гово-«рилъ, а потомъ вскорѣ уѣхалъ...

«Послѣ этого вечера, въ первый и послѣдній разъ, я «много думала о немъ. Замѣченное сочувствіе къ себѣ наве-«ло меня на разныя мысли; мнѣ казалось, что если бы онъ «меня полюбилъ, я бы могла быть счастливою съ нимъ — «я чувствовала тогда въ себѣ довольно энергіи и преданно-«сти, чтобы быть матерью для его дѣтей; уединенная жизнь «съ нимъ въ деревнѣ меня не пугала—онъ былъ такъ уменъ, «такъ свѣдущъ... онъ могъ быть моимъ руководителемъ, «моимъ другомъ—всѣмъ!... И я бы счастлива была под-«чиниться его моральному превосходству... Но мечтамъ мо-«имъ суждено было скоро разсѣяться—на другой день онъ

«пріѣхалъ проститься, и объявилъ, что ѣдетъ вечеромъ въ «свою деревню... Больше я его не видала, и послѣднее впе-«чатлѣніе, которое онъ во мнѣ оставилъ, была его холодная «вѣжливость ко мнѣ... Случалось вомнѣ послѣ говорить о «немъ съ маменькой; она отзывалась о немъ лестно, какъ о «весьма умномъ и прекрасномъ человѣкѣ, но всегда прибав-«ляла: жаль, «что онъ такъ стѣсненъ въ своихъ денежныхъ «обстоятельствахъ и имѣетъ четверыхъ дѣтей... не смотря «на всѣ его достоинства, молодой дѣвушкѣ было бы неблаго-«разумно выходить за него»—и потомъ она перемѣняла раз-«говоръ...»

«И вотъ послѣ этого прошелъ еще годъ;—я продолжала быть въ свѣтѣ... все шло по старому, я скучала... и больше ничего... Но теперь... теперь слѣдуетъ рѣшиться на что̀ нибудь...» и она пришла въ сильное волненіе.

—Что̀ же такое случилось, Лина Борисовна? спросилъ я съ безпокойствомъ.

—Видите ли что̀, отвѣчала она;—теперь есть партія для меня — я вижу, объ этомъ сильно хлопочутъ, но я этого не хочу... рѣшительно не хочу... Недавно пріѣзжалъ сюда одинъ молодой человѣкъ изъ Петербурга,—онъ служитъ при Дворѣ, — онъ знатенъ, богатъ и считается красавцемъ, но по моему хуже дурнаго... Я ненавижу въ мужчинѣ эту восковую бѣлизну кожи, этотъ глупый цвѣтъ лица, эти нѣжные голубые глаза, эти волосы такъ живописно завитые, эти усики такъ тщательно закрученные... Къ тому же онъ такъ приличенъ, такъ приторно любезенъ, говоритъ пошлости съ такой самоувѣренной улыбкой, все занятъ собою и своими ногтями... Словомъ, заключила Лина,—онъ для меня просто отвратителенъ,—а маменька не хочетъ это-

го понять, она въ немъ видитъ всѣ возможныя совершенства!... Онъ за мной сильно ухаживалъ, когда былъ здѣсь—его опять ждутъ скоро сюда,.. и если я не возьму своихъ мѣръ, если онъ посватается, тогда ужь будетъ поздно;—съ трудомъ отдѣлаешься, слишкомъ выгодная партія...

—Но что̀ же вы намѣрены сдѣлать?

—Вы замѣтили этихъ двухъ молодыхъ людей, которыхъ вы застали у насъ во вторникъ, медленно проговорила Лина, пристально глядя на меня;—это два брата—ихъ фамилія Радизевскіе. Они оба люди умные, добрые и пользуются прекрасною репутаціею; къ тому же ихъ состояніе, ихъ положеніе, ихъ родство, все удовлетворительно... Это можетъ быть не блестящія партіи, но никто не осудитъ тѣхъ, которыя пойдутъ за нихъ замужъ, и многія даже имъ позавидуютъ. Я увѣрена, что маменька сама нашла бы это весьма благоразумнымъ, и охотно согласилась бы пожертвовать невѣрнымъ блескомъ существенной, вѣрной выгодѣ. Они оба ухаживаютъ за мною, не знаю, влюблены ли они, но они въ такихъ годахъ, что желаютъ жениться, и я имъ, кажется, обоимъ нравлюсь...

—Но за котораго же вы пойдете? спросилъ я.

— За того или за другаго, отвѣчала Лина какъ-то разсѣянно; — они оба прекрасные люди...

«Я обомлѣлъ... такъ вотъ, подумалъ я, что̀ свѣтъ сдѣлалъ изъ этой дѣвушки!... восторженная, пылкая Лина разсчитываетъ! Къ чему же повело это прекрасное воспитаніе, это раннее развитіе? быть старушкой въ двадцать лѣтъ... Способности, порывы, мечты, все заглушено, все забыто... а здоровье? здоровье терпѣло тогда отъ слишкомъ усиленныхъ занятій, а теперь оно страдаетъ отъ выѣздовъ, отъ этой пустой, но утомительной жизни...

—Неужели, спросилъ я Лину,—вы одинаково равнодушны къ обоимъ братьямъ? неужели вы не чувствуете ни малѣйшаго влеченія къ одному изъ нихъ?

Она задумалась: «я какъ-то не успѣла себя испытать на это счетъ, отвѣчала она наконецъ, но мнѣ кажется, что старшій больше по мнѣ; младшій какъ-то слишкомъ шумно веселъ, слишкомъ болтливъ—тотъ спокойнѣе, можетъ быть, умнѣе... Но повторяю вамъ, Трифонъ Васильевичъ, я теперь не способна разбирать свои чувства, да и нѣтъ ихъ у меня... во мнѣ теперь одна потребность... потребность отдыха, покоя душевнаго и сердечнаго... я вамъ сказала, что я устала...» Она закрыла лице руками. «Можетъ быть, продолжала она черезъ минуту, въ семейной, спокойной жизни я оживу... съ силами, съ здоровьемъ, воротится и энергія, и прежній жаръ души... Вы понимаете меня, докторъ, вы вѣрно понимаете эту потребность?... Мнѣ хочется тихой домашней жизни, не стѣсненной приличіями свѣта, свободы въ обращеніи, задушевной бесѣды, простодушныхъ родственныхъ отношеній... Вы знаете нашъ домъ... въ немъ я никогда этого не найду... Къ маменькѣ я теперь стала какъ-то еще менѣе довѣрчива—папенька все такой же разсѣянный... друзей, близкихъ людей у насъ нѣтъ... Мы перешли отъ совершеннаго уединенія къ свѣтской жизни—мы имѣемъ однихъ только свѣтскихъ знакомыхъ, а короткихъ пріятелей нѣтъ!... ни одного друга дома!... какъ-то не клеится— все такъ натянуто, такъ церемонно... не съ кѣмъ душу отвести...»

Тутъ я понялъ вполнѣ моральное состояніе Лины, и мнѣ стало ее жалко. Ея душа томилась въ этой не свойственной ей искуственной стихіи;—ей надо было, во что бы то

ни стало, выйти изъ нея. Я сталъ ее успокоивать, какъ могъ, и показалъ ей будущее въ болѣе радостномъ свѣтѣ... Мы еще долго проговорили, но я не дождался возвращенія ея матери, и уѣхалъ къ себѣ, опечаленный этимъ разговоромъ. — Лина просила меня ее не забывать.

—

Я опять сталъ ѣздитъ часто къ Мерлинскимъ; Наталья Ѳедоровна по прежнему была ко мнѣ благосклонна, но я самъ не искалъ, какъ прежде, случаевъ говорить и разсуждать съ нею. Во первыхъ, она много потеряла въ моемъ мнѣніи тѣмъ, что я не видѣлъ послѣдовательности въ ея прежнемъ образѣ мыслей — она какъ будто вся измельчалась; по цѣлымъ часамъ разсуждала о пустякахъ, мучилась и безпокоилась по поводу всякихъ бездѣлицъ, и придавала имъ такую важность и такой вѣсъ, что жалко и тошно было на нее смотрѣть... Во вторыхъ, меня сильно занимала судьба Лины; я глядѣлъ на нее съ тѣмъ же участіемъ, какъ на больнаго, когда приближается кризисъ, отъ котораго все зависитъ. Видя ее каждый день, я убѣдился, что она мало перемѣнилась, менѣе, чѣмъ сама думала... временный упадокъ ея жизненныхъ силъ произошелъ отъ внѣшнихъ причинъ. Несвойственная ея природѣ свѣтская стихія, первое чувство, заглушенное въ зародышѣ, физическая усталость, мелочность матери, пустота ея настоящей жизни, подавили восторженную дѣятельность ея ума, но совершенно заглушить ея не могли. Бывали минуты, когда все это возвращалось—и тогда я ясно видѣлъ передъ собой прежнюю Лину, и радостно думалъ: «надежды и ожиданія мои еще не погибли.»

Съ нѣкоторыхъ поръ Лина даже повеселѣла; она мнѣ не

признавалась,.. но мнѣ казалось, что она начинаетъ чувствовать сильное предпочтеніе къ старшему изъ Радизевскихъ; когда она говорила о немъ, глаза ея загорались; она хвалила его съ увлеченіемъ... Младшій Радизевскій пересталъ къ нимъ ѣздить, но старшій бывалъ почти каждый день. Со стороны Мерлинскихъ не предвидѣлось важныхъ препятствій; не смотря на желаніе Натальи Ѳедоровны выдать дочь свою за князя П..., она ее слишкомъ любила, чтобы противиться ея сердечнымъ наклонностямъ (въ такомъ случаѣ разумѣется, если выборъ ея соединяетъ въ себѣ и существенную выгоду). И такъ, по видимому, все шло хорошо — мнѣ очень хотѣлось видѣть вблизи Сергѣя Ивановича Радизевскаго; онъ болѣе ѣздилъ по вечерамъ, и послѣ нашей первой встрѣчи, въ которой я обратилъ на него мало вниманія, я его болѣе не заставалъ у нихъ.

Около этого времени, случилось мнѣ захворать; болѣзнь моя была не опасна, но все же въ продолженіе недѣли я не могъ выѣхать изъ дому. Лина присылала нѣсколько разъ узнавать о моемъ здоровьѣ. Первый мой выѣздъ былъ къ Мерлинскимъ; я хотѣлъ попасть къ нимъ часовъ въ 12-ть, чтобы застать Лину одну, но меня дома задержали больные, и когда я подъѣхалъ къ ихъ дому, былъ уже второй часъ, и я увидѣлъ у подъѣзда нѣсколько саней и одну карету. Почти въ одно время со мной, подъѣхала еще другая карета — старомодная, высокая, съ двумя лакеями на запяткахъ, запряженная четверней цугомъ. Изъ нея вылѣзла сѣдая старушка пріятной наружности, и вслѣдъ за нею вынули изъ кареты образъ и внесли на лѣстницу... Я также послѣдовалъ на нею; я видѣлъ, что готовятся къ чему-то торжественному, понялъ, что судьба Лины рѣшилась, и

мнѣ было не до робости. Въ передней старушка остановилась, и стала отдавать, указывая на образъ, какія-то приказанія вполголоса. Я воспользовался этой минутой, и проскользнулъ въ залу. При самомъ входѣ, попались мнѣ Лина и Радизевскій—Лина улыбающаяся и свѣтлая, какъ я ее давно не видалъ... Радизевскій шелъ рядомъ съ ней, и съ живостію ей что-то говорилъ. Странно было ихъ видѣть вмѣстѣ,... съ перваго же раза, я ощутилъ это странное, почти непріятное впечатлѣніе, отъ котораго я никогда не могъ совершенно освободиться. Она—такая тонкая, эѳирная, подобная изнѣженному цвѣточку, до котораго дотронуться страшно... Онъ—такой здоровый, плечистый, съ мощными членами, съ огромной кудрявой головой... совершенный контрастъ. Ея почти дѣтскій складъ и тонкая фигура казались еще нѣжнѣе въ сравненіи съ нимъ. Все въ немъ дышало силой и здоровьемъ; онъ былъ не дуренъ собою, но это была могучая, мужественная красота, которая поражала при первомъ взглядѣ, но не выдерживала подробнаго разбора. Черты его, довольно правильныя, казались вырубленныя топоромъ; глаза, черные и смѣлые, глядѣли ясно и открыто; носъ, короткій и прямой, тупо округлялся; ротъ скрывался подъ густыми черными усами, растущими къ низу; лобъ былъ не великъ; голова казалась еще массивнѣе отъ множества волосъ; онъ ихъ не завивалъ, но они сами отъ природы лежали короткими, мохнатыми завитками, которые, по свойству своему, не могли быть приглажены.

—Такъ вотъ вы наконецъ, Трифонъ Васильевичъ, весело сказала Лина;—рекомендую вамъ своего жениха Сергѣя Ивановича Радизевскаго. Сергѣй Ивановичъ добродушно улыбнулся и дружески протянулъ мнѣ руку. «Чрезвычайно радъ

съ вами познакомиться,» сказалъ онъ ласково. Онъ мнѣ очень понравился въ эту минуту; въ его привѣтѣ было что-то располагающее въ его пользу.

Въ дверяхъ показалась старушка; молодые люди поспѣшили къ ней на встрѣчу—это была мать Радизевскаго. Она въ первый разъ пріѣхала къ Мерлинскимъ, и въ первый разъ видѣла невѣсту своего сына. Богатая и всѣми уважаемая вдова Радизевская, уже давно оставила свѣтъ;—у нея былъ *свой* обширный кругъ родственниковъ и друзей, которые ее любили и почитали; она была центромъ этого круга, довольствовалась имъ, и не нуждалась въ другихъ знакомствахъ. Дѣтей своихъ она очень любила, но старалась, чтобы любовь ея не была имъ въ тягость. Требованій, обыкновенныхъ старческихъ претензій, съ ея стороны никогда не бывало. Она безъ просьбы не впутывалась въ ихъ дѣла. «Они люди взрослые, говаривала она, сами знаютъ, какъ себя вести». Но когда ее спрашивали, она въ совѣтѣ не отказывала, и совѣтовала всегда благоразумно и дѣльно. Она также не имѣла маніи многихъ матерей и старушекъ вообще, женить своихъ сыновей и племянниковъ. «На это, (говорила она обыкновенно, когда старыя пріятельницы приставали къ ней) на это, матушка моя, есть судьба,—отъ судьбы своей никто не уйдетъ—значитъ, ихъ время еще не пришло.»

Дочерей своихъ она давно выдала замужъ; одна уже овдовѣла и жила съ нею, другая умерла и оставила двухъ дѣтей, которыхъ воспитывала третья, бездѣтная, вышедшая за старика, и также жившая въ Москвѣ.—Когда Сергѣй Ивановичъ объявилъ матери, что онъ хочетъ жениться на Мерлинской, и попросилъ ея благословенія, она видимо

обрадовалась этому извѣстію, и призналась ему, «что она уже давно втайнѣ желала видѣть его женатымъ, и увѣрена, что выборъ его хорошъ.» Наканунѣ того дня, о которомъ я говорю, Радизевскій сдѣлалъ предложеніе,—а въ этотъ день все семейство поспѣшило къ невѣстѣ, и Анна Николаевна (такъ звали старушку) привезла съ собою образъ, чтобы благословить жениха и невѣсту. Когда Лина подошла къ ней, и хотѣла поцѣловать ея руку, Анна Николаевна поспѣшно ее отдернула, и обнявъ молодую дѣвушку, съ нѣжностію и жаромъ, прижала къ своей груди. Ничего не было сказано между ними , но словъ не нужно было,— по свѣтлому выраженію лица, по ласковому взгляду старушки, Лина могла понять, что ее будутъ любить, и что она принята въ семейство съ радостію. Другая мать, на мѣстѣ Радизевской, наговорила бы множество любезныхъ фразъ, стала бы разсматриватъ любопытнымъ, испытующимъ взглядомъ невѣсту сына—и этотъ разборъ, эта натянутая встрѣча, вселили бы съ самаго начала въ ихъ отношенія неловкость и недовѣрчивость.

У дверей гостиной встрѣтила Радизевскую Наталья Ѳедоровна;—между ними первое свиданіе не могло быть такъ радушно; въ столкновеніи этихъ двухъ природъ должна была ощутиться ихъ противуположность... Анна Николаевна, съ теплымъ сердцемъ, яснымъ умомъ, искреннимъ, прямымъ расположеніемъ къ новой роднѣ, должна была какъ бы споткнуться о торжественный, подготовленный пріемъ Натальи Ѳедоровны. Я уже говорилъ, что Мерлинская высоко ставила родственныя обязанности; но именно потому, что она всякія родственныя отношенія считала за обязанность, именно потому, что въ своемъ обращеніи она слѣдовала

расчитанному чувству долга, и не сердечному влеченію,—въ исполненіи этого долга недоставало душевной теплоты.—Анна Николаевна должна была это безсознательно ощутить, и мнѣ показалось, что когда Мерлинская пожала ея дряхлую руку, и сказала ей приличную, затѣйливо придуманную къ случаю фразу, на лицѣ старушки изобразилось что-то въ родѣ недоумѣнія, губы ея зашевелились, но ничего не произнесли въ отвѣтъ....

Всѣ разсѣлись, вошелъ и Мерлинскій, всегда разсѣянный, всегда и всюду опаздывавшій.—Наталья Ѳедоровна его представила Радизевской,—онъ поклонился, что-то промычалъ или пропѣлъ, и не замѣтилъ руки, которую ему протянула старушка.—Около минуты царствовало общее молчаніе, всѣ переминались, но никто не рѣшался начинать; Радизевская первая заговорила, обращаясь къ Натальѣ Ѳедоровнѣ: «Я пріѣхала къ вамъ съ просьбою, матушка; Серёжа сказалъ мнѣ, что вы хотите назначить свадьбу не прежде будущей осени—прошу васъ, не томите его такъ долго — назначьте ее пораньше...вѣдь мнѣ старушкѣ можетъ быть не дожить до этого времени.»

—Надѣюсь, что вы еще долго проживете для счастія вашихъ дѣтей, отвѣчала Мерлинская.

—Вѣдь дѣло рѣшенное, продолжала Радизевская,—зачѣмъ же медлить?...

—Но когда же вы бы хотѣли?... спросила Мерлинская.

—Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—хоть въ концѣ будущаго мѣсяца.

—Но... начала было Мерлинская.

—Позднѣе ужь никакъ нельзя, потомъ постъ, потомъ

Святая недѣля... а потомъ май мѣсяцъ--нельзя—маяться будутъ....

Наталья Өедоровна посмотрѣла на мужа, но мужъ молчалъ и глядѣлъ на свою ногу, носкомъ которой онъ судорожно шевелилъ, вѣрно отъ нетерпѣнія, что теперь неприлично было бы пѣть, даже вполголоса... Она посмотрѣла на дочь, но Лина опустила глаза и упорно устремила ихъ на полъ... Всѣ присутствующіе молча ожидали ея рѣшенія... Не нашедъ себѣ ни въ комъ поддержки, Наталья Өедоровна вздохнула и наконецъ съ усиліемъ проговорила:

—Нѣчего дѣлать, пусть будетъ по вашему.. но признаюсь, мнѣ тяжело рѣшиться... я надѣялась провести это послѣднее лѣто съ дочерью,—голосъ ея измѣнился... она заплакала....

Старушка просіяла, Радизевскій бросился цѣловать руки Натальи Өедоровны; сестры, братъ, всѣ встали, всѣ заговорили—бесѣда мгновенно оживилась.—Одна Лина сидѣла какъ вкопаная, она нѣсколько поблѣднѣла — мнѣ показалось, что ей не по себѣ... я подошелъ къ ней и наклонился къ ея уху, но въ эту минуту она вздрогнула... Наталья Өедоровна говорила Радизевскому растроганнымъ, но нѣсколько театральнымъ голосомъ:

—Вручаю вамъ свое сокровище и надѣюсь...

—Мы его убережемъ, прервала Анна Николаевна за сына,—повѣрьте... но теперь давайте—благословимъ дѣтей—если вы согласны? Я съ собою привезла образъ, и она сдѣлала знакъ своему сыну Артемію который тотчасъ же вышелъ изъ комнаты.

—Чтò съ вами? спросилъ я Лину потихоньку.

—Ничего, отвѣчала она чуть слышно,—но когда же кончится вся эта сцена—мнѣ тяжело...

Принесли два образа,—Наталья Ѳедоровна также велѣла принести образъ,—всѣ вышли въ залу: Мерлинскіе стали рядомъ—Радизевская одна съ другой стороны. Сергѣй Ивановичъ, какъ водится, поклонился три раза въ ноги матери, и потомъ поцѣловался съ нею—это было горячее сердечное лобзаніе, но болѣе радостное чѣмъ грустное—оии оба улыбались. Отъ матери онъ перешелъ къ Мерлинскимъ; Лина повторяла за нимъ. Съ Радизевской и съ отцемъ вся церемонія обошлась спокойно; но когда она подошла къ матери, Наталья Ѳедоровна такъ громко зарыдала, такъ крѣпко, такъ судорожно прижала ее къ сердцу, такъ долго со слезами цѣловала ее, что Лина, какъ ни удерживалась, также судорожно зарыдала, и я сталъ бояться нервнаго припадка. Однако все кончилось благополучно; Лина была только сильно взолнована,—и не смотря на всѣ ея усилія, слезы такъ и лились изъ глазъ ея. Радизевскій подошелъ къ ней, и взялъ ее за руку, но она отняла руку, и я видѣлъ, что ее подернуло по лицу.

—Оставь ее братъ, шепнулъ Артемій Сергѣю,—дай ей успокоиться—сейчасъ пройдетъ. И онъ вышелъ за стаканомъ воды.

Прежнее ухаживаніе Артемія за Линой ни мало не испортило отношеній двухъ братьевъ. Узнавъ, что Сергѣй имѣетъ серьёзныя виды на Лину, и замѣтивъ, что и она ему оказываетъ предпочтеніе, онъ тотчасъ уступилъ ему дорогу, пересталъ ѣздить въ домъ, и какъ только дѣло было рѣшено, сталъ съ нею на ногу брата. — Вообще это было благочестивое семейство; всѣ члены его жили между собою

дружно и мирно, но это дѣлалось просто—церемоніи были откинуты въ сторону.

Наружностью своей Артемій очень походилъ на брата; онъ былъ только поменьше ростомъ и тремя годами моложе; волосы и глаза его были свѣтлѣе, голова не такъ огромна, но въ лицѣ его не было столько пріятности, какъ у Сергѣя. Онъ былъ живѣе, суетливѣе, говорилъ и смѣялся очень громко. Сестры его обѣ болѣе походили на него, чѣмъ на Сергѣя; Софья Ивановна Перховская (та, которая была замужемъ за старикомъ) была также высока, и имѣла тотъ же здоровый видъ и нѣсколько суетливое обращеніе брата; ей было 35-ть лѣтъ, но она казалась чрезвычайно моложава. Вѣра Ивановна, вдова, была гораздо меньше ростомъ и лучше собою; ей было лѣтъ 30-ть не съ большимъ. Она казалась спокойнѣе; или, имѣя еще претензію нравиться, она, можетъ быть, наблюдала за собою; черты ея были тоньше и пріятнѣе, чѣмъ у Артемія, глаза темнѣе, носъ нѣсколько загнутый къ низу и слегка заостренный. Она говорила много, но не такъ громко какъ Софья Ивановна; вообще она мнѣ показалась, такъ сказать, поманернѣе остальнаго семейства. Мужъ Софьи Ивановны былъ бодрый старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, воинственной наружности и безъ одной руки. Онъ былъ довольно молчаливъ, и только оглядывался направо и налѣво, улыбаясь веселымъ выходкамъ жены, сестры или братьевъ.

Скоро всѣ разъѣхались — остались обѣдать одинъ женихъ и я; Лина была нѣсколько разстроена, и мнѣ хотѣлось за ней слѣдить въ этотъ день. Я также радъ былъ случаю короче узнать Сергѣя Ивановича.

День этотъ прошелъ спокойно, почти весело; Сергѣй

Ивановичъ былъ веселаго, живаго характера, онъ почти одинъ поддерживалъ разговоръ.—Наталья Өедоровна была слишкомъ взволнована, чтобы говорить; Мерлинскій рѣдко вмѣшивался въ разговоръ, когда дѣло касалось не музыки— Лина слушала и улыбалась, но была нѣсколько задумчива. Сергѣй Ивановичъ говорилъ хорошо и преимущественно на русскомъ языкѣ; онъ выражался свободно, разсказывалъ пріятно, даже картинно. Въ этотъ первый день, я не могъ еще вполнѣ судить о немъ; но вотъ общее впечатлѣніе, которое онъ во мнѣ оставилъ: онъ показался мнѣ человѣкомъ не глупымъ, образованнымъ и разсудительнымъ; но мнѣ сдавалось, что направленіе его образованія, его воспитанія, его ума, не имѣетъ никакого сходства съ направленіемъ Лины. Я не совсѣмъ понималъ, отъ чего родилась ея симпатія къ нему — въ нихъ мало было общаго. Тѣ предметы, тѣ искусства, которые она изучила, были ему чужды—къ музыкѣ, къ поэзіи, онъ былъ довольно равнодушенъ. Природу онъ любилъ, и деревенскую природу зналъ хорошо (Радизевскіе долго безвыѣздно жили въ деревнѣ), но любовь эта, кажется, болѣе основана была на привычкѣ; тонкой, художественной оцѣнки я въ немъ не замѣтилъ. Лина ему видимо нравилась, и впослѣдствіи онъ ее никогда не переставалъ любить; но что̀ именно въ ней ему нравилось, я не могъ ясно понять. Мнѣ всегда казалось, что онъ на нее глядѣлъ какъ на слабое, безпомощное существо, которое нуждается въ его опорѣ, и что ему безсознательно нравилась роль покровителя. Она его считала умнѣе себя; рѣшительность, открытая смѣлость его мнѣній внушили ей это понятіе, и впечатлительный умъ ея подчинился ему съ самаго начала ихъ сближенія.

—

Когда я заѣхалъ къ Мерлинскимъ на другой день—жениха еще не было, а Наталья Өедоровна уѣхала хлопотать о приданомъ; Лина одна прохаживалась по залѣ.

—Что̀, какъ вы себя чувствуете сегодня, сударыня? сказалъ я, подходя къ ней, и взявъ ее за пульсъ.

—Ничего, кажется, здорова, докторъ; вчера меня нѣсколько утомили всѣ эти волненія—я боялась знакомства съ новыми родными, но, кажется, все обошлось благополучно—не правда ли?

—Какъ нельзя лучше, отвѣчалъ я;—вы имъ всѣмъ видимо понравились.

—Да̀, кажется; они всѣ люди добрые и расположенные, особенно мать его мнѣ очень понравилась... вообще, я думаю, что я тутъ буду въ своей сферѣ. Только бы маменька съ ними поладила; впрочемъ, должно быть, съ ними всякій поладитъ, они не требовательны.

—А вашъ женихъ скоро будетъ?

—Маменька запретила ему явиться прежде трехъ часовъ, отвѣчала Лина съ улыбкой,—потому что она только къ тремъ часамъ будетъ дома.

—Вотъ какъ, проговорилъ я протяжно.

— А не правда ли, онъ прекрасный человѣкъ? сказала Лина съ живостію;—я такъ рада, что избавилась отъ этого ненавистнаго П... Мнѣ кажется, повторила она, какъ бы говоря сама съ собою,—что я буду счастлива съ Радизевскимъ. Характеръ у него прекрасный—ровный, веселый; свѣта онъ не любитъ, какъ и я, деревню обожаетъ... весною мы туда уѣдемъ... И знаетель, прибавила она вполголоса, приближаясь ко мнѣ,—у насъ есть свой проэктъ, только вы никому не говорите, особенно маменькѣ, «elle

jetterait feu et flamme,» мы хотимъ ѣхать въ деревню, года на три, на четыре, а можетъ быть и навсегда. Тамъ будетъ очень весело; у брата его и сестеръ имѣнія въ томъ же краю—они также будутъ пріѣзжать туда на полгода, и мы будемъ окружены своимъ роднымъ обществомъ. Раза два въ годъ, мы пріѣдемъ сюда навѣстить старушку Радизевскую, а маменька съ отцемъ будутъ къ намъ въ гости ѣздить.

—Прекрасно, сказалъ я,—и вы осуществите свои мечты о швейцарскихъ фермерахъ?

— Вы еще помните этотъ вздоръ, сказала Лина, смѣясь.

Вообще, она была въ духѣ, будущность ей улыбалась, устройство ея будущей жизни ее занимало.

Со всякимъ днемъ она дѣлалась веселѣе и даже здоровѣла; мнѣ казалось, что она рѣшительно привязалась къ своему жениху, и я радовался ея счастію, хотя, неизвѣстно почему, все как-то сомнѣвался на счетъ его продолженія. Я все боялся какого нибудь неожиданнаго разочарованія съ ея стороны. Но время проходило и не приносило съ собою перемѣны, все продолжало идти къ лучшему.

Насталъ день свадьбы—я былъ въ церкви, я видѣлъ, какъ ее вѣнчали; она была нѣсколько блѣдна, но не плакала.—Много было народу—я стоялъ въ толпѣ и слышалъ замѣчанія равнодушныхъ.

—«Прекрасная пара,» говорили одни.

—«La promise est fort intéressante», прибавляли другіе.

—«Et lui c'est un bien bel homme».—«Quelles moustaches!»—«А должно быть она больна...»—«Вѣрно чахотка...»—«А какой вуаль!» — «Это point d'Angleterre.» — «Нѣтъ, просто Bruxelles...»

Тяжело и странно было мнѣ все это слушать. Была тутъ и Прасковья Никитична, въ великолѣпномъ штофномъ платьѣ стариннаго покроя, въ высокомъ чепцѣ, съ вензелемъ Екатерины на плечѣ. Преставительница прошлаго столѣтія стояла бодро и прямо—казалось съ нея спало шесть лѣтъ, а не прибавилось. Я разслышалъ ея слова, когда женихъ и невѣста подвинулись на средину церкви:

—«Экой, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ этотъ Радизевскій, совсѣмъ не по ней бѣдненькой!»

Наталья Ѳедоровна стояла за дочерью, какъ приговоренная къ смерти; можно было подумать, что она присутствуетъ на ея похоронахъ, а не на свадьбѣ.—Мерлинскій съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слушалъ пѣвчихъ, и размахивалъ руками въ тактъ, какъ капельмейстеръ. Когда же запѣли: «Исаіе ликуй,» и повели молодыхъ вокругъ налоя, онъ рѣшительно растрогался и заплакалъ на взрыдъ. Я не зналъ, чему приписать его волненіе — вліянію-ли музыки, или отцовской нѣжности, пробужденной внезапно въ эту торжественную минуту. У него всѣ впечатлѣнія какъ-то сливались въ одно чувство—въ музыкальный восторгъ; и когда онъ былъ растроганъ, это выражалось всегда звуками, а не словами.

—

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ свадьбы я не видалъ Лины; родственные визиты, родственные обѣды поглощали все ея время, и я не хотѣлъ лишать молодыхъ тѣхъ короткихъ минутъ, которыя имъ удавалось провести однимъ.

Наконецъ вся эта свадебная суматоха нѣсколько поугомонилась—молодые Радизевскіе зажили спокойнѣе, и ихъ

можно было иногда заставать дома. Лина продолжала быть довольною своею судьбою; никогда я ее не видалъ такою веселою и живою, какъ въ ту пору. Веселость этого семейства, нѣсколько шумная и завлекательная, какъ будто бы привилась къ ней, но не совсѣмъ пристала къ ея тихо-восторженному нраву. Отъ этого, можетъ быть, она мнѣ и казалась неестественною и ненадежною. Я почти всегда заставалъ у Радизевскихъ цѣлое родственное общество; въ которомъ часу ни прiѣдешь, вѣчно бывало чай пьютъ, курятъ, смѣются, кричатъ... И Лина отлично разыгрываетъ роль гостепрiимной хозяйки: всѣхъ угощаетъ, смѣется громче другихъ, болтаетъ разный вздоръ, и вполнѣ предается удовольствiю чувствовать себя среди непринужденнаго, безцеремоннаго общества.

«Должно быть, говорила она мнѣ въ тѣ рѣдкiя минуты, когда я бывалъ съ нею одинъ, должно быть, вы меня просто не узнаете, Трифонъ Васильевичъ? но я вамъ говорила, что я въ этомъ семействѣ оживу—я просто отдохнула сердцемъ, я чувствую себя совершенно счастливою... Какiе они всѣ прекрасные люди, не правда ли? и какъ легка жизнь отъ этой простоты въ обращенiи! Право, я чувствую, какъ будто съ меня бремя спало... никогда не ощущала я такого довольства—ни во время дѣтскихъ занятiй, ни позднѣе, въ первыя поры моего восхищенiя отъ свѣта. Въ дѣтствѣ, въ моихъ восторгахъ, въ этомъ рвенiи къ ученiю, было что-то судорожное и болѣзненное; это болѣе походило на поддѣльное раздраженiе организма, и такое напряженное состоянiе было тягостно. Про свѣтъ и говорить нечего; если метафизическiя отвлеченности, выспренняя поэзiя, науки, были не по моему слабому уму, то для

свѣта я еще не довольно пуста... Но теперь, я совершенно въ своей тарелкѣ; мнѣ кажется, что я попала въ свою настоящую сферу.»

Вотъ что говорила Лина, и я ее слушалъ съ радостію; первое и главное мое желаніе было видѣть ее счастливою— цѣль была достигнута, чего же больше? Но я не могъ не удивляться, что она такъ вполнѣ подчинилась вліянію этого семейства. Не отдавать ему справедливости было не возможно; но мнѣ казалось, что хотя доброе и милое, оно стояло нѣсколько ниже ея въ умственномъ отношеніи; не то, чтобы они были люди глупые, но какъ-то кругъ понятій ихъ былъ ограниченнѣе, тѣснѣе ея; они такъ много говорили, такъ высказывались, что въ жизни ихъ не было мѣста для размышленія, для анализа самого себя и своихъ ощущеній. Весь ихъ умъ былъ тутъ на-лицо, довольно мѣткій, довольно забавный подъ часъ, но не глубокій. По моему мнѣнію, въ ихъ обществѣ могло быть весело, даже пріятно, въ теченіе какого нибудь часа, или двухъ; но этотъ вѣчный трезвонъ, этотъ смѣхъ, этотъ постоянный обмѣнъ словъ, а не мыслей, долженъ былъ надоѣдать своею пустотой. А Лина ихъ всѣхъ видѣла сквозь какую-то призму; мужа своего она считала какимъ-то высшимъ умомъ, и въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ ихъ всѣхъ умнѣе—болѣе думалъ, меньше говорилъ.—На Софью Ивановну она, подобно другимъ членамъ семейства, смотрѣла какъ на чистую, ангельскую, не земную душу. Софья Ивановна дѣйствительно была добрѣйшая женщина, безхитростная и наивная, и эту наивность, (которую странно было встрѣтить въ 35-ти лѣтней женщинѣ), принимали за какую-то святую чистоту.—Въ Вѣрѣ Ивановнѣ Лина находила поэтическую иде-

альность мыслей, тогда какъ мнѣ казалось, что она разнила отъ своихъ только въ манерѣ высказывать свои мысли; она ихъ облекала въ болѣе изысканную форму, любила иногда и фразой блеснуть, употребляла отборныя выраженія, и говорила тихимъ звучнымъ голосомъ.—Но я не старался разочаровывать Лины на счетъ ея новаго семейства; «тѣмъ лучше, думалъ я, что она ихъ такъ идеализируетъ въ своемъ воображеніи; ее любятъ, ее обожаютъ «всѣ, она счастлива... зачѣмъ отнимать у нея эту поэзію... «съ годами и такъ пройдетъ... Къ тому же это увлеченіе «понятно, въ первыхъ порахъ супружества; понятно и то, «что она съ наслажденіемъ предается умственной праздно«сти... Правда, я ожидалъ, я надѣялся, что въ ней больше «самостоятельности; что эта самостоятельность, твердыя «убѣжденія, умственная дѣятельность, разовьются въ ней при «независимыхъ обстоятельствахъ, и приложатся къ жизни, «что она пойдетъ своей собственной дорогой, къ своей соб«ственной цѣли... Но была ли ей указана эта цѣль? и ея «ли вина, если она блуждаетъ теперь?...»

Иногда я заставалъ Наталью Өедоровну у Радизевскихъ и она, кажется, была довольна. Всѣ были съ нею чрезвычайно ласковы и любезны; можетъ быть, она бы втайнѣ желала болѣе форменнаго уваженія, болѣе наружнаго вниманія, но прямое, сердечное расположеніе, не смотря на безцеремонность въ обращеніи, не могло не найти въ ней отголоска. Мерлинскій также заходилъ почти каждый день къ дочери, но только на минуту; поцѣлуетъ ее въ лобъ, разсѣянно протянетъ руку Сергѣю Ивановичу, пробѣжитъ раза два по комнатѣ, откроетъ рояль, попробуетъ двѣ, три ноты однимъ пальцемъ, скажетъ: «ты что-то мало иг-

раешь Лина,» схватитъ шляпу и бѣжитъ вонъ изъ комнаты, напѣвая себѣ подъ носъ: «пора, пора.»

Въ половины мая, Радизевскіе стали собираться въ деревню; Наталья Ѳедоровна провожала ихъ со слезами... Анна Николаевна перекрестила и сказала съ улыбкой: «Богъ съ вами, дѣтки, поѣзжайте въ деревню, это дѣло хорошее... И я бы поѣхала съ вами, да старыя кости покоя просятъ.»

Борисъ Андреевичъ находился въ сильномъ волненіи, и цѣлый день, не переставая, пѣлъ раздирательнымъ фальцетомъ: «Voici l'instant suprême, l'instant de nos adieux...»

Меня Радизевскіе также звали пріѣхать вмѣстѣ съ Мерлинскими къ нимъ въ деревню, но мнѣ было невозможно оставить свою практику, и ѣхать за 250 верстъ, и я долженъ былъ отказаться отъ ихъ приглашенія.

Я надѣялся ихъ увидѣть осенью, но лѣтомъ старуха Радизевская скоропостижно скончалась, и имъ не зачѣмъ было пріѣзжать въ Москву;—они остались жить въ деревнѣ.

Тоска.

ГЛАВА III.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ, я не видалъ Лины; къ Мерлинскимъ я продолжалъ ѣздить, когда Наталья Ѳедоровна не гостила у дочери. Отъ нея я имѣлъ извѣстія о Линѣ, но эти извѣстія относились только до ея здоровья и до обыкновенныхъ обстоятельствъ ея жизни. Что же касается до ея моральнаго состоянія, до внутренняго ея счастія и задушевныхъ мыслей, я долженъ былъ оставаться въ невѣденіи. Я бы не рѣшился объ этомъ спросить Наталью Ѳедоровну, да и къ тому же зналъ, что Лина къ ней большаго довѣрія не имѣетъ. Но по общимъ разсказамъ Мерлинской, я надѣялся, что все идетъ хорошо;—у Лины было уже двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка—Борисъ и Анна. Наталья Ѳедоровна ихъ, разумѣется, обожала, и безпрестанно повторяла, что Лина, послѣ воспитанія, которое она сама получила, совершенно въ состояніи воспитывать, какъ слѣдуетъ, и дѣтей своихъ. «На счетъ физическаго воспитанія, говорила она, Лина, конечно, еще нѣсколько неопытна, но на то вѣдь я тутъ.»—Я подумалъ про себя, что лучше бы было, въ физическомъ отношеніи воспитывать дѣтей ближе къ природѣ, проще, такъ, какъ были воспитаны Радизевскіе, и не слишкомъ слѣдовать въ этомъ случаѣ теоріямъ Мерлинской. Лина далеко не могла служить

образцемъ счастливаго физическаго воспитанія... Теперь однако не слышно было, особенно сначала, чтобъ она страдала чѣмъ нибудь, и жаловалась на свое здоровье. «Только «все не полнѣетъ, говорила мать; все такая же эѳирная, «блѣдная,—а Радизевскій ещепоправился,—ну, да видно это «въ ея природѣ, ужь такое сложеніе, ей никогда толстой «не быть; а зять мой все удивляется: «чего тебѣ, кажется, «недостаетъ, говоритъ онъ ей часто, и воздухъ прекрасный, «и жизнь правильная и спокойная, и пища здоровая, не тя-«желая....»

—Ну, а что̀ же на это отвѣчаетъ Лина Борисовна? спросилъ я.

—Ничего, смѣется; говоритъ, что женщину не выкормишь какъ барана, а Серёжа на это отвѣчаетъ: «особенно, когда она ѣстъ какъ птичка.» Онъ, право, иногда пресмѣшной, мой зять.

Этотъ разговоръ заставилъ меня призадуматься; я помнилъ, что Лина начала поправляться передъ отъѣздомъ въ деревню, и я надѣялся, что жизнь деревенская, беззаботная и спокойная, которая въ дѣтствѣ всегда имѣла на нее благотворное вліяніе, и теперь много сдѣлаетъ въ ея пользу.— Можетъ быть, думалъ я, ее утомили роды... двое дѣтей къ ряду—это для нея слишкомъ тяжело. Первые же роды ея были очень трудны; она страдала три дня, но благодаря пособію искуснаго акушера изъ сосѣдняго, губернскаго города, дурныхъ послѣдствій не было; второй разъ, она родила очень легко, не все же, думалъ я, ей нѐкогда было поправиться.

Такъ прошло три года; однажды,—это было въ началѣ декабря, —присылаютъ мнѣ сказать отъ Мэрлинскихъ, что

Наталья Ѳедоровна (которая всю осень провела у Радизевскихъ) воротилась и желаетъ меня видѣть. Первое слово ея, когда она меня увидѣла, было:

—Знаете ль, Лина не совсѣмъ здорова, и скоро сюда будетъ.

— Что же у нея такое? спросилъ я съ безпокойствомъ.

—Она опять беременна, докторъ, и на этотъ разъ, она свое положеніе какъ-то труднѣе выноситъ—тоскуетъ, худѣетъ... должно быть нервы разстроены... Зять мой очень безпокоится; акушеръ Р-скій, къ которому они привыкли, оставилъ край, и они рѣшились на зиму пріѣхать сюда. Это ее развлечетъ; перемѣна мѣста часто бываетъ очень полезна въ нервномъ разстройствѣ... да и вы ее увидите, Трифонъ Васильевичъ; вы знаете ея натуру, вы ей поможете.

Дѣйствительно, недѣли черезъ двѣ послѣ этого, Радизевскіе пріѣхали и остановились у Мерлинскихъ. Въ одно утро, пріѣзжаю къ Натальѣ Ѳедоровнѣ, вижу: вездѣ въ домѣ бѣготня, суета... по лѣстницѣ тащатъ чемоданы, всѣ двери настежь растворены—словомъ, старый домъ оживился. Спрашиваю: «что такое?» говорятъ: «молодая барыня пріѣхала.» —Спѣшу впередъ—въ залѣ спотыкаюсь на игрушки—по полу ползаетъ дѣвочка, толстенькая, черноволосая, какъ двѣ капли воды похожая на Радизевскаго; около нея стоитъ мальчикъ, бѣлокурый, тоненькій, съ синими стыдливыми глазами, настоящій портретъ Лины. Полная Нѣмка лѣтъ 50-ти, и кормилица въ кокошникѣ хлопочутъ около дѣтей. Я подошелъ къ нимъ, но мальчикъ съ такимъ испугомъ спряталъ свою голову въ юбку нянюшки, а дѣвочка такъ громко и пронзительно взвизгнула, что я долженъ былъ тотчасъ

же отхлынуть назадъ. — Радизевскій показался въ дверяхъ гостиной—онъ значительно пополнѣлъ, и отпустилъ себѣ бакенбарды, что̀ дѣлало его голову еще огромнѣе, и придавало ему видъ постарше.

—А это вы, сказалъ онъ съ обыкновеннымъ радушіемъ, протягивая мнѣ обѣ руки,—это вы, мой милый докторъ, надѣлали всю эту тревогу;—дикари они, мои дѣти, настоящіе Т-скіе мужички, особенно Анка—у—у какая недоступная!

—На васъ похожа лицемъ, сказалъ я.

—Да! отвѣчалъ Радизевскій,—все вышло на изнанку,—а мальчикъ весь въ мать, вишь какой стыдливый, настоящая мамзель.—Но пойдемте къ женѣ—она васъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ; что̀-то ей нездоровится, да не признается, поговорите-ка вы съ нею.

Мы вошли въ гостиную—тамъ пили чай—Наталья Ѳедоровна сама хлопотала за самоваромъ, Мерлинскій напѣвалъ самую веселую свою арію, Лина, блѣдная и утомленная, сидѣла въ большихъ креслахъ. При видѣ моемъ, она слегка приподнялась и улыбнулась, но такъ болѣзненно, такъ слабо, что отъ этой улыбки еще болѣе обозначилась впалость ея щекъ.

—Что̀ съ вами, Лина Борисовна? спросилъ я испуганнымъ голосомъ.

Лина принужденно засмѣялась.—«Помилуйте, докторъ, сказала она, беременная женщина проѣхала 250 верстъ, по ухабамъ, и вы спрашиваете что̀ съ нею!»

—Но вы ничего особеннаго не чувствуете?

—Усталость, слабость... больше ничего....

—Однако вы похудѣли.

— Я всегда худѣю въ этомъ положеніи... но давайте жь говорить о чемъ нибудь о другомъ, Трифонъ Васильевичъ,.. все про себя, да про свое положеніе, да про ухабы... это скучно, славу Богу, что отъ нихъ избавились.... Видѣли вы моихъ дѣтей?

—Видѣлъ, но они дичатся меня.

— Въ деревнѣ мало видятъ людей, особенно осенью—здѣсь привыкнутъ...

Голосъ Лины, сначала отрывистый, съ послѣдними словами звучалъ вяло и слабо; видно было, что она говорила для того, чтобы говорить, но безъ душевнаго участія.— Мужъ подошелъ къ ней, и сказалъ ей съ настойчивостію:

—Ты бы пошла отдохнуть;—если спать не хочешь, то по крайней мѣрѣ полежи.

— Пожалуй, отвѣчала она равнодушно, и встала.

Я остался въ гостиной — Радизевскій послѣдовалъ за женою; черезъ пять минутъ онъ воротился.

— Сегодня, сказалъ онъ мнѣ,—она рѣшительно не въ состояніи говорить съ вами; но прошу васъ, заѣзжайте завтра, и постарайтесь узнать, что̀ съ нею; — она, по видимому, ничѣмъ не страдаетъ, а между тѣмъ все худѣетъ.... Если ее спросишь, о чемъ она тоскуетъ — она или сердится, или смѣется и говоритъ, что ничего нѣтъ, что всѣ съ ума сошли, и попусту къ ней пристаютъ.

— Я рѣшительно приписываю это ея положенію, сказалъ я; въ самомъ дѣлѣ лучше оставить ее въ покоѣ.

— Но вѣдь другіе раза этого не было.

— Это ничего не значитъ, одна беременность не походитъ на другую.

Я такъ сказалъ Радизевскому, чтобы его успокоить, но

самъ рѣшился внимательно наблюдать за Линой; я боялся, что тутъ кроется какая нибудь внутренняя, моральная причина, и надѣялся на ея довѣренность ко мнѣ, чтобы выйти изъ сомнѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, думалъ я, это что нибудь да не даромъ; по видимому, ничего не перемѣнилось, а между тѣмъ сколько я могъ видѣть въ эти короткія минуты, Лина уже не та — щеки ввалились, глаза стали такіе вялые, смѣется она какъ-то принужденно, говоритъ съ усиліемъ; — нѣтъ, тутъ должно быть болѣе чѣмъ физическая усталость.

—

И я сталъ ѣздить каждый день къ Линѣ, но откровеннаго разговора мнѣ съ нею долго не случалось имѣть; она какъ будто его избѣгала, а я не хотѣлъ напрашиваться на ея довѣренность. Къ тому же я хотѣлъ прежде наблюдать за нею, удостовѣриться въ своихъ предположеніяхъ, а до сихъ поръ еще ничто не подтверждало ихъ. Правда, Лина казалась мнѣ иногда нѣсколько странною; расположеніе духа ея было неровно — то она была какъ-то разсѣянна, вяла,—то раздражительно весела, принужденно любезна ко всѣмъ окружающимъ, какъ будто ей хотѣлось загладить свое минутное равнодушіе... Часто случалось ей расспрашивать меня на счетъ дѣтей, какъ обращаться съ ними, какъ ихъ воспитывать физически... малѣйшій насморкъ ее тревожилъ.... А другой разъ цѣлые три часа не хватится о нихъ и такъ утомляется ихъ крикомъ, что ихъ принуждены отдалять. — Правда, Наталья Өедоровна возилась съ ними цѣлый день, и до того надоѣдала нянькѣ, что та бѣгала какъ угорѣлая по дому, вздыхая и жалуясь на старую барыню.

Линѣ всего три недѣли оставалось ходить; я съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея разрѣшенія, и надѣялся, что послѣ этого она опять придетъ въ свое нормальное положеніе. «Если же это состояніе и тогда продолжится, думалъ я—мы ужь тутъ успѣемъ изслѣдовать это дѣло, а теперь ничего нельзя сказать навѣрное; на многихъ женщинъ находитъ апатія въ этомъ положеніи.»

Такъ проходили дни и срокъ приближался. Лина уже никуда не выѣзжала, но ее всякій день посѣщали ея родные. Софья и Вѣра Ивановна, Артемій Ивановичъ безпрестанно ее окружали; но мнѣ показалось, что ея родственный восторгъ къ нимъ нѣсколько поуменьшился; однако, она въ этомъ не сознавалась, и часто говорила мнѣ, что она ихъ очень любитъ и цѣнитъ. Я также замѣтилъ, что и они (если можно такъ выразиться) не такъ подобострастно глядѣли на нее... Прежде, ея воспитаніе, ея познанія, благородное спокойствіе въ обращеніи, которое отличало ее отъ всѣхъ, и какъ будто ставило выше другихъ, заставили и ихъ ожидать отъ нея чего-то особеннаго. . . между тѣмъ время прошло и вѣрно не оправдало ихъ ожиданій! . .

Случалось мнѣ даже слышать (въ особенности отъ Софьи Ивановны) намеки на то, что современныя жены не умѣютъ цѣнить своего счастья, что съ прежними мужьями не смѣли предаваться тоскѣ и скукѣ, безъ всякой причины; что теперь молоденькихъ женщинъ слишкомъ балуютъ и тому подобное....

Явилась съ визитомъ и Прасковья Никитична; бодрая старушка казалась мнѣ вѣчною — она насъ всѣхъ переживетъ, думалъ я.

— Что̀, матушка, сказала она Натальѣ Өедоровнѣ,—теперь съ внучатами возишься?.. смотри не уняньчай ты ихъ, какъ уняньчила дочку-то... ну, что̀ за прибыль, что ты съ ней такъ возилась, да такъ учила ее?..

— Какъ, что̀ за прибыль, «ma tante?» — отвѣчала обиженная Наталья Өедоровна;—прибыль та, что многіе мнѣ отдали справедливость; — дочь моя имѣла нѣсколько очень блестящихъ партій, и сдѣлала выборъ, который говоритъ въ пользу ея сердца и разсудка...

—Все это очень хорошо сказано, бормотала старуха,—а по нашему такъ проще—въ дѣвкѣ на что, кажется, ученость... была бы красива, да была бы здорова — а умъ и толкъ сами придутъ (безъ ученія), когда нужно будетъ.

Наталья Өедоровна дѣлала нетерпѣливое движеніе, а Сергѣй Ивановичъ, который не любилъ споровъ и всего, что походило на несогласіе, обратитъ все въ шутку, или скажетъ старушкѣ какую нибудь любезность на счетъ стараго вѣка, и Прасковья Никитична въ немъ просто души не чаетъ! . . .

—

Наконецъ Лина родила и благополучно; но тотчасъ послѣ, она такъ ослабѣла, что ей пришлось недѣли двѣ пролежать въ постели. Этотъ естественный процессъ, который, хотя совершается трудно, но далеко не есть болѣзнь, (не даромъ же русскія женщины говорятъ: «крута горка да забывчива»), былъ слишкомъ тяжелъ для ея слабой природы, и совершенно ее истощалъ. Я помню, когда она въ первый разъ вышла въ гостиную, всѣ испугались. . . Это была не женщина, а тѣнь: блѣдная, прозрачная, худая, она шата-

16

лась изъ стороны въ сторону, дошла до перваго кресла, и безъ чувствъ упала на него. — Однако, мало по малу, силы ея стали возвращаться, и скорѣе чѣмъ я ожидалъ, послѣ такого разслабленія. «Нѣтъ, думалъ я, организмъ отъ природы хорошъ, но его ослабили и раздражили воспитаніемъ — Прасковья Никитична не совсѣмъ ошибалась . . . что̀ тутъ дѣлать уму, когда физику убили.»

Прошелъ мѣсяцъ, Лина поправилась, но морально не оживала—я даже нашелъ, что она больше упала духомъ, чѣмъ передъ родами; принужденной веселости, минутныхъ вспышекъ чувства къ дѣтямъ и къ мужу, я уже въ ней не замѣчалъ; она была однообразно вяла и тосклива, разговора со мной она уже не избѣгала, но какъ будто дожидалась моего вопроса . . .

Разъ, я ее засталъ въ слезахъ.—«Что̀ это? сказалъ я ей полушутя,—опять нервы разстроены ... полноте, сударыня, плакать-то—-развлекитесь, займитесь чѣмъ нибудь . . .

—Поздно теперь, Трифонъ Васильевичъ, отвѣчала она грустно,—чѣмъ мнѣ заняться, на что̀ я годна?

— Какъ на что̀, Лина Борисовна! вы ли это говорите?.. вы ли забываете, что у васъ есть дѣти, мужъ, который васъ любитъ, семейство, хозяйство.... а ваши книги? а ваша музыка? Помилуйте, неужели и ваши способности, и ваши чувства, все, все умерло въ васъ?.. но что̀ же могло ихъ притупить? развѣ....

Лина быстро взглянула на меня. «Трифонъ Васильевичъ, сказала она съ волненіемъ, я вижу, вы полагаете, что я имѣю причины жаловаться на свою судьбу. .. я именно боялась такого заключенія съ вашей стороны, и по этому долго избѣгала разговора съ вами — къ тому же, я тогда

еще не понимала сама своего положенія... я видѣла, что я несчастлива, но не знала отъ чего... Всякая другая женщина, на моемъ мѣстѣ, была бы счастлива и довольна. Вы знаете, я вышла замужъ безъ пылкой привязанности къ мужу, а больше по разсудку — и я не раскаяваюсь въ этомъ, я не ошиблась въ немъ онъ прекрасный, благородный человѣкъ, онъ меня любитъ... другому бы я давно надоѣла... Онъ ничего отъ меня не требуетъ... характеръ его ровенъ — нравъ легокъ... онъ отъ всего сердца желаетъ, онъ все дѣлаетъ для того, чтобы я была счастлива... Но я, я одна всему причиной!... я ни за что не умѣла взяться, я предалась какой-то лѣни, какой-то вялости, — а теперь не могу, не могу настроиться на истинный путь... да и какъ-то никакого желанія, никакого рвенія нѣтъ...»

— Но что̀ же убило все это въ васъ?

— Что̀? это трудно сказать... слабое здоровье... недостатокъ физическихъ силъ и.... душевной твердости.... Лина остановилась и въ нерѣшимости задумалась—видно было, что она не хотѣла досказать своей мысли.

— Вы не все говорите, что̀ у васъ на душѣ, сказалъ я; а старому другу можно было бы довѣриться совершенно — вѣдь вы не разъ испытали меня...

— Я знаю, я знаю, сказала она со вздохомъ,— не думайте, чтобы я сомнѣвалась въ васъ... но передъ самой собой совѣстно, тяжело обвинять ту, которая такъ много сдѣлала для меня... да и нельзя ее обвинять — она дѣлала какъ другіе, она хотѣла сдѣлать лучше, чѣмъ другіе....

— Да, намѣренія ея были чисты и высоки, отвѣчалъ я;—я тогда самъ увлекся ея образомъ мыслей — и много ожидалъ отъ васъ послѣ такого воспитанія.

—И знаете-ль, сказала Лина, кто открылъ мнѣ глаза, кто навелъ меня на истину? Прасковья Никитична! въ ея грубо высказанныхъ мнѣніяхъ, въ ея преувеличенныхъ словахъ — много правды... Да, меня заучили — во мнѣ развили, раздражили какія-то умственныя потребности, которыя, безъ этого искуственнаго возбужденія, не возникли бы во мнѣ, и спали бы блаженнымъ сномъ невѣденія..... Ослабленное этимъ моральнымъ напряженіемъ тѣло не могло слѣдовать за душой, за умомъ, и эти потребности, эти порывы, эти такъ называемыя способности остались не удовлетворенными, не полными. Онѣ не достигли до степени талантовъ, или полезныхъ познаній — все это осталось недоконченнымъ, недоработаннымъ, не созрѣвшимъ.... все это послужило только къ моему мученію, и сдѣлало изъ меня безцвѣтное, безполезное, болѣзненное существо... непонятую женщину.... Да, непонятую женщину, повторила Лина съ горечью — за таковую, по крайней мѣрѣ, меня должны считать. . .

— Но вы не даете повода такъ думать, сказалъ я; (мнѣ было ее такъ жалко въ эту минуту, въ ея словахъ такъ глубоко отзывалась душевная скорбь), — вы ни на кого не жалуетесь.

— Но всѣ знаютъ, что я счастлива, любима, живу въ спокойствіи, въ довольствѣ, — а между тѣмъ я скучаю... часто безъ причины грущу—расположеніе духа неровно, —ничто не радуетъ меня — ко всему я равнодушна...

— Это все приписываютъ вашему слабому здоровью.

— Да, до сихъ поръ такъ, и то не всѣ; мужъ мой, правда, безпокоится только о моемъ здоровьи, и не обвиняетъ меня, не упрекаетъ... но отъ этого мнѣ еще болѣе

совѣстно—мнѣ кажется, что онъ безсознательно страдаетъ отъ моей немощи. Какая я для него жена... какая я хозяйка, какая я мать для его дѣтей?... И Лина заплакала.

—Но неужели, спросилъ я,—вы не пробовали заняться какъ слѣдуетъ своими обязанностями, хозяйствомъ, дѣтьми?

— За хозяйство я и не бралась, сказала Лина;—сначала мнѣ было не до того: переходъ отъ ненавистнаго мнѣ свѣта, отъ скучнаго, натянутаго дома нашего, къ свободной, безцеремонной жизни, къ милому, радушному семейству, такъ былъ для меня пріятенъ, такъ облегчилъ и наполнилъ мое сердце, что я ни о чемъ не могла думать. Всѣ мои намѣренія, желаніе быть полезной, проэкты, — все было забыто. Потомъ, я хотѣла было приняться за хозяйство, но не знала рѣшительно, какъ за него взяться; въ практическомъ отношеніи я была невѣжда... сознавала это и желала, но не знала, какъ направить себя на истинный путь.— А между тѣмъ, я сдѣлалась беременна, мужъ боялся утомленія для меня — первый разъ это въ диковинку — васъ берегутъ... меня упросили, чтобы я не тревожилась—я послушалась — изъ лѣни... мнѣ страшно было приступить къ дѣлу.. я боялась, что не буду въ состояніи распутать этотъ хаосъ новыхъ понятій.... А тамъ родился ребенокъ — я горячо принялась за него, но тутъ была маменька.... Она меня рѣшительно не допускала до этихъ заботъ: «ты ничего «еще не смыслишь, говорила она, гляди на меня и учись— «такимъ образомъ ты и пріобрѣтешь опытность.» И я оставалась зрительницей; часто мнѣ казалось, что дѣло не такъ идетъ, но я не смѣла ей поперечить, чувствуя свое собственное невѣденіе.

—Но мать ваша потомъ уѣхала,—вы остались одни.

—Тогда я и принялась за дѣло — мужъ мой говорилъ мнѣ: «брось ты, пожалуйста, всѣ эти мудреныя сложности, онѣ ни къ чему не ведутъ.» Я и хотѣла это сдѣлать, но для этого надобно было имѣть большую энергію, слѣдовать своей собственной твердой системѣ, заставить нянекъ слушаться меня... Это было довольно трудно; Фридерика Карловна привыкла считать меня за ничто, и во всемъ относиться къ маменькѣ. Если я ей дѣлала какое-нибудь замѣчаніе, это ее какъ будто бы удивляло. . она возвыситъ голосъ, или какъ-то особенно насмѣшливо ухмыльнется и — дѣлаетъ по своему —а я сробѣю. Конечно, если бы я тогда рѣшилась выказать твердость, и приказала бы ей понастойчивѣе, она бы покорилась, вѣдь я все таки же хозяйка дома; но мнѣ не доставало на это рѣшимости... она была хороша съ ребенкомъ—и я боялась ее разсердить.

—Но вы могли бы на этотъ счетъ посовѣтоваться съ мужемъ—онъ бы съ ней сладилъ.

—Мнѣ было, во первыхъ совѣстно признаться ему въ слабости моего характера, да и не хотѣлось мнѣ ему надоѣдать такими мелочами. Онъ однако это самъ замѣтилъ, сталъ смѣяться надо мною, что я боюсь Фридерики Карловны, и нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ ее пугнуть. Но я его упросила этого не дѣлать; я боялась, что она откажется отъ дома, а мнѣ казалось, что она мнѣ необходима, что лучше ея никто не станетъ ходить за дѣтьми. Мужъ мой удивлялся моей боязни: «Не понимаю, говорилъ онъ, твоей деликатности съ этимъ народомъ: они непремѣнно употребятъ ее во зло.» Но онъ однако не дѣлалъ мнѣ на перекоръ. А нѣмка все болѣе и болѣе пріучала дѣтей къ себѣ, и удаляла ихъ отъ меня—они ко мнѣ и на руки не ходили... Иног-

да на меня просто нападало отчаяніе... во мнѣ проснется какая-то судорожная нѣжность къ нимъ—я па нихъ гляжу и плачу, и думаю: «бѣдныя дѣти, вы точно сироты!... вамъ были бы такъ нужны материнскія попеченія, сердечная ея забота.... а ваша мать предоставляетъ васъ наемницѣ!»

И тогда бывало, возьму твердое намѣреніе отпустить нѣмку, взять няньку по проще, помощницу, и все дѣлать сама... ходить за ними, укладывать ихъ.... Но эта рѣшимость меня скоро покинетъ—я вспомню о своемъ слабомъ здоровьѣ, объ усталости, которой не выдержу, и... все пойдетъ по старому... А тамъ маменька опять пріѣдетъ, опять приметъ бразды правленія — а я останусь въ бездѣйствіи....

—Все это очень грустно, отвѣчалъ я въ раздумьи,—но современемъ можетъ поправиться; дѣти ваши подростутъ, и если вы не могли взять на себя первыхъ физическихъ заботъ о нихъ, то вамъ еще предстоитъ ихъ правственное воспитаніе.

—До этого я не доживу, сказала Лина печально.

—Вы рѣшительно себя нарочно разстроиваете, сударыня, всѣми этими мрачными мыслями — вы слишкомъ много думаете... Зачѣмъ вамъ не заняться чѣмъ нибудь? вы прежде любили музыку,—серьёзное чтеніе васъ занимало—читайте, пишите, играйте—и черныя предчувствія разсѣятся, и вы оживете...

Лина покачала головой.

—Музыку сказала она,—я давно бросила—эти серьёзныя, классическія творенія Бетговена, Моцарта, Гуммеля нравятся однимъ знатокамъ; надобно глубоко понимать музыку, чтобы ихъ оцѣнять. Мужъ мой съ большимъ удовольстві-

емъ выслушаетъ какую нибудъ итальянскую аріетку, или веселую польку.

—Ну, что жь, вы бы ихъ и играли.

—Я пробовала, но не имѣю привычки—все какъ-то не то выходитъ.

—Помилуйте, Лина Борисовна, но классическую музыку гораздо труднѣе разыграть.

—Можетъ быть—но въ этомъ именно и бѣда; я столько лѣтъ трудилась надъ этими трудностями, и все это ни для чего!... Я своимъ талантомъ не могу даже доставить удовольствія въ домашнемъ кругу, отъ того что я не обладаю этимъ «шикомъ», который нуженъ въ исполненіи легкихъ вещей.—Пріѣдетъ, бывало, какая-нибудь сосѣдка, полу-образованная провинціяльная барышня, пробренчитъ польку, вальсъ, или изъ «Лучіи», но съ такимъ «entrain», такъ легко, такъ весело, что просто станетъ досадно на себя...

—Что жь касается до другихъ занятій, продолжала Лина,—то онѣ для меня потеряли всю прежнюю свою прелесть... Стихи пишутъ всѣ по французски, да и какъ-то смѣшно русской писать по французски, а по русски не могу .. Серьезныя чтенія, науки, литтература, ничто меня особенно не привлекаетъ... прежде я все любила, но тогда у меня была цѣль—я стремилась къ какому-то идеальному совершенству... я еще надѣялась, я еще вѣрила, что это меня поведетъ къ чему то особенному... къ какому-то счастію, къ какимъ-то наслажденіямъ... а теперь передо мною одна голая, безцвѣтная дѣйствительность, и моя собственная пустота...

—Но у васъ можетъ быть цѣль—готовьте познанія, свѣдѣнія, мысли къ воспитанію дочерей своихъ.

—Зачѣмъ ихъ развивать, зачѣмъ ихъ учить? не для того-ли, чтобъ изъ нихъ вышли такія же безполезныя, хилыя существа какъ я...

—Знаете-ль что̀, Лина Борисовна? сказалъ я вдругъ,—знаете-ль, отъ чего вы такъ несчастливы, отъ чего вы мучаетесь безъ причины, худѣете, блѣднѣете, изводитесь? Отъ того, что вы слишкомъ думаете, отъ того, что въ васъ слишкомъ развита аналитическая способность... Если бы вы не вглядывались такъ глубоко во всѣ свои чувства и мысли, не отдавали себѣ такого сознательнаго, такого подробнаго отчета въ малѣйшемъ впечатлѣніи и ощущеніи — вмѣстѣ съ отвлеченными размышленіями пропала бы и безпричинная грусть и эта безъимянная тоска, и все бы опять пошло на ладъ... Послушайте меня—есть одно средство вамъ исцѣлиться—оно въ васъ самихъ.—Я помню, въ вашемъ дѣтствѣ меня поразило ваше участіе къ разсказамъ мадамъ Бюгно о жизни фермеровъ; я увѣренъ, что ваши первоначальныя наклонности, ваши вкусы, были просты и естественны—вы рождены хозяйкой... Это назначеніе заглушено кривымъ, одностороннимъ воспитаніемъ, но оно можетъ возвратиться; чрезмѣрное раннее умственное упражненіе вамъ въ прокъ не пошло — попробуйте, погрузитесь въ матеріальный міръ, займитесь хозяйствомъ не на шутку, употребите на это всю свою энергію, приневольте себя, сдѣлайтесь мелочнѣе, если это нужно!... Если встрѣтятся затрудненія, непріятности, не робѣйте... сердитесь, бранитесь, увлекайтесь этими мелочными интересами—и если вамъ удастся сдѣлаться хотя посредственной хозяйкой — я васъ поздравлю, вы будете изцѣлены...

Лина слушала меня со вниманіемъ, и задумалась надъ моими послѣдними словами.

—Хорошо, сказала она наконецъ,—я попробую, я постараюсь, я соберу свои послѣдніе силы.

—И вы успѣете въ своихъ усиліяхъ; я увѣренъ, что когда я васъ увижу опять, я васъ не узнаю... Въ васъ нѣтъ болѣзни, но вы ослабѣли отъ думъ, сударыня, отъ думъ-съ, повѣрьте мнѣ.

Лина слабо улыбнулась, но мнѣ показалось, что новая мысль ее нѣсколько оживила.

Недѣли черезъ двѣ, послѣ этого, Радизевскіе уѣхали въ деревню; мы простились, но въ этотъ разъ не надолго; они рѣшили пріѣхать опять въ Москву на слѣдующую зиму, но хотѣли нанять себѣ отдѣльный домъ. Сергѣй Ивановичъ, не смотря на просьбу Мерлинскихъ, ни за что не соглашался опять остановиться у нихъ; «мы васъ стѣсняемъ, говорилъ онъ, я это ясно вижу.» Но въ сущности, его самого тяготила торжественная церемонность, царствующая у нихъ.

Хозяйственные опыты.

ГЛАВА IV.

Прошло лѣто, прошла осень—Радизевскіе возвратились по первому пути. Я поспѣшилъ къ нимъ въ тревожномъ ожиданіи.—Отъ удачи или неудачи Лины въ ея хозяйственныхъ предпріятіяхъ много зависѣло — все должно было рѣшиться этимъ: ея счастіе, ея будущность... можетъ быть, ея жизнь. Желаніе быть полезной, составить счастіе окружающихъ, и сознаніе собственнаго безсилія были въ ней такъ живы, такъ глубоки, что со временемъ могли бы совершенно убить ея нѣжный организмъ. Въ ней не было еще болѣзни, но постоянное, усиленное раздраженіе нервовъ, въ которомъ она находилась въ продолженіе всей своей жизни расположило ее къ изнурительной лихорадкѣ; первое моральное потрясеніе могло бы развить въ ней эту болѣзнь, если она не успѣетъ заранѣе укрѣпиться физически.

Я зналъ все это и дрожалъ за нее, и боялся ошибиться въ послѣднихъ своихъ надеждахъ.

Я засталъ Лину съ мужемъ. Сергѣй Ивановичъ хлопоталъ объ устройствѣ дома—она равнодушно глядѣла на его распоряженія, и видно было по ея лицу, что она не принимала въ нихъ никакого участія. Она еще похудѣла—блѣдная, вялая, съ впалыми глазами, одѣтая безъ всякаго кокетства—вотъ какою представилась мнѣ Лина. Въ 24 го-

да—отцвѣтшая женщина!... Я поглядѣлъ на нее и подумалъ: «нѣтъ, ея не воскресишь....»

Она, должно быть, поняла печальное значеніе моего взгляда—она горько улыбнулась, и потомъ тяжело, судорожно вздохнула; этотъ вздохъ былъ почти похожъ на стонъ....

Сергѣй Ивановичъ подошелъ ко мнѣ; онъ не перемѣнился, лицо его дышало здоровьемъ, но онъ мнѣ показался серьезнѣе прежняго; впослѣдствіи я нашелъ, что онъ сталъ какъ-то молчаливѣе, подъ часъ скучалъ и казался не въ духѣ... унылое настроеніе духа жены безсознательно дѣйствовало на него. Однако были минуты, когда природная веселость и живость брали опять верхъ, но Лина уже не смѣялась его смѣху, не вторила ему, какъ въ былые годы, и веселость его замирала безъ отголоска. Сергѣй Ивановичъ былъ впечатлительный человѣкъ, но впечатлѣнія по немъ скользили скоро. Бывало задумается при взглядѣ на блѣдное, изнеможенное лице жены, видно, что его тревожитъ мучительная мысль, а тамъ пріѣдетъ кто нибудь изъ его близкихъ, братъ или сестры; не пройдетъ двухъ минутъ, и раздаются уже веселый говоръ и хохотъ.

Но возвратимся къ моему первому визиту въ этотъ годъ: Сергѣй Ивановичъ подошелъ ко мнѣ; онъ казался озабоченъ, но старался скрыть свое безпокойство подъ веселымъ тономъ.

—Неправда ли, докторъ, намъ воздухъ деревенскій не годится?—Лина не признается, а я говорю, что она просто худѣетъ отъ скуки. Кто привыкъ къ городу, къ обществу, къ шуму и развлеченію, тому, разумѣется, не живется въ нашей глуши.

—По мнѣ, отвѣчала Лина,—такъ вездѣ одно... на что мнѣ городъ? вѣдь свѣтъ давно мнѣ надоѣлъ.

—Знаете-ль докторъ? подхватилъ Сергѣй Ивановичъ,—это у нея манія; эти свѣтскія женщины всѣ такія: сгоряча откажутся отъ свѣта, а потомъ не хотятъ признаться, что безъ него скучно... а она—свѣтская женщина, повѣрьте мнѣ; она такъ много ѣздила въ свѣтъ, такъ привыкла къ нему, что ей нельзя не скучать въ уединеніи.

Я молчалъ, я не могъ согласиться съ нимъ, а спорить съ нимъ на этотъ счетъ, доказать ему, что онъ ошибается, было не мое дѣло—тутъ была Лина. Но Лина также молчала, лицо ея выражало утомленіе—видно было, что ей лѣнь возражать: «думайте, что хотите, мнѣ все равно»—вотъ что читалось на немъ.

Видя, что никто изъ насъ не отвѣчаетъ, Сергѣй Ивановичъ продолжалъ, какъ бы подстрекая самого себя: «И вообразите себѣ, докторъ, что̀ моя жена выдумала нынѣшнее лѣто: съ этимъ слабымъ здоровьемъ, съ этимъ нѣжнымъ сложеніемъ, съ этой хрустальной фигурой—Лина Борисовна изволила себѣ вообразить, что изъ нея можетъ выйти хозяйка! Добро бы она еще занялась хозяйствомъ умѣренно, по силамъ, а то... по погребамъ, по подваламъ, въ кухню...

—Что жь, это очень хорошо, сказалъ я,—хозяйское дѣло; ну, въ погребъ, разумѣется, можно было и не ходить—это такъ, излишнее рвеніе... Но все же это лучше, чѣмъ когда женщина вовсе не занимается своимъ дѣломъ.

—Пожалуйте, докторъ, что̀ жъ тутъ хорошаго? гдѣ жь ей все это вынести, не на то приготовлена... Впрочемъ, признаюсь вамъ, я сначала, также какъ и вы, обрадовался этой фантазіи... Она все скучала, ну, думаю, нашла себѣ занятіе, тѣмъ лучше! Къ тому же у насъ эта часть въ большомъ безпорядкѣ—люди крадутъ, пропасть денегъ идетъ на нихъ,

а между тѣмъ, толку никакого—всѣ недовольны; давно бы слѣдовало приняться за это, я не разъ объ этомъ думалъ, да не мужское дѣло... Вотъ моя Лина и принялась распутывать всю эту штуку, да такъ ее запутала, что теперь хоть и не гляди... Гдѣ же ей, помилуйте, сладить съ этимъ народомъ?—Бывало собирается цѣлую недѣлю побранить человѣка за какую нибудь вину или оплошность, наконецъ рѣшится—позоветъ его, и дрожащимъ, торопливымъ голосомъ говоритъ ему: «Иванъ, ты это не хорошо сдѣлалъ... ну, ступай, ступай....» а сама такъ и краснѣетъ.—Разумѣется, послѣ этого, всѣ у нея на шеѣ и сидятъ. Съ людьми-то я пожалуй еще и за нее бы распорядился — но съ женщинами, съ экономкой — мое почтеніе.... Словомъ, я вамъ говорю, вмѣсто экономіи, вмѣсто порядка, она надѣлала такую путаницу, что не дай Богъ... Впрочемъ, не въ томъ бѣда; повторяю вамъ, я не поглядѣлъ бы на то, что пропадаетъ лишняя копѣйка, лишь бы ее это занятіе тѣшило... зачѣмъ отнимать у нея игрушку... но она только измучилась бѣдная, извелась, похудѣла... какая же тутъ прибыль? согласитесь сами...

Я хотѣлъ было отвѣчать, но тутъ прервали нашъ разговоръ—пріѣхала Наталья Ѳедоровна, вслѣдъ за нею и Борисъ Андреевичъ, и я скоро уѣхалъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, не удалось мнѣ застать Лину одну; она и не искала случая говорить со мною—ей нечего было сказать—она совершенно упала духомъ. Сидитъ, бывало, какъ во снѣ, въ кругу своихъ родныхъ,—на мертвенномъ лицѣ ея читаешь: «говорите, шумите, я чужая между вами... Я васъ не слышу, не вижу...»

Однако разъ, заставши ее наконецъ одну, я рѣшился съ

ней поговорить серьезно... Я не могъ видѣть равнодушно, какъ это молодое существо вянетъ и гибнетъ въ моихъ глазахъ, и не стараться его спасти, поддержать... хотя я самъ питалъ уже мало надежды.

—Опять грустите, сударыня, сказалъ я; неужели первыя неудачи такъ смутили васъ? неужели вы не можете восторжествовать надъ собою, надъ препятствіями? только та побѣда и дорога, которая дорого куплена...

Лина отчаянно махнула рукой.

—Да, сказала она уныло, для другой женщины это было бы возможно, но я, я напрасно бьюсь въ своемъ безсиліи—оно меня одолѣваетъ.... Нѣтъ, я никуда не гожусь —остается накрыть меня саваномъ и положить въ гробъ... Я попробовала; Богъ мнѣ свидѣтель, намѣренія мои были тверды—я храбро принялась за дѣло, можетъ быть слишкомъ храбро. Вы знаете, что я въ половину не могу дѣлать вещей; и въ матеріальномъ отношеніи, я гонялась за совершенствомъ... все, или ничего! Мною овладѣла судорожная, всеобъемлющая дѣятельность—я въ недѣлю измучилась и ничего не сдѣлала.... Прислуга не понимала моихъ утонченныхъ, сложныхъ требованій, и не могла ихъ исполнять. И когда я стала сравнивать свою воображаемую цѣль, свои предположенья и надежды,—то̀, что должно было быть, съ тѣмъ, что было—я вполнѣ сознавала свою немощь, и руки мои опускались отъ безсилія...

—Зачѣмъ же было стремиться такъ далеко, такъ высоко? зачѣмъ было приниматься за все разомъ?

—Не могу, Трифонъ Васильевичъ, ужь таковъ мой характеръ—и прежде я такъ дѣлала, но тогда мнѣ удавалось...

—И теперь бы удалось, если бы достало терпѣнія...

—Нѣтъ, теперь другое дѣло; тогда, умственное развитіе дѣлало для меня возможными умственныя усилія... но именно, это исключительное развитіе ума, сдѣлало меня неспособною къ матеріальному труду. Занятія, ученіе пріучили меня къ сидячей жизни—по мѣрѣ того, какъ умъ упражнялся, тѣло привыкало къ лѣни. И теперь оно меня не слушается, малѣйшая суета, малѣйшій трудъ приводятъ меня въ такое утомленіе, что я принуждена лечь... Похожу ли немного —ноги заболятъ... принуждена ли я наклониться—голова закружится...

—Но я помню, прервалъ я ее, что вы на балѣ дѣлали не меньше упражненія—однако вы это переносили.

—Сначала, отвѣчала Лина,—пока не надоѣло мнѣ, удовольствіе мѣшало мнѣ чувствовать усталость, «c'était de la surexcitation,» но потомъ, вскорѣ явилось изнеможеніе съ скукой... А теперь, я стала вѣдь еще слабѣе; эти роды меня окончательно извели... И какъ я глупа, прибавила она, черезъ минуту, въ практической жизни! Я чувствую, мужъ мой правъ, я просто смѣшна въ глазахъ прислуги. Я совѣщусь имъ дѣлать замѣчанія, а между тѣмъ это необходимо для ихъ же добра—изъ неумѣстной робости, изъ нерѣшительности характера, я даю сильному обижать слабаго... Меня всегда дома держали такъ далеко отъ нихъ, что я не знаю ихъ требованій, ихъ нуждъ, а между тѣмъ, мнѣ такъ бы хотѣлось, чтобы имъ было хорошо... чтобы они были счастливы, довольны!..

Я слушалъ Лину, и мнѣ дѣлалось все тажелѣе и тяжелѣе на сердцѣ. Я сознавалъ невозможность исправить зло, причиненное ей этимъ воспитаніемъ, на которое я прежде глядѣлъ съ такимъ восторгомъ. Тяжело, тяжело мнѣ стало

видѣть и то, что она сама такъ ясно сознаетъ свои недостатки, такъ упорно, но такъ безполезно борется съ своимъ безсиліемъ. — Я простился и уѣхалъ.

Я тихо вышелъ въ переднюю—тамъ никого не было, и я самъ сталъ надѣвать свою шубу; изъ сосѣдней комнаты, черезъ полурастворенную дверь, мнѣ послышались слова, которыя обратили на себя мое вниманіе.... я сталъ прислушиваться. Люди вполголоса разговаривали между собою:

—Лекарь что-то больно часто сталъ ѣздить къ намъ, говорилъ одинъ голосъ.

—Вѣрно для барыни—вишь, какая блѣдная, худая, отвѣчалъ другой.

—Знать очень больна — жаль ее сердечную, она вѣдь добрая...

—Что̀ объ ней жалѣть? возражалъ третій голосъ,—что̀ за прокъ въ такой барынѣ—не студитъ и не грѣетъ...

Я отворилъ дверь и—печально уѣхалъ домой.

—

Я видѣлъ, что я теперь Линѣ не могу быть полезнымъ; мнѣ было горько смотрѣть на нее и чувствовать, что я не могу протянуть ей руки помощи. Но я все таки продолжалъ часто ѣздить къ ней; мнѣ казалось, что ей доставляло отраду говорить со мною, ей нѣкому было повѣдать свое горе—другіе бы приняли ея слова за жалобы. Я не хотѣлъ отнимать у нея послѣдняго утѣшенія—утѣшенія высказываться.... Часто, послѣ этихъ разговоровъ, приходила мнѣ мысль, что Радизевскій дѣйствительно прекрасный человѣкъ.—Терпимость его была примѣрна, а между тѣмъ,

онъ не выставлялъ ея впередъ, не давалъ замѣтить, что жена ему въ тягость, и продолжалъ по прежнему любить ее и ухаживать за нею, но просто, безъ всякаго усилія, какъ будто такъ слѣдовало быть. Онъ былъ положительный человѣкъ, не поэтизировалъ своего несчастія, и подобно мечтательнымъ душамъ, не находилъ наслажденія распространяться о томъ, чего поправить было нельзя. Однако ему, болѣе чѣмъ другому, нужна была бы практическая жена, потому что онъ самъ не былъ, въ полномъ смыслѣ слова, практическимъ человѣкомъ. Практичность и положительность—двѣ вещи разныя: онъ смотрѣлъ на жизнь вѣрно, ясно видѣлъ и понималъ необходимость порядка, устройства въ хозяйствѣ, но все таки, въ этомъ дѣлѣ, не могъ быть руководителемъ для молодой жены. Онъ самъ, безсознательно, нѣсколько виноватъ былъ въ несчастномъ направленіи, которое взяла Лина... Если бы въ немъ было развито это тонкое умственное чутье, которое, въ иныхъ исключительныхъ людяхъ, заставляетъ ихъ обсуживать и оцѣнять вещи съ перваго взгляда,—онъ понялъ бы тогда еще, когда бралъ молодую жену, чего недоставало въ ней, въ ея воспитаніи... въ чемъ ошиблись, какъ слѣдуетъ ее направить. Онъ не далъ бы ей, такъ сказать, облѣниться съ самаго начала, поддержалъ бы ее твердой рукой на новомъ пути, облегчилъ бы ей первые хозяйственные пріемы... Но что объ этомъ говорить? много ли такихъ людей... существуетъ-ли совершенство на землѣ, въ какомъ бы то ни было отношеніи? и не слѣдуетъ ли родителямъ такъ готовить своихъ дѣтей, чтобы обстоятельства, характеры, встрѣчаемые ими на жизненномъ пути, не мѣшали имъ исполнять своего назначенія.—Лина не нашла помощника,

руководителя въ мужѣ, но если бы въ ней самой была самостоятельность, — она бы не нуждалась въ поддержкѣ и въ помощи, и могла бы быть совершенно счастливою.

Она часто сама возвращалась къ этой мысли: «Боже мой, Боже мой! говорила она мнѣ, отъ чего я не могу быть счастливою? у меня все, все есть для счастія—а этотъ внутренній червь, эта тоска, это недовольство собою, все гложетъ да гложетъ меня...» И она прибавляла съ горечью: «убили во мнѣ всѣ природныя наклонности, и не замѣнили ихъ другими, отдалили отъ дѣйствительности, перенесли въ какой-то идеальный міръ, и сдѣлали изъ меня бремя для общества, для семейства, для мужа , для себя!...» И тогда нападало на нее отчаяніе, и она горько, горько плакала надъ своею безполезно утраченною молодостью, надъ душевными силами, погибшими даромъ, надъ безцвѣтной, тоскливой жизнью, которая ей еще предстоитъ.

—Трифонъ Васильевичъ, сказала она мнѣ однажды (это былъ послѣдній болѣзненный, отчаянный крикъ ея угасающей энергіи), — Трифонъ Висильевичъ, неужели все погибло, неужели вы не можете спасти меня, отъ самой себя?... скажите жь мнѣ средство выйти изъ этого положенія, спасите меня!...

Я печально молчалъ.

—Неужели я одна нахожусь въ такомъ положеніи? были же и другія женщины, воспитанныя такъ, какъ меня воспитали, и страдавшія какъ я, отъ внутренней немощи, отъ недостатка физическихъ силъ? Но онѣ вѣдь не умирали отъ безсилія? онѣ какъ нибудь да выходили изъ этого положенія... имъ помогали... значитъ средство есть, скажите — вѣдь оно есть?...

—Я вамъ уже все сказалъ, Лина Борисовна, предлагалъ вамъ всѣ возможные совѣты—но они остались недѣйствительными... видно зло успѣло пустить уже слишкомъ глубокіе корни... Да, я много видѣлъ женщинъ на своемъ вѣку; нѣкоторыя изъ нихъ, воспитаніемъ, здоровьемъ, невѣдѣніемъ въ житейскихъ дѣлахъ, неумѣніемъ взяться за нихъ, приближались нѣсколько къ вашему положенію... Нѣкоторыя изъ нихъ тосковали, жаловались на скуку и на немощь свою, но это было временное состояніе... Однѣ, собственной энергіей, упорными усиліями достигали до цѣли своей... Другія, оставались бременемъ для семействъ, проживали вѣкъ свой безполезно, но не предавались угрызеніямъ совѣсти—это были женщины безъ сердца и безъ ума... Другія, наконецъ .. но говорить ли о нихъ?... другія нашли себѣ другой исходъ... рѣшились спуститься ступенью ниже... стали искать другихъ радостей, другихъ волненій... и — среди бурныхъ страстей, забыли о достоинствѣ женщины, заглушили голосъ совѣсти и воспоминаніе о неисполненныхъ обязанностяхъ...

Лина меня сначала жадно слушала—я говорилъ медленно, уныло, но она съ какимъ-то судорожнымъ ожиданіемъ слѣдила за каждымъ моимъ словомъ, какъ бы надѣясь найти въ немъ свое спасеніе. Но когда я произнесъ послѣднія слова, лице ея покрылось смертной блѣдностію, на немъ изобразилась какая-то покорная рѣшимость — она встала...

— Все кончено, сказала она,—я вижу, нѣтъ мнѣ спасенія... остается умереть жертвой собственной немощи... Но, по крайней мѣрѣ, я буду чиста передъ Богомъ... и когда я явлюсь передъ Нимъ... я скажу Ему: «Господи, я возвра«щаюсь къ Тебѣ, моему Отцу и Создателю... возвращаюсь

«послѣ безполезной, пустой жизни на землѣ... я не исполнила своего назначенія, не исполнила обязанностей, которыя Ты наложилъ на меня... но вреда я не сдѣлала, я не «желала никому — и осталась непорочною... Господи, не «осуди меня слабую... прости мнѣ мою немощь...» И Онъ Всеблагой меня проститъ, вѣдь и я такъ много страдала....

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ — но это впечатлѣніе никогда не изгладится изъ памяти моей.... Я все еще вижу ее передъ собой — вотъ она стоитъ... блѣдная, измученная — но великая и достойная въ своемъ ничтожествѣ, въ своемъ смиреніи... Она казалась мнѣ въ эту минуту увѣнчанною мученицей, можетъ быть собственной мученицей... Другая бы на ея мѣстѣ женщина съ энергіей, съ твердой, непоколебимой волей, побѣдила себя, восторжествовала бы надъ всѣми препятствіями, сама исправила бы свое воспитаніе, откинула бы чуждое вліяніе, и пріобрѣла бы самостоятельное достоинство... Но она, бѣдное дитя, склонилась подъ бременемъ жизни... ее дѣйствительность убила... она была сотворена — приготовлена, для какого-то идеальнаго міра, котораго здѣсь не найдешь... Бѣдное дитя моего сердца, жалко мнѣ тебя!....

Смерть.

ГЛАВА V.

Наступила весна, но Радизевскіе не уѣхали въ деревню; я посовѣтовалъ Сергѣю Ивановичу съѣздить съ женою за границу. Я мало надѣялся возвратить ее къ здоровью,... въ послѣднее время, стали проявляться первые признаки угрожающей ей болѣзни... но я хотѣлъ испытать послѣднее средство — развлеченіе. На первое время эта мысль ее оживила — она какъ будто ожила, стала принимать участіе въ разговорахъ объ этомъ предметѣ — почти съ удовольствіемъ готовилась къ отъѣзду; Сергѣй Ивановичъ повеселѣлъ, надежда воскресла и во мнѣ... они уѣхали.

Прошло четыре мѣсяца.—Извѣстія о нихъ приходили рѣдко, и были неудовлетворительны: Сергѣй Ивановичъ писалъ, что путешествіе утомило Лину и не занимало ея — она стала слишкомъ слаба... Германскія воды также не помогли ей... она просилась домой въ Россію... Но ей не суждено было увидѣть передъ смертью родину и семью — оттуда привезли ея тѣло...

Какъ поразило меня это извѣстіе, не смотря на то, что я давно предвидѣлъ такой конецъ... Я помню — это было вечеромъ — я пріѣхалъ къ Натальѣ Ѳедоровнѣ въ сумерки, какъ въ первый разъ... Во всемъ домѣ мертвая тишина — не слыхать даже обычной пѣсни хозяина дома... вхожу въ

кабинетъ... тутъ они всѣ сидятъ: отецъ — мать—Прасковья Никитична... На столѣ горитъ одна свѣча... Наталья Ѳедоровна сидитъ и горько плачетъ... на полу конвертъ съ черной печатью... на колѣняхъ у нея раскрытое письмо.... Борисъ Андреевичъ, какъ убитый, неподвижно сидитъ на своемъ креслѣ... взглядъ его выражаетъ какой-то тупой, безсмысленный ужасъ... горестная вѣсть его еще болѣе поразила, чѣмъ огорчила!.. Онъ все жилъ какъ во снѣ — онъ ничего подобнаго не ожидалъ... А Прасковья Никитична пережила бѣдную Лину! Это ее не удивляетъ; лице ея все также румяно, равнодушно, и не выражаетъ ни большаго участія, ни горя... Она попала нечаянно къ Мерлинскимъ, замѣчаетъ что не кстати... и теперь видимо занята только мыслію о томъ, какъ бы ей уѣхать поскорѣй... Прасковья Никитична не любитъ трогательныхъ сценъ — онѣ вредятъ здоровью.... Она воспользовалась моимъ пріѣздомъ, чтобы уйти незамѣтно... но было не до нея... никто не всталъ, чтобы ее проводить. Я самъ стоялъ, какъ вкопаный на мѣстѣ, и какъ сквозь сонъ, слышалъ слова старухи, когда она проходила мимо меня: «Что̀ они такъ убиваются? гдѣ жь ей было жить бѣдняжкѣ... давно надо было ожидать... сами вѣдь виноваты — съ дѣтства ее заморили... я и тогда ужь говорила.

—

Сергѣя Ивановича я съ тѣхъ поръ не видалъ, но слышалъ, что когда онъ воротился изъ за границы, то былъ очень грустенъ и значительно похудѣлъ. Впослѣдствіи, я узналъ, что онъ вторично женился; говорятъ, онъ счастливъ.

Изъ дѣтей Лины двое умерли, осталась въ живыхъ только старшая дѣвочка — ее взяла воспитывать Наталья Ѳедоровна... Какъ она исполняетъ долгъ, возложенный на нее судьбою, мнѣ неизвѣстно.—Вскорѣ, послѣ этого, я навсегда уѣхалъ изъ Москвы.

Бѣдная Лина! ты не оставила по себѣ ни слѣда, ни даже доброй памяти... Кто вспоминаетъ о тебѣ теперь, кромѣ меня, можетъ быть, стараго и темнаго человѣка!... А между тѣмъ, сколько надеждъ, сколько благороднаго рвенія, сколько душевнаго богатства, пропало въ тебѣ даромъ!...

Къ чему же служитъ въ воспитаніи женщинъ это раннее, искуственное упражненіе ума? — оно только притупляетъ способности, ускоряя ихъ развитіе... Къ чему это отчужденіе отъ дѣйствительности? — оно въ послѣдствіи дѣлаетъ ихъ неспособными къ практическимъ занятіямъ. Къ чему наконецъ всѣ эти утонченности? Кто оцѣнитъ такую женщину? и что̀ въ ней цѣнить? Это моральный недоносокъ... Мужъ не нуждается въ этихъ отвлеченныхъ познаніяхъ — ему нужна хозяйка, мать для его дѣтей; онъ уже счастливъ комфортомъ, доставленнымъ ею, — а умственныя потребности, если онѣ у него есть, онъ можетъ удовлетворять иначе — чтеніемъ, или въ обществѣ умныхъ людей... Готовьте-жь практическихъ женщинъ; практическая женщина вездѣ найдется — она будетъ счастлива, и ею будутъ счастливы; она исполнитъ свое назначеніе на землѣ, и снесетъ на себѣ бремя существенныхъ заботъ.

—

Заключеніе.

Этимъ заключается рукопись Трифона Васильевича; — въ ней, можетъ быть, мало романтическаго интереса, но какъ мать, я его прочла съ участіемъ. Понятно, что послѣ того случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, онъ нѣсколько бросается въ крайность, исключительно совѣтуя практическое направленіе. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и правъ.... Есть ли благая средина? Кто̀ рѣшитъ эту задачу....

V.

СОВРЕМЕННЫЕ ТОЛКИ.

(Эмансипація въ гостиныхъ.)

Пріѣздъ.

ГЛАВА I.

У меня есть пріятель, человѣкъ умный, благонамѣренный, но слишкомъ увлекающійся всѣми новыми мыслями, и слишкомъ восторгающійся всѣми преобразованіями. Его самая чувствительная струна: любовь къ отечеству, къ пользѣ общей, но въ его устахъ это не пустыя слова—онъ самъ горячо вѣритъ въ то, что проповѣдуетъ. Да вотъ бѣда! Онъ вѣритъ также и въ искренность другихъ, и по этому часто бываетъ обманутъ, и часто играетъ смѣшную роль, не замѣчая того. Понятно, что когда заговорили объ эмансипаціи, этотъ вопросъ задѣлъ его за живое, и возбудилъ въ немъ патріотическій восторгъ... Ему казалось, что разрѣшеніе этого вопроса самая легкая вещь въ мірѣ—самъ же онъ готовъ было безъ оглядки на всѣ возможныя жертвы. Онъ давно мечталъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ отечествѣ, а теперь эта мысль стала его исключительно занимать; эмансипація сдѣлалась единственнымъ, вѣчнымъ предметомъ его разговоровъ, но онъ ужь не говорилъ «эмансипація,» онъ говорилъ только: «она», и всѣ его знакомые понимали, о чемъ идетъ рѣчь. Когда были назначены выборы и комитеты въ Ѳ... губерніи, гдѣ находится имѣніе моего пріятеля, онъ, конечно, поспѣшилъ туда, и для компаніи пригласилъ меня съ собою... У меня есть знакомые въ

городѣ Ѳ..., самъ же я человѣкъ свободный, имѣнія нигдѣ не имѣю,—небольшое состояніе мое заключается въ нѣсколькихъ ломбардныхъ билетахъ, которые я всегда ношу съ собою въ бумажникѣ,—я согласился—мы поѣхали.

Дорогой Велецкій съ восторгомъ описывалъ мнѣ все, что я увижу на выборахъ.—«Вотъ, говорилъ онъ, истинно ве-«ликое зрѣлище! Вотъ она—высокая поэзія души!... собраніе «благородныхъ людей, которые сойдутся для совершенія «святаго дѣла.... всѣми ими руководитъ одна мысль: благо «общее, любовь къ ближнему.... Тутъ уже нѣтъ мѣста для «мелкихъ интригъ, для личныхъ интересовъ. Я никогда «не жилъ въ Ѳ... губерніи, имѣю тамъ мало знакомыхъ, «но ѣду балотироваться въ депутаты съ полной увѣренностію, «что меня выберутъ, увидѣвъ горячее участіе, которое я «принимаю въ этомъ дѣлѣ.» Я молча слушалъ Велецкаго, и, хотя по своему характеру, не способенъ подобно ему восторгаться однимъ ожиданіемъ, однако и во мнѣ пробуждалось что-то торжественное, что-то завѣтное, и я готовился съ благоговѣніемъ присутствовать на этомъ почтенномъ совѣтѣ дворянъ, владѣльцевъ, собравшихся для обсужденія великаго современнаго вопроса: улучшенія быта крестьянъ...

Мы пріѣхали въ городъ Ѳ... поздно вечеромъ, и остановились въ самой лучшей и дѣйствительно почти единственной хорошей гостинницѣ, держанной какимъ-то французомъ. И сюда, подумалъ я, заѣхалъ иностранный элементъ; въ послѣдствіи я удостовѣрился, что не ошибся—въ Ѳ... не одна гостинница свидѣтельствуетъ объ этомъ: главный кондиторъ—швейцарецъ, два доктора и три аптекаря,—нѣмцы;

мало того, въ Ѳ... стоитъ войско; самый заслуженный генералъ—нѣмецъ, полковой командиръ—венгерецъ....

На другой день Велѐцкій отправился съ визитами ко всѣмъ властямъ въ городѣ, какъ то: къ губернатору, къ губернскому предводителю и къ уѣздному; я съ своей стороны поѣхалъ по своимъ знакомымъ. Вездѣ слышалъ я только о предстоящихъ выборахъ, но собственно о великомъ вопросѣ говорили мало, а болѣе разсуждали о томъ, кто будетъ выбранъ въ депутаты и кто нѣтъ. Мнѣ показалось, что самолюбіе и тутъ играетъ важную роль. Вечеромъ я встрѣтился съ Велѐцкимъ у одной старой графини, нашей общей знакомой, прежде проживавшей въ Петербургѣ.

Велѐцкій былъ въ восторгѣ отъ губернатора и отъ губернскаго предводителя, которые оба показались ему благонамѣренными и умными людьми. Объ уѣздномъ же предводителѣ онъ ничего не могъ сказать рѣшительнаго; г-нъ Меркуловскій не выразилъ ему своихъ мнѣній, и принялъ довольно холодно; однако звалъ его къ себѣ на другой день вечеромъ, говоря, что онъ познакомится тамъ съ нѣкоторыми помѣщиками своего уѣзда.... Велѐцкій сталъ уговаривать меня, чтобъ я ѣхалъ съ нимъ на другой день къ Меркуловскому, и я согласился, надѣясь на этомъ маленькомъ сборищѣ, ближе ознакомиться съ направленіемъ Ѳ...скаго дворянства.

На вечерѣ у графини П. я встрѣтилъ всѣхъ знакомыхъ, которыхъ видѣлъ поутру, но разговоры были уже другіе; въ большомъ обществѣ всякій, одинъ передъ другимъ, хотѣлъ, кажется, выказать благородство своего образа мыслей, безъ примѣси личныхъ интересовъ. О предстоящихъ выборахъ было меньше говорено—ограничивались большей частію вы-

раженіемъ желанія, чтобы выборъ депутатовъ палъ на достойныхъ людей, способныхъ обсудить этотъ вопросъ на пользу общую.—Но всѣ наперерывъ толковали объ эмансипаціи, кто за, кто противъ—дамы не уступали мужчинамъ, и оказывались самыми ревностными поборницами, въ поддержкѣ крестьянскихъ правъ. Молодые люди повторяли общія мѣста изъ общаго газетнаго репертуара.—Старики качали головой, и потихоньку замѣчали: «что жили мы, «дескать, до сихъ поръ и безъ эмансипаціи, и жили хорошо «и привольно, а теперь по міру пустятъ...» Одинъ баринъ лѣтъ 45, съ взъерошенными волосами и слезливыми глазами ходилъ отъ одного къ другому, всѣхъ задиралъ, и когда ему удавалось обратить на себя чье нибудь вниманіе, начиналъ постоянно свою рѣчь одной и той же фразой:

—Я все удивляюсь одному:—общему спокойствію...«nous marchons sur un volcan,» и никто этого не замѣчаетъ, никто не подумаетъ объ этомъ....

—«Monsieur est alarmiste,»—сказалъ ухмыляясь тоненькій блондинъ съ лорнетомъ,—но дѣло въ томъ, прибавилъ онъ, принимая важный видъ,—что всякій просвѣщенный дворянинъ долженъ радоваться, что намъ дано наконецъ средство, что представляется случай—сбросить съ себя варварство, и оправдаться передъ образованной Европой....

Отпустивъ эту фразу, молодой человѣкъ самодовольнымъ взглядомъ окинулъ все общество, но не нашелъ себѣ отвѣта..... Артемій Богдановичъ отправился дальше.... И скоро послышалась въ томъ концѣ гостиной обычная фраза: «я удивляюсь одному, удивляюсь общему спокойствію, «quand

nous marchons sur un volcan.» Но на этотъ разъ онъ обращался къ дамамъ—его встрѣтили насмѣшливыми улыбками..... дамы всегда очень храбры предъ мнимой опасностію....

Передъ выборами.

ГЛАВА II.

На другой день, часовъ въ 8 вечера, мы отправились къ Ивану Дмитріевичу Меркуловскому. Жена его худая, болѣзненная женщина, лѣтъ 35, сидѣла за самоваромъ; вокругъ стола расположилось уже нѣсколько гостей, это были помѣщики М—скаго уѣзда. Я окинулъ ихъ взглядомъ, но не встрѣтилъ ни одной обѣщающей физіономіи. Меркуловскій принялъ моего друга, какъ мнѣ показалось, нѣсколько сухо, и усадивъ его подлѣ жены, сейчасъ-же занялся другими гостями. Я очутился подлѣ одного худощаваго старика съ плутовскими глазами, который тотчасъ же заговорилъ со мною.

—Вы изъ нашего уѣзда? спросилъ онъ меня.

—Нѣтъ, отвѣчалъ я,—я пріѣхалъ сюда съ Велѣцкимъ, моимъ пріятелемъ и здѣшнимъ помѣщикомъ.

На лицѣ старика выразилось безпокойство, онъ оглянулся на Велѐцкаго и сказалъ:

—Я знаю имѣніе вашего пріятеля, онъ мой сосѣдъ, имѣніе оброчное, малоземельное,—что-жь ему вздумалось пріѣхать сюда? онъ прежде никогда не бывалъ.... Ужь не хочетъ ли онъ балотироваться въ депутаты?

—Конечно, отвѣчалъ я,—Велѐцкій не откажется быть полезнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ предстоящемъ націо-

нальномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что онъ много занимался этимъ вопросомъ въ послѣднее вр емя...

—Посовѣтуйте вашему пріятелю не балотироваться — его здѣсь не знаютъ, онъ рискуетъ быть забалотированнымъ, и знаете—ль? это вѣдь нѣсколько непріятно...

—Удивляюсь, сказалъ я,—вашимъ словамъ; хотя Велецкаго здѣсь мало знаютъ, но весь уѣздъ можетъ судить о томъ, что онъ хорошій помѣщикъ—крестьяне его въ цвѣтущемъ п оложеніи, и не обременены работой... Къ тому же, познакомившись съ нимъ, дворяне здѣшніе скоро оцѣнятъ его благородный образъ мыслей и умственныя способности.

Сосѣдъ мой покачалъ голово й.

—Этого недостаточно, сказалъ онъ насмѣшливо,—чтобы быть депутатомъ, надо имѣть вѣсъ въ уѣздѣ, даже въ губерніи... вотъ я, на примѣръ, здѣсь давно проживаю...имѣніе у меня большое, душъ тысячу—дочь я выдалъ за гвардейца—самъ имѣю чинъ генеральскій, ну, знаете ль? пользуюсь уваженіемъ въ краю—я увѣренъ, что меня выберутъ въ депутаты, но такъ какъ со всякаго уѣзда выбираются по два депутата, то, я желаю также, чтобы выбрали и моего зятя.

Въ эту минуту подлетѣлъ къ моему сосѣду маленькій человѣчекъ съ хохломъ, съ краснымъ лицемъ и длиннымъ носомъ, и началъ униженно раскланиваться съ нимъ.

—А, Замоскинъ! сказалъ старикъ весело,—и вы здѣсь.... видно жена отпустила..... что за диво! да еще въ новенькомъ, прибавилъ онъ насмѣшливо, оглядывая его съ ногъ до головы...

Маленькій человѣкъ началъ принужденно ухмыляться, но ничего не нашелъ отвѣтить... Тутъ же отозвалъ его пред-

водитель, и онъ стремглавъ побѣжалъ къ нему, и уже не отходилъ въ продолженіе цѣлаго вечера.

— Знаете ль? сказалъ мой сосѣдъ, когда Замоскинъ отошелъ,—что этотъ шутъ также намѣренъ балотироваться въ депутаты, и если бы не я, у него были бы шансы быть избраннымъ, потому что ему очень покровительствуетъ предводитель....

— Кто жь онъ такой, спросилъ я, — также помѣщикъ?— Вы упомянули о его женѣ, вѣроятно, она дама съ вѣсомъ, и онъ ею держится....

Сосѣдъ мой расхохотался.

— Марья Тихоновна Замоскина, урожденная мѣщанка, дочь лавочника. — Семенъ Семеновичъ женился на ней, тому лѣтъ пятнадцать, когда онъ былъ здѣсь квартальнымъ....

Я не могъ скрыть своего удивленія.

— И этотъ господинъ думаетъ стать въ ряду дворянъ, кандидатовъ на депутатство?...

— Это васъ удивляетъ? но вотъ вамъ другой кандидатъ, также «protégé» Меркуловскаго, — это господинъ Эннеръ, природный Нѣмецъ, его братъ исправникомъ въ нашемъ уѣздѣ.

—Но скажите, пожалуйста, спросилъ я озадаченный,—по какой же причинѣ предводитель покровительствуетъ такимъ, по моему мнѣнію, недостойнымъ кандидатамъ?

— Э, молодой человѣкъ, видно, что вы не здѣшніе,— подноготной нашей не знаете;—но если хотите, я васъ посвящу въ нее. Я вижу, вы пріѣхали какъ наблюдатель, а я могу вамъ кой-что и любопытное поразсказать. . И старикъ пододвинулся ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ.

— Меркуловскій-то нашъ кругомъ въ долгу, — удиви-

тельно, какъ онъ еще держится, — ну, да политикъ большой, дипломатъ, настоящій дипломатъ;—вотъ у него снаровка какая: онъ старается удалить съ выборовъ всѣхъ людей съ вліяніемъ, всѣхъ дѣльныхъ людей; кого упроситъ, кого убѣдитъ различными доводами, а вокругъ себя собираетъ все эдакихъ господъ, вотъ какъ Замоскины, да Эннеръ.... Они нуждаются въ его поддержкѣ, и изъ благодарности составляютъ ему партію.

— Понимаю, сказалъ я,—но какъ же вы-то попали сюда?

— Меня не проведешь, отвѣчалъ старикъ, лукаво подмигнувъ, — а ужь разъ, когда я пріѣхалъ, нѐчего дѣлать, и предводитель поклòнится мнѣ; впрочемъ, Богъ съ нимъ, пусть процвѣтаетъ — я въ уѣздные вѣдь не пойду, — онъ мнѣ не мѣшаетъ, я даже всѣмъ его Замоскинымъ и Эннерамъ готовъ класть бѣлые шары, они меня не пересилятъ.... Теперь вы понимаете, что вашему пріятелю лучше не балотироваться?...

— Это не мое дѣло, отвѣчалъ я,—онъ самъ разсудитъ, что ему дѣлать, однако я ему конечно сообщу всѣ эти подробности. Но позвольте еще одинъ вопросъ? вы говорите, что Замоскинъ былъ прежде квартальнымъ, и женатъ на мѣщанкѣ, — скажите, какъ онъ попалъ въ помѣщики?

— А, это любопытная исторія, отвѣчалъ старикъ,—вотъ какъ это было: Замоскинъ наслѣдовалъ отъ отца 29 душъ въ М...скомъ уѣздѣ, — доходами онъ, конечно, не могъ жить, и пошелъ въ квартальные. Тутъ приглянулась ему его Марья Тихоновна, дочь богатаго лавочника — дѣвушка смирная, скромная и даже простоватая, какъ казалось тогда. Вотъ и женился онъ на ней, оставилъ службу и переселился жить въ деревню. Онъ, кажется, ожидалъ найти въ женѣ по-

корную хозяйку, и думалъ поживиться ее деньжонками; но не тутъ-то было, Марья Тихоновна оказалась бой-бабой... Она тотчасъ приняла въ руки бразды правленія, да и муженька прибрала подъ туфлю. Его бѣднаго посадили подъ замокъ, стали кормить щами, да кашей, и то не до сыта, одѣвали въ рубище. — Хорошее платье Марья Тихоновна прятала къ себѣ въ комодъ, и давала ему надѣвать только по праздникамъ, въ церковь, или когда заѣзжалъ кто-нибудь изъ сосѣдей, что̀ случалось весьма рѣдко. Говорятъ даже, что она подъ часъ его и бивала, когда онъ дерзалъ выйти изъ повиновенія, или роптать на горькую судьбу. На деньги свои она скупила землю, конечно, на свое имя.... Въ сосѣдствѣ у нихъ проживала богатая помѣщица, пожилая вдова, благочестивая женщина, которую всѣ уважали въ околодкѣ. Эта барыня собиралась въ монастырь, она была одинокая и не имѣла дѣтей. Имѣніе ея было смежно съ имѣніемъ Замоскиной, и тутъ находилась спорная земля, но права̀ были болѣе на сторонѣ богатой помѣщицы. — Марья Тихоновна однажды давъ мужу приличную одежду, отправила его просителемъ къ сосѣдкѣ, и Замоскинъ такъ умѣлъ ее разжалобить, доказывая ей безполезность земныхъ благъ для такой благочестивой особы, что старушка подарила ему эту землю. Но Замоскины не удовольствовались этимъ, и вмѣсто благодарности стали оспаривать еще другую ея землю, которую имъ удалось оттягать судебнымъ порядкомъ. — Вотъ и округлились Замоскины, Марья Тихоновна стала настоящей помѣщицей, —

«И обновила наконецъ
На ватѣ шлафоръ и чепецъ....»

Сосѣди начали чаще посѣщать скромный домикъ прежняго квартальнаго, и самъ онъ, съ позволенія жены, сталъ ихъ также навѣщать.... Заговорили объ «улучшеніи быта крестьянъ», и Семенъ Семеновичъ заговорилъ съ другими,— стали готовиться къ комитетамъ, къ выбору депутатовъ, и Марья Тихоновна объявила своему мужу, что и онъ долженъ стать въ ряду кандидатовъ; — снарядили Семена Семеновича, благословили, отправили въ губернскій городъ, и велѣли непремѣнно быть депутатомъ!... Горе ему, если его забалотируютъ, — какъ явится онъ передъ грозной супругой, — она его опять засадитъ на хлѣбъ, на воду, и старикъ засмѣялся, бросая украдкой лукавый взглядъ на Замоскина.

— Однако, кажется, онъ его нѣсколько побаивается, подумалъ я, и прибавилъ громко: значитъ, г-нъ Замоскинъ желаетъ, посредствомъ депутатства, пріобрѣсти общественное положеніе—но позвольте васъ спросить, неужели и у другихъ бываютъ личныя причины на исканіе депутатскаго званія?

— А вы что думаете? — Неужели вы полагаете, что двигателемъ тутъ одинъ національный вопросъ?... Вотъ этотъ баринъ съ бородой и лорнетомъ, котораго голосъ раздается надъ всѣми другими, имѣетъ самое высокое мнѣніе о своихъ ораторскихъ способностяхъ и надѣется имѣть случай, если его выберутъ, выказать свое краснорѣчіе, но онъ имѣетъ не много партизановъ, потому что мало кто любитъ слушать;—вотъ этотъ смирный господинъ, который все время молча сидитъ въ углу, услышалъ, что депутатамъ даютъ 150 рублей жалованья въ мѣсяцъ, а при маленькомъ состояніи — это большая помощь.... въ другихъ уѣздахъ

есть богачи, которые желаютъ изъ себя дѣлать фигуру, имѣть открытый домъ въ городѣ, а депутатство по крайней мѣрѣ — уважительный предлогъ...

«Къ числу послѣднихъ и ты, вѣроятно, принадлежишь,» подумалъ я про себя. Меня начинало одолѣвать грустное чувство разочарованія, по мѣрѣ того, какъ старикъ говорилъ; я не дослушалъ его послѣднихъ словъ, — онъ еще долго что-то разсказывалъ, а я тоскливо слѣдилъ глазами за движеніями этой группы, къ которой наконецъ присоединился и Велецкій... И на лицѣ моего пріятеля я замѣтилъ упадокъ духа. Предводитель обращался съ нимъ учтиво, но съ замѣтною холодностію, и вся его партія выказывала Велецкому какую-то притворную недовѣрчивость.

Мы молча доѣхали домой. Взошедъ въ номеръ, Велецкій бросился на диванъ, и сказалъ мнѣ отрывисто: «здѣсь мнѣ не за чѣмъ оставаться, я не могу быть полезнымъ, — всякій занятъ собой, а не *ею*, (читатель, вѣроятно, пойметъ, что дѣло шло объ эманципаціи); поѣдемъ въ Петербургъ.»

— Я также совѣтовалъ бы тебѣ не балотироваться, сказалъ я,—но почему-жь не остаться зрителемъ, благо пріѣхалъ, меня занимаетъ развязка, и я не прочь бы посмотрѣть, какъ разыграются всѣ эти интриги....

Велецкій нехотя согласился, и мы рѣшились пробыть время выборовъ, какъ наблюдатели.

Выборы.

ГЛАВА III.

Я не берусь описывать подробно самыхъ выборовъ — это дѣло газетъ—порядокъ всѣмъ извѣстенъ: сначала дворяне собираются на совѣщанія по утрамъ, въ залѣ благороднаго собранія, потомъ присяга въ соборѣ и балотировка депутатовъ, которая продолжается дня три — а тамъ обѣды, завтраки, рѣчи, тосты... Я присутствовалъ при всемъ этомъ на хорахъ; — Велецкій не выдержалъ и пошелъ таки въ залу. — Я видѣлъ сверху, какъ формировались группы, какъ иные толковали съ оживленными жестами, какъ другіе перебѣгали отъ одной группы къ другой. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Меркуловскій; онъ страшно суетился, напоминая собою басню: «la mouche et le coche.» Вездѣ, гдѣ только формировалась группа, вездѣ, гдѣ оживлялся споръ, тамъ какъ разъ очутится и Меркуловскій, и становится впередъ, показывая видъ, что онъ всѣми двигаетъ, всѣми предводительствуетъ. Этотъ толстенькій человѣчекъ всюду поспѣвалъ, а за нимъ, какъ хвостъ, тянулись Замоскины и Эннеръ.

У насъ ихъ въ Россіи много нѣмцевъ, но это бы еще ничего. — Но главная бѣда, по моему мнѣнію, въ томъ, что (за исключеніемъ нѣсколькихъ большихъ именъ) Остзейскія провинціи дарятъ намъ свою отверженность.—Всѣмъ

извѣстна гордость нѣмецкихъ бароновъ, они и нашихъ дворянъ считаютъ ниже себя; а мы принимаемъ ихъ бюргеровъ какъ дворянъ, дозволяемъ имъ стать въ ряду нашихъ помѣщиковъ, ораторствовать на нашихъ выборахъ и украшать свои неслыханныя фамиліи облагораживающей частицей: «фонъ».

Глядя на общую картину съ хоровъ, я могъ замѣтить, что каждое совѣщаніе имѣло свой характеръ; конечно, я не все слышалъ, что говорилось, до меня долетали только отдѣльныя слова, но общая физіономія не ускользала отъ моихъ наблюденій. На первомъ совѣщаніи я замѣтилъ самое серьезное настроеніе духа, всѣ казались сильно озабоченными. Я сталъ надѣяться, что такое настроеніе умовъ принесетъ достойные плоды.—Симпатіи и антипатіи стали видимо выражаться, партіи обозначились,—я могъ слѣдить за ихъ развитіемъ,—я видѣлъ всѣ политическія манёвры, и какъ нѣкоторые довольно удачно собирали вокругъ себя слушателей, изъ которыхъ многіе превращались въ партизановъ. Эти господа становились гдѣ нибудь на виду, у колонны, и вполголоса, какъ бы про себя, безпрерывно повторяли имя любимаго своего кандидата, съ присовокупленіемъ хвалебнаго эпитета: «N. N. прекрасный человѣкъ, N. N. достойный человѣкъ.» Проходящіе мимо невольно останавливались и прислушивались , (а гдѣ двое или трое, тамъ скоро и десять человѣкъ соберётся),—и тогда начинался давно приготовленный панегирикъ, и дворяне, расположенные къ N. N., составляли отдѣльную партію, о количествѣ которой, какъ о шансахъ быть избраннымъ, N. N. могъ себѣ уже заблаговременно составить ясное понятіе.

На слѣдующій день, когда дворяне собрались для вто-

раго совѣщанія, я замѣтилъ другое настроеніе духа. — Они казались, какъ бы утомленными, послѣ серьезныхъ вопросовъ, о которыхъ спорили наканунѣ, и вѣроятно чувствовали потребность отдохнуть отъ нихъ. Заговорили объ *увеселеніяхъ*, по случаю выборовъ: надлежало выразить губернскому предводителю уваженіе и благодарность къ нему дворянъ. Онъ дѣйствительно человѣкъ хорошій, и понравился мнѣ на выборахъ: спокойный, достойный старикъ, внушающій всеобщее уваженіе, не вмѣшивающійся въ мелочныя интриги...

Такъ какъ было всеобщее желаніе выразить ему признательность дворянства, я думалъ, что этотъ вопросъ очень скоро рѣшится, но не такъ-то было: возникъ споръ о томъ: дать-ли балъ или обѣдъ? и споръ этотъ сдѣлался очень горячимъ, и занялъ все это утро. Спорили съ жаромъ, скажу почти съ огнемъ и увлеченіемъ,—многіе довольно краснорѣчиво и даже юмористически поддерживали свое мнѣніе. Одинъ высокій, плѣшивый баринъ какъ-то особенно стоялъ за балъ, горячо доказывая, «что обѣды сдѣлались пошлы, что всѣмъ даютъ обѣды, а балъ будетъ болѣе блестящее, болѣе радостное выраженіе дворянскихъ чувствъ, въ этотъ торжественный случай.»

—Помилуйте, громко перебилъ его маленькій, широкоплечій, бородатый помѣщикъ, въ очкахъ,—съ чего же намъ плясать? Мы будемъ похожи на рыбокъ, которыя прыгаютъ, когда ихъ жарятъ на сковородѣ...

Многіе разсмѣялись, но одинъ серьёзный баринъ, изъ числа тѣхъ, которые считаютъ преступленіемъ улыбнуться на такихъ сборищахъ, и педантически серьёзно разсужда-

ютъ о самыхъ пустыхъ вопросахъ, важно объявилъ, что онъ также совѣтуетъ дать обѣдъ.

—Мы должны, сказалъ онъ,—употребить всѣ усилія, чтобы въ этомъ важномъ случаѣ оставить неприкосновенными всѣ священные обычаи, которые ведутся изстари въ нашемъ отечествѣ; замѣтьте, что мы собрались теперь не для преобразованія народнаго быта, а для *улучшенія быта крестьянъ*... Наши предки не давали баловъ,—но славились своими боярскими пирами, или обѣдами;—и такъ, господа, мнѣ кажется, что обѣдъ будетъ, съ нашей стороны, самое приличное изъявленіе нашей признательности къ почтенному и благородному предводителю, и выразитъ собою консервативное направленіе дворянства, въ настоящее время...

Рѣшились дать обѣдъ.

Я не распространюсь о рѣчахъ, сказанныхъ передъ выборами, онѣ были, какъ всегда бываютъ таковыя рѣчи;—звучный громкій голосъ начальника губерніи торжественно раздавался въ прекрасной, высокой залѣ; духовное лицо сказало поучительное слово, съ приведеніемъ приличныхъ текстовъ; слабый голосъ губернскаго предводителя сначала не долеталъ до меня, но потомъ слухъ мой привыкъ къ его органу, и я сталъ ясно различать его слова. Рѣчь его понравилась мнѣ, въ ней было что-то искреннее, прочувствованное, и когда онъ сказалъ эти простыя слова: «Господа, будемъ думать не о томъ, чтобы рѣшить этотъ «великій вопросъ лучше, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, но «на столько хорошо, какъ наши силы позволятъ.—Не станемъ спѣшить, чтобы кончить скорѣе, но попросимъ у Бо«га помощи, чтобы кончить къ общему удовлетворенію обо«ихъ сословій...» мнѣ показалось, что эти слова нашли от-

голосокъ во многихъ присутствовавшихъ, и возбудили сознаніе той благородной, важной цѣли, для которой они собрались.

Но вскорѣ, при балотировкѣ депутатовъ, опять возникли личные интересы и мелкое честолюбіе.—Многіе были обмануты въ своемъ ожиданіи... въ томъ числѣ и мой сосѣдъ, на вечерѣ у М....скаго предводителя, генералъ Зюминъ.—Его зятя дѣйствительно выбрали въ депутаты, но его самого назначили только кандидатомъ, что̀ показалось ему несовмѣстнымъ съ его генеральскимъ чиномъ и тысячью душами... Вторымъ депутатомъ М....скаго уѣзда выбранъ самъ г. Меркуловскій, который сильно интриговалъ объ этомъ. Можно сказать, что онъ въ потѣ лица выигралъ себѣ депутатство. Велецкій не балотировался.—Эннеръ кричалъ всюду, на ломанномъ русскомъ языкѣ, «что настоящаго достоинства не цѣнятъ, а выбираютъ интригановъ...»—Я не могъ не подумать, что *онъ*, по крайней мѣрѣ, служитъ доказательствомъ того, что въ насъ—русскихъ, еще сохранилось чувство собственнаго народнаго достоинства... Но кто былъ жалокъ—это маленькій Замоскинъ... Передъ балотировкой стали наводить справки на его прошедшее, и узнали, что, когда онъ былъ квартальнымъ, то находился подъ судомъ, и имѣлъ грязненькое дѣло въ Уголовной Палатѣ, по смыслу котораго не возможно было дворянамъ избрать его въ депутаты... его забалотировали... Семенъ Семеновичъ былъ неутѣшенъ; главная его забота теперь состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно ловчѣе объявить женѣ о своемъ несчастіи.—Меркуловскій взялся написать къ ней письмо, и увѣрить ее, что мужа не выбрали только потому, что выбрали *его*—Меркуловскаго, и что онъ просилъ Замоскина не бало-

тироваться, и не перебивать у него депутатства... Повѣритъ-ли Марья Тихоновна этой баснѣ?—едва-ли... Мы видѣли Замоскина потомъ у Меркуловскаго, который вдругъ сталъ очень любезенъ къ намъ, когда Велецкій отказался отъ балотировки.—Замоскинъ ходитъ, повѣся носъ, и не рѣшается ѣхать одинъ къ женѣ, — Меркуловскій, кажется, согласился самъ проводить его домой. На какія жертвы способна дружба!...

Завтра мы ѣдемъ обратно въ Петербургъ; — восторгъ Велѐцкаго, который на время было остылъ, въ столкновеніи съ печальной дѣйствительностію, опять проснулся. . онъ, кажется, хочетъ написать книгу на великую тему....но когда книга будетъ окончена, вѣроятно вопросъ о *ней* будетъ уже давно рѣшенъ....

Конецъ.

ПОПРАВКА.

На стр. 194, на 4 строкѣ снизу, вмѣсто напечатаннаго: «mit ungeheuer, schöne schwarze Augen,» слѣдуетъ читать: «mit ungeheuer schönen schwarzen Augen.»

